ISSN 0131—0097

МАЙ № 19 1991

THE WEEKLY MAGAZINE

ОГОНЁК

ЭТО—ПРАЗДНИК...

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Выходит с 1 апреля 1923 года
УЧРЕДИТЕЛЬ —
ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ
РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

№ 19 (3329)
4 — 11 мая

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Тамада. (См. в номере материал «Моя работа, горькая на вкус».)

Фото Павла КРИВЦОВА

Оформление Е. М. КАЗАКОВА
при участии О. И. КОЗАК.

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ.
Цена подписки на год — 46 руб. 80 коп.,
на полгода — 23 руб. 40 коп.,
на квартал — 11 руб. 70 коп.
Цена одного номера в розницу — 1 рубль.

Сдано в набор 12.04.91. Подписано к печати 26.04.91. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 1 790 000 экз. Заказ № 367. Цена 1 рубль.

Адрес редакции: 101456, ГСП,
Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 251-90-55; Справки по рекламе — 212-12-00.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Издательство ЦК КПСС «Правда». Типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». Москва, А-137, улица «Правды», 24.

КУДА ТЕПЕРЬ ИДТИ СОЛДАТУ

Единственную боевую награду, самую дорогую для него,— медаль за прорыв блокады Ленинграда — у него украли в госпитале, когда привезли туда Григория Ивановича Острякова без сознания с раной в животе и развороченной правой рукой. От ран остались шрамы, похожие на веревки, и на его парадном пиджаке сейчас много наград — и за труд, и за войну, и те, которые вручали к торжественным датам. А ту медаль жалко до сих пор, особенно когда вспоминается, как было страшно, как погибших сбрасывали под лед, потому что хоронить было некогда да и некому.

Перед войной он работал в шахте коногоном. После войны вернулся на ту же шахту, но под землей работал недолго — в шестидесятых открылись раны на ногах и с тех пор так и не заживают. Поэтому работает на поверхности доставщиком. Это значит узнать, какой инвентарь нужен, выписать его, взять на складе, а потом разнести в разные концы шахты, что было бы нетрудно, если б не больные ноги. Ему семьдесят пять лет, и пенсию свою он давно заслужил, но бросить работу не может — что тогда у него останется? Работа и люди, с которыми он общается,— его жизнь, его радость, его развлечение. Нельзя сказать, что он совсем одинок, у него есть два сына, с которыми у него как-то не получилось, и он поселился один, рассудив, что для них пожилой отец — радость небольшая. Всю жизнь он привык рассчитывать только на себя, привык быть независимым. От шахты дали квартиру — однокомнатную, без телефона, в другом конце города, так что на работу добираться минут сорок — ну и что же, говорит он, и ничего, зато никого не обременяю... Со своим домашним хозяйством он пока вполне справляется, да и что там за хозяйство — ложки-тарелки да белье постельное...

Ему живется не хуже, чем другим старикам ветеранам. Даже лучше, чем многим из них: он не бедствует, у него есть где жить, он не голодает, ему хватает зарплаты, правда, только на самое необходимое. У него есть работа и даже старенький, похожий на картонную коробку зеленый «Запорожец», правда, не собственный, а выданный на время собесом. У него был настоящий друг Демченко, с которым вместе работали на шахте до войны, вместе на войну уходили и вместе вернулись. Потом опять вместе работали, вдвоем отмечали праздники. Несколько месяцев назад похоронил Григорий Иванович своего друга Демченко, и странным образом сразу же после этого перестал ездить «Запорожец», как заговорили.

У него есть все, чтобы не бедствовать, но все тяжелей и тяжелей ему и таким, как он, в жизни, которая еще буквально вчера была привычной и размеренной, а сегодня встала на дыбы... «Знаете, вот я помню, на этом месте раньше, сразу после войны, старый клуб был. Человек шестьсот всего вмещал. Так во время торжественных собраний на шахте протиснуться было некуда, в проходах стояли. Стоишь, ждешь, когда лучших будут называть, передовиков, сердце замирает: назовут или не назовут? Премировали — кого отрезом, а кого даже и часами. И жизнь, и работа — все ожидание праздника было — может, просто мы молодые были? Все понять пытаюсь...»

Он пытается понять, читает газеты и ходит на шахтерские митинги. Считает, что в чем-то, конечно, переборщили, а бастуют правильно, по делу, никогда шахтер так тяжело не жил. Себя он тоже с гордостью называет шахтером.

Он не может понять, почему мы выбрали именно его — вот есть сосед по дому, так у него и наград больше, и судьба куда более героическая. Он стесняется идти через шахту в пиджаке, звенящем медалями,— снял, засунул под мышку и надел его, только когда с территории шахты вышел.

Он никогда не ходил на торжественные собрания, посвященные Дню Победы, вместо них они с Демченко выпивали по сто граммов и вспоминали, как били финнов и немцев. Он никогда не выступал перед пионерами — его никто не приглашал, а рассказать он мог бы многое. Он никогда не сидел в президиуме. Может, поэтому мы его и выбрали: он один из тех, гордых, самостоятельных стариков, которые до сих пор думают, что ничего выдающегося они не совершили — только исполнили свой долг. А уплаты этого долга ждать им от нас и ждать, многим уже не дождаться. Старые, больные, скромные и боящиеся стать обременительными, не могущие и не желающие брать с боем или унижением то, что они заслужили, спасибо вам — пока вы еще есть.

Юлия ВЕРНИКОВСКАЯ
Фото Сергея ПЕТРУХИНА

Георгий РОЖНОВ

НЕ БУДИТЕ НОЧНОГО СТОРОЖА

Будни ли, праздники, суббота ли, воскресенье — в Москве заседают. Левые кроют правых, правые — левых, те и другие грызутся с центристами, каждый мнит себя демократом, а противника реакционером, на каждом собрании непременно надрыв, металл в голосе, ярость в глазах, всяк грозит бунтом, неповиновением, сулит крах несогласным, вещает о катастрофе страны.

В предпоследние выходные апреля, аккурат перед очередной ленинской годовщиной, тоже собирались многолюдно и тоже шумели гневно. В одном доме на проспекте Калинина — депутаты группы «Союз», в другом, рядышком,— депутаты от «Дем. России». О чем они там судили, кого сокрушали, не слышали тогда ни я, ни десятки моих коллег, помчавшихся субботним утром 20 апреля в гостиницу ЦК КПСС «Октябрьская». Если бы не знал адреса, ни за что бы ее не нашел. Ни тебе вывески, ни рекламы на крыше, по всему периметру высоченный железный забор, в нем глухие ворота и аккуратная будочка, в которой тебя встречают не престарелые швейцары, а братски похожие друг на друга молодые люди с отменным здоровьем и выправкой.

Вот в такой-то строгой благости и собралась здесь давно ожидаемая конференция «круглого стола». Обещали на ней быть: Вадим Бакатин, Егор Лигачев, Гавриил Попов, Николай Петраков, Руслан Хасбулатов, Станислав Шаталин, Григорий Явлинский. Имена впечатляют, не правда ли? Но еще более то, что их — таких разных, со столь непохожими, а то и просто полярными взглядами,— удалось собрать и усадить вместе за «круглый стол». Созвать разноголосое общество взялись независимый университет «Вашингтон — Париж — Москва», комитет «Национальное согласие» («Римское движение») и «Комсомольская правда». Тема разговора — «Перестройка в СССР: вчера, сегодня, завтра».

Точными были двое будущих собеседников — Лигачев и Бакатин. Егор Кузьмич нас очаровал — одет пенсионно неброско, полы темного плаща и грива седых волос лихо развеваются, когда он скачет через две ступеньки по высокой лестнице, всем улыбка, кому рукопожатие, кому взмах рукой, взгляд веселый, уверенный. Бакатин, напротив, поднимался степенно, даже вальяжно, элегантный костюм, белоснежная рубашка, галстук в тон, туфли сияют, а вот взгляд строг, лицо неулыбчиво — поднялся человек после недавнего краха, какая-никакая, но власть. Уже на сцене, перед столом, который, конечно, на самом деле выглядел привычно длинным, с микрофонами и бутылками минеральной воды, Бакатин подал Лигачеву руку, кино- и видеокамеры застрекотали, и Егор Кузьмич, к радости прессы, ухватил Вадима Викторовича за плечи и нежно тряхнул, хохоча. Через одиннадцать минут к ним подсел Попов, через тридцать восемь — Явлинский, оба раскланялись, улыбнулись — начали! Бразды правления взяли на себя Эдвард Х. Крейн — президент и основатель американского института Като, президент тоже американского независимого университета «Вашингтон — Париж — Москва» Эдвард Д. Лозанский и политический обозреватель «Комсомольской правды» Александр Афанасьев.

Что хотелось бы устроителям услышать от высоких гостей сразу же? А вот что: как наша страна дошла до жизни такой? Что вообще со всеми нами происходит? Что нас всех ждет? И что же нам все-таки делать конкретно, как выбираться из трясины, в которую с маниакальным упорством мы залезаем вот уже семь с лишним десятилетий? Ничего себе вопросики, верно? Неужели знают ответ? Неужто услышим?

Думаю, есть мне резон просто излагать точки зрения сидящих перед нами политиков, а спорить друг с другом предоставить им самим, для того и собрались. И еще — никто из полемистов не старался быть докой во всех абсолютно проблемах и говорил прежде всего о том, что ему ближе, очевиднее, яснее.

Итак, слушаем Попова — не знаю, как кто, а я был весь внимание и удивление. Кое-что перескажу своими словами, а где-то и процитирую, диктофон не обманет. Как признанный демократ, Гавриил Харитонович взялся размышлять о демократии, но вот в каком необычном ракурсе: а возможна ли она у нас сейчас в полном объеме, как, скажем, в странах, которые мы привыкли называть цивилизованными? Система Советов, убежден Попов, несовершенна — нельзя более терпеть засилье представительных органов и мириться с беспомощностью органов исполнительных и судебно-правоохранительных.

Теперь цитирую: «На переходный период нам нужна особая система административной власти. Эта власть должна быть прочной, устойчивой, преемственной. Новый административный режим должен сопровождаться ограничением власти представительных органов, нынешних наших парламентов, Советов всех уровней. С одной стороны, этот режим должен защищать население в социальном отношении, с другой — подавлять чрезмерные претензии к социальным гарантиям».

Уверен, взгляд читателя непременно тревожно задержится на печальной памяти словах: «режим», «подавление», «ограничение», всяк волен выстраивать свои параллели и делать свои выводы из услышанного.

А вот такая мысль московского мэра:

— Реальная перспектива одна — надо возвращаться к старой модели государственного устройства, когда сердцевиной для всей страны была Россия. Мне трудно представить себе государство, где будет власть, отдельная от России. Союз может существовать только при руководящем положении России, иначе его не будет вообще.

Предвидел Гавриил Харитонович наши вопросы, ответы на них дал тут же. Действительно, где гарантии того, что в соответствии с нашими традициями сильная исполнительная власть, за которую устами Попова ратуют наши демократы, не превратится в очередной тоталитаризм? Во-первых, успокаивают нас, руководители исполнительной власти нами же и будут избираться. Во-вторых, представительные органы хотя и будут ограничены, у них будет возможность переизбрания властителей. В-третьих, сползанию к личной диктатуре воспрепятствует оппозиционная партия, которую предстоит создать.

Нормальные демократические структуры, убежден Попов, появятся лишь тогда, когда мы перейдем к реальной рыночной экономике. Сколько будем переходить?

— Лет пять — десять — пятнадцать,— вот вам ответ.

После негромкого, плавного, где-то насмешливого, а где-то и шутливого говорка Попова наушники наши сразу потяжелели от громкой, взрывной скороговорки Бакатина — никакой тебе осторожности, стеснительности, дипломатии или подтекста — сразу в лоб залп по журналистам, по американскому профессору Крейну — пишущие люди вроде бы обещали просто беседу за «круглым столом», за кофе или чаем, а тут вот оказалось, что затащили на серьезную конференцию, еще что-то говорят о наступлении на гласность, хотя свободы у них хоть отбавляй, а профессор из Америки перед началом разговора не удержался от политических клише, потом Бакатин, правда, напор свой ослабил, журналистов и участников дискуссии назвал очень уважаемыми, засвидетельствовал свои к ним дружественные чувства и, представьте, такой своей простецкостью аудиторию явно расположил. И еще за одно надо поблагодарить Бакатина — как он ни ерничал вначале, а все же принял условия игры, первым начал полемику, оспаривая того же Попова. Почему вопрос о политических структурах, о механизме власти тот ставит на первое место и с него предлагает стартовать в долгожданных реформах? Да не об этом — об экономике надо нам печься, ее спасать, а с ней и самих себя. Тут бы всем не мешало успокоиться, поразмыслить рассудочно; паникуя, мы еще и не таких дров наломаем. Вот вам пример такой рассудочности, говорит Бакатин,— Российский съезд. Главная его заслуга: он доказал возможность диалога между двумя главными оппонентами — между центром и Россией. А дальше важно. Цитирую:

— Центральным структурам государственной власти нужно в корне изменить политику в отношениях с российскими властями. Это должна быть политика подчеркнутого сотрудничества. Другой вопрос, и тут я готов с Поповым спорить,— сомневаюсь, чтобы республики согласились с заменой центра одной Россией.

Нет, не хочется Бакатину утопать в политических спорах, он снова возвращается к экономике, ему претит болтовня, говорильня в парламентах и на кухнях, он прагматик, ему дело нужно, хоть какой-нибудь, да результат. И не тот, который мы ждем от бесконечных споров между коммунистами и антикоммунистами, между демократами и консерваторами. Бакатину хотелось бы, чтобы власти предержащие повернулись лицом к демократам, посмотрели бы на них дружелюбнее, без предубеждения — только тогда мы соберем воедино интеллект и различных политических движений, и одиночек.

А вот точка зрения Бакатина на ряд последних событий в стране. Забастовки шахтеров — безумие, их требования отставки Президента и правительства, роспуска Верховного Совета — неконституционны. Бюджетная политика правительства, оглушившее народ повышение цен — шаги трагические, недопустимые. Это ли не безумие — еще в прошлом году намеревались разработать порядок индексации, социальных гарантий при росте цен и только теперь, после шквала народного гнева, вспомнили об обещанном. Мы что, самоубийцы? — воскликнул Бакатин. Потом спокойнее, как бы диктуя: нужно активнее проводить малую приватизацию, создать гарантии для иностранных инвестиций, упорядочить внешнеэкономическую деятельность. На рынок стоит немедленно выбросить товары, ранее там не бывавшие,— грузовики, бульдозеры, тракторы, станки, вот вам и деньги в бюджет.

Уже бы и заканчивать Бакатину надо, да еще не доспорил с Поповым. Да, все этого ждали — не по душе бывшему шефу МВД надежды на сильную административную власть. Да, никто не спорит — структуры власти сегодня развалились. Но давайте, предлагает Бакатин, будем откровенны — ведь та, прежняя, власть держалась на всей мощи конституционно правящей партии — КПСС, обеспечивая тем самым долговечность партийно-государственной системы. Могла ли она сохраниться после пусть частичного, но все же отхода коммунистов от командно-распорядительных функций? Никто с Бакатиным не спорил — вопрос риторический.

Можно, думаю, заметить, что и Попов, и Бакатин, несмотря на широкую известность их взглядов и позиций, собравшихся в зале все же нет-нет и удивляли, сама атмосфера публичного диалога с минимумом домашних заготовок побуждала их к этому.

Заговоривший после них Лигачев вроде бы никаких принципиально новых открытий никому не подарил, но как раз поэтому слушали его с откровенным любопытством и доброжелательностью — при модной нынче переменчивости взглядов и даже убеждений истовая приверженность Егора Кузьмича своим принципам умиляла. Он верит в то, что, начиная перестройку, команда Горбачева опиралась на всю мощь могучей державы, добившейся к тому времени военного паритета с Западом, что первые три года дела уверенно шли в гору. А дальше, увы, пошли шараханья, перестройка претерпела деформацию, подъем сменился дезорганизацией. Что в итоге? Хорошего мало: общество расстроено экономически, политически, нравственно. Лигачеву любопытно: какова же расстановка общественно-политических сил в этой ситуации? Да и нам небезразлично, поэтому слушаем ответ. Егор Кузьмич плохо понимает, что такое правые и левые, демократы и консерваторы, но отменно видит, что среди его сограждан есть те, кто ратует за социалистический путь развития на базе общественной собственности на средства производства, и силы, которые жаждут господства частной собственности, что означает их попытку вернуться к старому и начать попятное движение. Мы поняли это так: когда все гамузом складывается в общий котел — это движение вперед, ко-

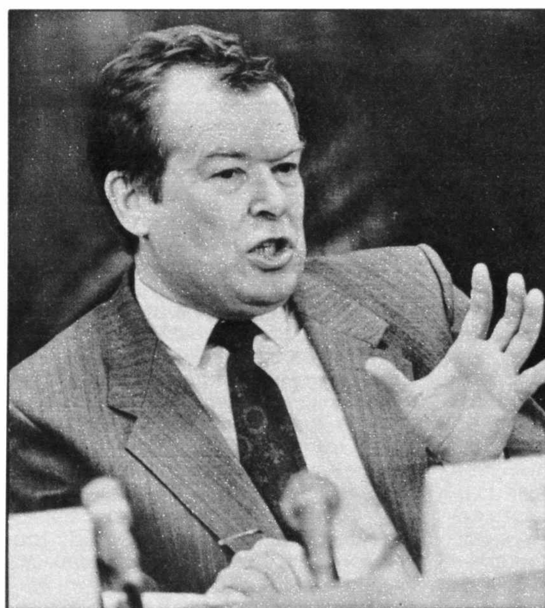

Фото Василия КОРНЕЕВА

гда же является нам частник — это движение назад. Значит, основное противоречие общества, по Лигачеву,— между поборниками социализма, и теми, кто толкает нас к окаянному капитализму. И вообще все преобразования должно проводить в рамках социалистической системы, восстановить в народе веру в подлинный социализм, в то, что мы сами можем выйти на дорогу прогресса. Как? А вот слушайте: нужно вдобавок ко всему сказанному поднять патриотизм народа, а для этого взять на вооружение историю, воззвать к предкам. В перерыве, когда я подстраивался то к одной, то к другой группе экономистов, похвальное слово Егору Кузьмичу говорили почти все — начертанная им программа выхода из кризиса хороша уже тем, что не требует никаких затрат, никаких инвестиций. И еще тем, что все в ней привычно, ничто не будоражит ума, не тревожит сердца. «Куда мы идем?» — спросил Егор Кузьмич. И тут же ответил: «К коммунизму». «Кто та сила, которая выведет общество из кризиса?» Тоже ответил: «Коммунистическая партия». Коли будет так, к показателям 88-го года мы вернемся через три-четыре года. «Голову на отсечение не дам, но руку — пожалуйста»,— предложил Лигачев.

Хотя каждый из трех выступавших непременно подчеркивал, что выступает только от своего имени и выражает сугубо личную точку зрения, многие мои коллеги понимали, что и за государственными служащими Поповым и Бакатиным, и за пенсионером Лигачевым стоят отнюдь не малые числом их сторонники, и потому каждая фраза, несмотря на очевидную парадоксальность, воспринималась с достойной уважительностью, ни смешков, ни удивленных возгласов я не слышал. Так бы в парламентах, так бы на митингах!

Поучительно будет и то, как, скажем, тот же Григорий Явлинский отреагировал на откровения своего давнего оппонента Лигачева. Да, непримиримо. Да, резко. Но при всем этом сумел обойтись и без любезных иным полемистам грубостей или тем паче личных выпадов — стыдно, право, что приходится этим восторгаться. Вот только два изящных паса Явлинского в сторону Егора Кузьмича. «Мы идем к коммунизму? Что ж, судя по тому, что творится вокруг,— похоже». Еще: «Спрашивают: как накормить народ? Никак — народ сам себя прокормит, мешать не надо».

Впрочем, от Явлинского ждали не просто полемики, а ответа на вопросы, поставленные вначале: что же все-таки с нами происходит, как найти свет в конце туннеля?

Явлинского я пересказывать не берусь — он не просто политик, он блестящий экономист, профессионал в своем ремесле, он мыслит одному ему присущими категориями, у него своя метода, свои открытия. Вот что я выписал с кассеты диктофона: «Когда говорят, что мы вошли в кризис,— это неверно. Это полная трансформация системы по всем направлениям. Очень похоже на то, что было в 14-м, 16-м, 17-м годах, что было гораздо раньше, в семнадцатом веке. И никогда, заметьте, Россия не выходила из подобных ситуаций достойно, без крови, без потрясений. Сегодня мы жестко ограничены во времени — разрушительные процессы нарастают с каждым днем. Раскручивается инфляция, останавливается производство. Рост цен не остановится, они и так гораздо выше, чем мы предполагали год назад. Может сложиться ситуация, когда какая-то политическая сила может вдруг подумать, что именно она сильнее всех других, что она может не только взять власть, но и что-то сделать лучше других. Это — заблуждение. Власть для такой силы окажется настолько горячей, что ее тут же захочется выронить. А раз так, то мы должны в поисках решения как экономических, так и политических вопросов принять во внимание все существующие у нас политические силы и начать процесс взаимных переговоров. Увы, для нашей страны это нетрадиционный подход, к «круглым столам» мы не привыкли, да и в традиционном понимании он нам ничего не даст. Значит, это должны быть не просто встречи, на которых о чем-то переговорили и что-то решили, а непрерывный переговорный процесс. Трудно? Невозможно? Но давайте вспомним, что даже войны кончаются переговорами, пусть даже о безоговорочной капитуляции. Так, может быть, попробуем через эти войны перешагнуть, уйти от них и сразу, сегодня начать переговоры?»

Сколько бы вопросов ни задавали мои коллеги четырем политикам, каждый раз было трудно с точностью предсказать, каков у кого будет ответ,— в этом-то и вся прелесть таких дискуссий, таких «круглых столов». Тот, который мы видели в «Октябрьской», задумывался организаторами прежде всего для того, чтобы не только узнать, но постараться сблизить точки зрения на происходящее в стране не просто именитых, но прежде всего разных ее представителей. И не беда, что они сразу не ударили по рукам, важнее то, что лучше узнали друг друга, смогли ответить откровенностью на откровенность. Но вот что я заметил — если мои соотечественники принимались объяснять свое видение путей выхода нашего общества из кризиса, умопостроения каждого были одинаково длинны и многословны, словно были они первооткрывателями своих проектов. Но вот я послушал мнение двух крупнейших американских экономистов — Роджера Пайлона и Джеймса Дорна, оба попросили слова. Так вот — суть их выступлений я легко умещу в два абзаца. Послушаем, это недолго.

Пайлон: «Одна из главных наших ценностей — абсолютная экономическая свобода человека. Мы не должны просить у правительства учредить рынок и заняться тем бизнесом, который нам нравится. Напротив, мы наделяем правительство теми правами, которые считаем нужными. Поэтому все разговоры о рынке под контролем правительства нельзя принять всерьез. А уж плановорыночная экономика — понятие просто неграмотное, нереальное. Пока это не станет истиной — на успех реформ надеяться нечего».

Дорн: «Рынок без частной собственности — абсурд. Вспомните, все государства, которые признают приоритет частной собственности, процветают, их экономика стабильна и конкурентоспособна. Что, на наш взгляд, следует сделать прежде всего? Добиться сокращения всевластья правительства, дать свободу частной инициативе. Еще Адам Смит образно заметил, что обязанности правительства по руководству экономикой не должны быть шире обязанностей ночного сторожа. Ему достаточно за ночь раз-другой обойти свои владения, присмотреть за порядком, а днем отправиться спать».

Я послушал таких умниц, как Петраков, Пияшева, Емельянов, Шаталин, и убедился еще раз — нашу центральную власть Адам Смит в ночные сторожа не определил бы, она бдит круглосуточно, она глаз не смыкает в неусыпном надзоре над каждым трудящимся, над каждым заработанным нами рублем, над каждой тонной угля, нефти, металла, над каждым утюгом или пачкой сигарет. Возьмешь в этих условиях землю? Купишь магазин? Откроешь отель? Верно, отдельные смельчаки находятся, их мужественные лица мы иногда видим на экранах телевизоров и каждый раз слышим одно и то же: то не подписали нужную бумагу, то вдруг забыли последний Указ Президента, а то и вовсе осерчали, удушили налогом и пустили по миру.

А что же та плеяда известнейших экономистов, которую я только что упомянул,— они-то почему не указывают нам путь, не прокладывают дорогу к светлому будущему?

Полноте, все они уже сказали — и Явлинский, и Шаталин, и Петраков, и многие другие светлые головы. Лариса Пияшева, например, с чисто женской нежностью назвала сентябрь минувшего года светлым месяцем надежд — вот-вот должны были утвердить программу 500 дней Шаталина — Явлинского, вот-вот перейти, наконец, к делу. И что же? А ничего, пшик. Давать после этого новые советы, морочить себе и властям голову в разработке новых программ?

Недавний советник Президента Николай Петраков вспомнил такую милую подробность из своей почти годичной деятельности в Кремле. Появится он в тамошних коридорах, сразу вопрос: ну, придумал что-нибудь этакое? Да все то же, отвечает, надо бы декрет или указ о частной собственности принять, она в основе реформ. И враз все скучнеют, темнеют лицом — нет, надо бы нам свои реформы придумать, ни на чьи не похожие, свой путь проторить.

И проторили — нет сегодня в мире такой безумной экономики, как наша, никто ни в Европе, ни в Азии не живет хуже и безысходнее нас. И антикризисная программа Павлова, как убежден тот же Петраков, изначально обречена на провал. Она не остановит ни спада производства, ни роста цен, ни грядущей гиперинфляции, ни разбалансировки бюджета.

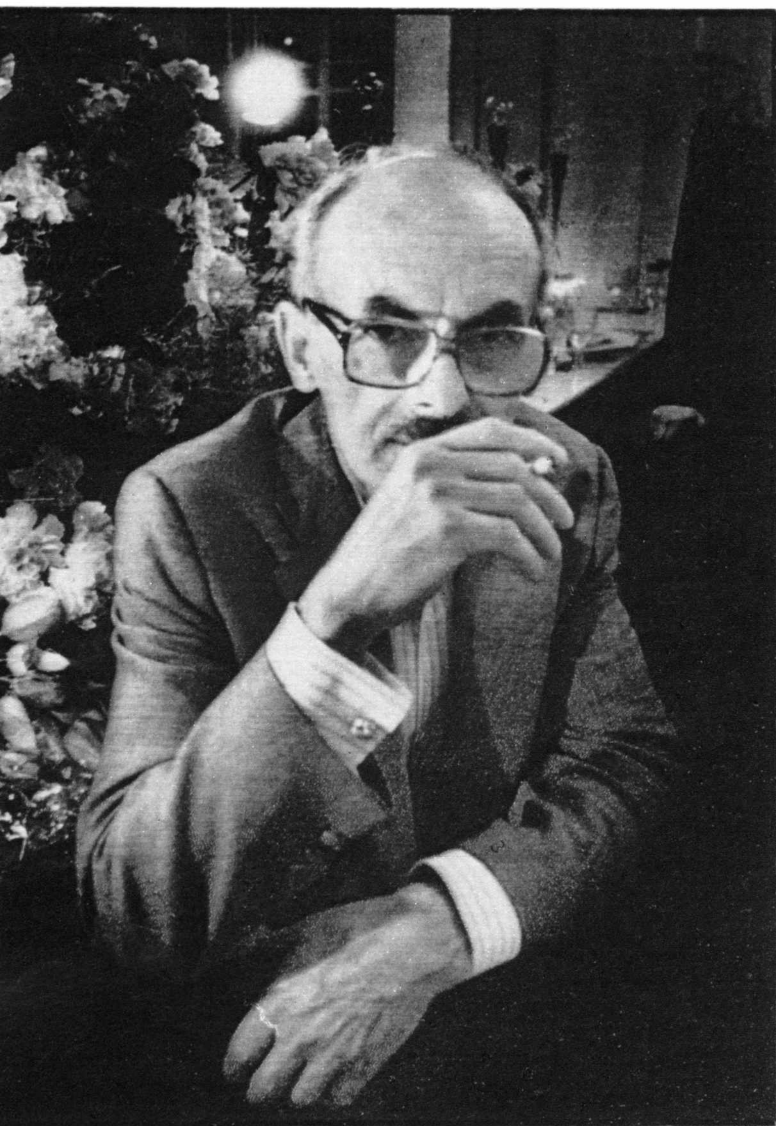
Вряд ли мне нужно перечислять сейчас все те беды, которые предрекают нам и отечественные, и зарубежные экономисты — они очевидны для каждого, кто хоть на минуту выйдет за порог своей квартиры. В этом хаосе, в этой более чем очевидной беспомощности и союзного правительства, и союзного парламента нет у нас другого пути, чем немедленная готовность к национальному согласию, к консолидации общества на основе просто здравого смысла. Разве не нелепица, например, что цвет нашей экономической мысли отторгнут и Президентом, и премьером, что знающие свое дело профессионалы не входят ныне ни в одну из властных структур? Бывший член Президентского совета, бывший советник Президента, бывший вице-премьер России — неужели причину отставки мы и сегодня будем находить в независимости политических взглядов профессионалов, в смелости их суждений, не совпадающих с догмами аппаратчиков?

Когда мы снова дождемся «круглого стола» с гораздо большим и представительным составом участников? Летом, когда окончательно убедимся в проваленном севе и обреченном урожае? Осенью, когда останемся без угля и металла? Зимой, когда начнем коченеть от холода и голодухи?

Боюсь, что я слишком щедр во времени и поздно может быть уже завтра.

УПРАЗДНЕННЫЙ ТЕАТР...

С Булатом ОКУДЖАВОЙ беседует журналист Илья МИЛЬШТЕЙН

В смутные времена, когда улицы заполнены митингующими, вожди клянутся толпам в любви и колдуны предсказывают будущее, человек одинок и испытывает нужду в собеседнике.

Хочется просто поговорить с тем, кому давно и прочно веришь. Мой собеседник — известный русский поэт, прозаик, один из создателей жанра современной авторской песни. Беседа с ним — продолжение читательского общения, которое у старшего поколения длится уже более 30 лет: срок достаточный, чтобы оценить друг друга и довериться вполне. Булат Окуджава «в представлениях не нуждается», применительно к нему даже фраза эта выглядит затертой.

9 мая солдату Отечественной войны Булату Окуджаве исполняется 67 лет

Кириллу Померанцеву

Как хорошо, что Зворыкин * уехал
и телевиденье там изобрел!
Если бы он из страны не уехал,
он бы как все на Голгофу взошел.

И не сидели бы мы у экранов
и не пытались бы время понять,
и откровения прежних обманов
были бы нам недоступны опять.

Как хорошо, что уехал Набоков,
тайны разлуки ни с кем не деля...
Как пофартило! А скольких
пророков
не пощадила родная земля!

Был этот фарт и не очень уж
сладок...
Как ни старалась судьба за двоих,
все же не выпали в мутный осадок
тернии их и безумия их.

Как хорошо, что в прозрении
трудном
наши глаза застилает слеза!
Даже и я, брат, в своем неуютном
благополучии зрю небеса.

Что же еще остается нам, кроме
этих, еще не разбитых оков?..
Впрочем, платить своей болью и
кровью —
Это ль не жребий
во веки веков?

*** В. К. Зворыкин — русский инженер, эмигрировавший в 1917 году и изобретший в США телевидение.**

— В Париже старый человек, грузин, пригласил меня в свой ресторан. Вскользь обронил: «Я знал вашего отца...» Я заволновался. Вскоре мы встретились. Пили. Беседа текла неспешно. Он говорил о чем-то незначительном. Я спросил: «Вы помните моего отца?» Он кивнул: «Помню». Помолчали. Потом он произнес: «Да что рассказывать? Ваш отец с товарищами выгнали меня из Грузии, из моего дома». Я обомлел: за что? «Они были большевиками, а я — меньшевик. Этого достаточно».

— Каким был ваш отец?

— Очень сердечный, чистый, благородный человек. По-грузински любвеобильный к многочисленной родне, к друзьям дома. Насмешливый. У отца был хороший голос, он любил и умел петь. Предпочитал классику. Или просто насвистывал какой-нибудь старый мотивчик... В доме царил культ книги. Сын прачки, отец был начисто лишен «пролетарского» снобизма, напротив, очень тянулся к интеллигенции, к культуре. И меня приучал. Каждую неделю водил в книжный магазин, причем обставлял это с такой торжественностью и столь серьезно предлагал мне самому выбрать книгу, что я и по сей день помню эти походы и благодарен ему. Когда отца, первого секретаря Нижнетагильского горкома, арестовали в 37-м и нам пришлось оставить казенную квартиру, мы взяли с собой чемодан одежды и несколько картонных ящиков с книгами. Больше ничего не было. Абсолютно.

— Он был фанатиком?

— Да. Фанатиком и аскетом. Так жил и так заставлял жить нас всех. Я помню, однажды под Новый год пришел человек из горкома, принес ящик с мандаринами, грецкими орехами, шоколадом. Я ничего подобного в городе не видел, и был счастлив, и вожделел... Но бабушка сказала: до папы не трогать. Вечером вернулся отец. Пришел в жуткую ярость, позвонил в горком, устроил скандал, велел забрать немедленно! Или, помню, вернулся отец с XVII съезда. Привез какой-то пакетик. Я спросил: «Это печенье?» Он усмехнулся: «Да, это наше большевистское печенье». И развернул пакет: в нем лежали томики Ленина...

— Вы похожи на отца по характеру?

— Ну, какая-то доля грузинского легкомыслия у меня есть, да? Или была. Это меня очень спасало в некоторых ситуациях. Что-то такое есть... но я же его перерос, он погиб в 36 лет. Сейчас уже трудно сравнивать.

— Вы были близки с ним?

— Нет. И он, и мать целыми сутками работали. Маму я по-настоящему увидел лишь после ее возвращения из лагеря. Вернулась молчаливая, со страшной душевной травмой. Помнила отца. Они любили друг друга; в их отношениях был элемент такого азиатского пристрастия взаимного, верности... Не только гибель мужа, но и крушение идеалов юности стало для нее трагедией. Она увидела, что то, что она делала фанатично и преданно, оказалось ложным и преступным. И все твердила: «Что мы натворили!..»

— Это произошло в лагере?

— Нет, гораздо позже. Очень медленно. Сначала говорила, что Ленин был прекрасен, а потом Сталин все испортил. Но постепенно, постепенно, под влиянием книг, бесед, размышлений в ней происходил какой-то переворот... и я видел, как она сгибается под тяжестью новых улик. В 70-е годы прочитала «ГУЛАГ». И обнаружила в Ленине, в коммунистической идее очень много пробелов и несовершенств.

— Ваши родители принадлежали к таинственному поколению большевиков «ленинской гвардии», чья трагическая судьба вызывает сегодня у многих приступы злорадства. В самом деле: люди, совершившие октябрьский переворот, пришедшие к власти в республиках, объявленных затем «советскими», пролили реки крови, но не принесли народам счастья. Сегодня мы пожинаем плоды их ошибок... или преступлений?

— Мне трудно говорить о целом поколении. Это были разные люди. Конечно, я сейчас отрицательно отношусь к деятельности моих родителей. Они были активными строителями социализма. Соучастниками этого зла. Но не палачами. Так что не нужно так уж злорадствовать по поводу их участи. Я скорблю об их слепоте...

— Нередко «старых большевиков» противопоставляют «сталинистам». Есть расхожее представление о том, что на смену фанатикам идеи к власти пришли обыватели — люди без чести и совести, лишенные понятия о нравственности, корыстолюбцы. Вы согласны с этим мнением?

— Сомневаюсь... Конечно, революцию совершали фанатики, но потом, в мирное время, характер человека брал свое. Мои родители остались бессребрениками. А рядом с нами жил сослуживец отца, тоже прошедший подполье, изведавший тяготы. У него была роскошная обстановка с французскими креслами, с многочисленной прислугой... Это было обыкновенное барство. Тут речь не только о нравственности, о степени внутренней культуры.

— А как же нравственность сочеталась с фанатизмом?

— Фанатизм — это религиозное чувство, наносное. Но то, что в человеке глубоко заложено, вытравляется с трудом.

— Вы тоже были фанатиком?

— Фанатики поклонялись идее. Дети фанатиков поклонялись своим родителям. Отец и мать были моими кумирами. Понимаете, если это начинается с детства, не требуется особенных усилий, чтобы из трехлетнего ребенка сделать пламенного большевика. Нужно спеть несколько песенок, несколько раз промаршировать и каждый день повторять одно и то же... Я ведь помню, как в 8 лет молился на Павлика Морозова и мечтал повторить его подвиг. Это соответствовало моим тогдашним представлениям о нравственности.

— Недавно в «Уральском рабочем» опубликован донос на 12-летнего Булата Окуджаву: сын разоблаченного «троцкиста», вы вели крамольные разговоры с одноклассниками... Один из них донес отцу. Отец настучал в райком. Названа фамилия. Вы помните этого мальчика? Как относитесь к нему?

— Совершенно не помню. Никаких чувств к нему не испытываю. Пожалуй, чувство жалости. Отец его был какой-то заурядный мерзавец... хотя тоже — честный советский человек. А мальчик — что ж мальчик? Он просто рассказал отцу.

— Может быть, главное преступление большевиков заключалось в том, что они калечили души детей?

— Не знаю. Если взрослый человек считает, что воспитывать сына нужно именно так, что это необходимо для блага государства... Отцы ведь не были примитивными злодеями, которые хотели превратить детей в уродов и потом их выгодно продать, да? Отцы любили детей и лепили их по своему образу и подобию.

— Кто же лепил отцов?

— Время. Слепые пристрастия. Ложные идеи. Равнодушие ко всему на свете, кроме собственных утопических теорий. Таким был Ленин. Это был человек с сильными авантюристическими склонностями. Очень честолюбивый. Жаждущий власти. Верящий в идеи, которые родились в его воспаленном сознании. Очень холодный, расчетливый, жестокий, которому плевать было и на судьбу России, и на ее народ. Совершенно неразборчивый в выборе средств для своих целей. Таковы были и многие его соратники. Называя их «рабами догмы», Горький в «Несвоевременных мыслях» писал, что «жизнь, во всей ее сложности, не ведома Ленину, он не

знает народной массы, не жил с ней, но он — по книжкам — узнал, чем можно поднять эту массу на дыбы, чем — всего легче — разъярить ее инстинкты... Народные комиссары относятся к России как к материалу для опыта», не гнушаясь во имя политической победы сознательной эксплуатацией всех человеческих пороков. К несчастью, большевистские лозунги упали на благодатную почву; состояние общества было таково. Услышав призыв «грабить награбленное», люди сбесились...

— Получается, что миллионы погибли, а виновного не сыщешь?

— Отчего же не сыщешь? Каждый решал для себя, идти ему грабить и убивать или удержаться, не преступать заповедей. Большевики пошли путем насилия. Потом был 37-й...

— Вы считаете это закономерностью?

— Вся наша жизнь — расплата за ошибки и подлости. Мне больно, что родители заплатили за свои заблуждения такую страшную цену.

— Вы верили тогда, что они — «враги народа»?

— Я любил их. Надеялся, что произошла ошибка. Но ведь родителей арестовали не только у меня — у многих сверстников. И все верили Сталину. Конечно, мы были разные: по характерам, темпераментам. Но это было одинаково у всех. И здесь в Москве, на арбатском дворе, взаимопонимание у нас было полное.

— У вас со Сталиным личные счеты?

— Нет.

— Вы сказали так однажды на выступлении. Я подумал: чувство личной мести диктует стихи, и это, наверное, справедливо...

— Может быть, лет двадцать назад я считал его убийцей отца. Но сегодня смешно даже говорить об этом. Не было бы Сталина, был бы Иванов. Троцкий, да? Какая разница... Поэтому глупо все сводить к Сталину. Джугашвили — просто символ, обозначение зла.

— Меня интересует литературный образ вождя. Панегирики, конечно, скучны. Но вот мнение Василия Гроссмана. В записках «Добро вам!» автор, убежденный демократ, спорит с теми, кто видит в Сталине лишь «невежду, хвастуна, выскочку». «Думаю, что истерика обожествления Сталина, так же как полное и безоговорочное оплевывание его, возникла на одной почве»,— замечает он. В ваших стихах: «Он маленький, немытый и рябой...» Брезгливая, внимательная ненависть.

— Да, никакой форы я ему не даю! Сталин мне отвратителен, потому что он просто полуграмотный уголовник. Точка зрения Гроссмана, о которой вы упомянули, совершенно неприемлема сегодня. Так можно и Гитлера оправдать.

— Мне кажется, Гроссман и не оправдывал. Может быть, он имел в виду незаурядный масштаб личности Сталина.

— Да, бандит он был крупный. Между прочим, называя вождя «маленьким», я не стремился тем обозначить его ничтожность. Маленький — в буквальном смысле, низкорослый, да? Я не отрицаю совершенно его грандиозности. Но грандиозности злодейской. Человек был хитрый, от природы схватчивый, очень опытный, умелый, хорошо знающий материал, с которым имел дело. Кстати, этому он учился у Владимира Ильича. Нет-нет, совсем не ублюдок. Государственный был пахан. Знаете, маленькая змея, большая змея — все равно змея, не правда ли?

— Давайте от Сталина сразу перейдем к Горбачеву. Вы размышляете о его судьбе, он вам интересен?

— Не могу сказать, что интересен. Он — значителен. То доброе, что Горбачев сумел совершить, когда-нибудь мы еще оценим. Сейчас, в гуще этих событий, в проклятиях, в соплях наших, мы не в состоянии этого понять.

— И все же, если попытаться сегодня оценить его деятельность...

— Вы знаете, столько уже написано о Горбачеве, что иногда ловлю себя на том, что повторяю чьи-то мысли. Или мое сходится с чужим. Могу лишь поделиться воспоминаниями. Перед его появлением я тихо умирал от тоски и безнадежности. Мне было все равно — Горбачев или Громыко: все они казались на одно лицо... Он начал выступать. Я не слушал. Однажды включил телевизор. И что-то такое в его речах мне показалось новым и обнадеживающим. Потом я стал замечать, как в нашей жизни начинают происходить первые, покуда очень робкие, перемены. Освободили Сахарова, потом некоторых других политзаключенных. И я увидел, как люди вздохнули, и сам я вздохнул с облегчением. Освободились чехи, венгры, румыны, поляки... и он не ввел танки. Я стал «горбачевцем». И говорил всем тогда, что, даже если Горбачева постигнет неудача, все равно он достоин памятника за свои дела.

— И сегодня достоин памятника?

— Сегодня близкий человек говорит мне, что Горбачев марает свой памятник... И я не знаю, что возразить. Когда у нас наметился спад, я попытался поставить себя на место Горбачева. Я прекрасно понимал и его метания, и его ошибки, и недомолвки, и страх, и злость, и отчаяние! Но я видел, что он — человек хитрый. Он не был таким примитивным, как Хрущев. Он хорошо знал, с кем имеет дело, умел завораживать собеседников. И меня не оставляла надежда, что Горбачев выкрутится.

Кроме того, я сознавал, что дело не только в нем. Пишут, что на него давят и партаппарат недоразваленный, и военно-промышленный комплекс... Но самое страшное, что на него давит общест-во. Общество дикое совершенно, живущее стереотипами прежних времен. За 73 года люди успели привыкнуть к этой жизни, а о том, что весь мир живет иначе, знать не хотят. В словах «частная собственность», «рынок» они видят для себя угрозу. Они всего боятся. Я их понимаю прекрасно.

— Булат Шалвович, не получается ли опять: начальник хороший, народ плохой?

— Нет, не люди плохие. Но давайте займемся грустной арифметикой. Когда ругают партаппарат, забывают простую вещь. У каждого коммуниста — их 18 миллионов, да? — есть жена. Уже 36 миллионов. Двое детей — значит, 72 миллиона. У каждого папа и мама — почти 150 миллионов. И по два закадычных приятеля — 300 миллионов. Все население больное, понимаете? И когда недавно кто-то упрекнул Горбачева, что тот двинулся вправо, Горбачев ответил: «Это не я двинулся вправо, а общество». Я уже как-то упоминал об этом. Есть в этом резон! Потому что, если он пойдет в другую сторону, ему по шее дадут. Как Хрущеву.

— Беда Хрущева была в том, что, пытаясь проводить реформы, он оставался человеком сталинской эпохи...

— ...так же и Горбачев не в силах освободиться от брежневской выучки. Он в той же степени подвержен давлению общественных заблуждений и внутренних стереотипов, как и почти каждый из нас. Поэтому «хорошие люди», исповедующие социализм, ему, конечно, ближе, чем всякие «демократы», вышедшие из партии, как бы они там хороши ни были.

Недавно я услышал такой стишок:

Президенту нашему некогда уснуть:
ему очень хочется Ельцина куснуть.
Ему очень хочется Борю подловить,
а потом помощников скопом
натравить.

И смешно, и грустно.

— У вас сохранилась надежда, что Горбачев «выкрутится», а с ним и все мы?

— Мне кажется, эпоха Горбачева кончилась. Видимо, он достиг своего потолка. Ужасным было его выступление после трагедии в Литве — как он мог не знать?.. Мне было стыдно за него. Общество, пятясь и спотыкаясь, все же двигается дальше, а Президент запутался, не зная, что делать. Что остается человеку в таких обстоятельствах: давить и не пускать? Я сохраняю приверженность тому Горбачеву, который начал реформы. Я не склонен все перечеркивать. Но сегодня я ему не соответствую.

— К сожалению, власти, правеющей на глазах, никто всерьез не противостоит: интеллектуалы растеряны, предприниматели пакуют вещи, политики-«демократы» выясняют отношения между собой...

— А где вы видели демократов? Конечно, есть горстка демократически мыслящих людей, но к ним не сводится разговор о демократии. Они не характерны. Понимаете, «демократ» — это не профессия, но состояние души. Ощущение мира. В этом смысле демократии у нас нет. Что такое «демократическое общество», мы не знаем.

— Однако время от времени происходят демократические митинги, правда?

— По-видимому, на эти митинги люди собираются для того, чтобы провозгласить необходимость демократии. Но это совсем не значит, что люди, вышедшие на площадь провозгласить прекрасную идею, сами совершенные демократы.

— А что вы думаете о Борисе Ельцине?

— Я с интересом прочитал его книжку. Некоторые говорят, что он в ней занимается саморекламой. Я этого не нахожу. Напротив, я вижу, с каким искренним чувством исповедуется автор книги, как он счастлив, что смог одолеть в себе дурные стороны, порвать с прошлым. Мне кажется, главное качество Ельцина — это его способность учиться. Не будучи интеллектуалом, он умеет отличать дельных людей от дураков. Это — ценное свойство. Он учится у тех, кого выбрал себе в помощники, и неизмеримо вырос за последние 3—4 года. Во всяком случае, в моих глазах его личность и общественная деятельность — надежное противодействие «полозковщине».

— Булат Шалвович, насколько я знаю, вы никогда не испытывали тягу к общественной или тем более политической деятельности. Отчего же сегодня вы стали активным «подписантом» коллективных писем и воззваний, посвященных самым острым проблемам и обращенных по самым разным адресам?

— Во-первых, потому, что в трагической ситуации нашей вижу резон и справедливость таких обращений. А во-вторых, меня просят об этом... И я с готовностью откликаюсь. Понимаю, что толку от этих писем, может быть, мало, но все-таки каждая капелька играет роль в нашей жизни, да?

— Кроме того, вы состоите в совете «Апреля» — новой писательской организации, захваченной борьбой с писательской организацией старой. Вам близки цели «Апреля»?

— «Апрель» был создан с благородной целью немножко очеловечить чудовищное наше министерство писателей. Меня туда пригласили друзья, и я с радостью пошел. Мне нравится идея «Апреля» и близки многие люди, которые участвуют в этом движении. Вот Анатолий Злобин собирается издавать журнал «Русское богатство» — честь ему и хвала за это. Теперь под влиянием обстоятельств «Апрель» подвергся всеобщей заразе политизации, приобрел бойцовские качества, начал сражаться... Очень много накладок. Что естественно, поскольку борьбой увлеклись не профессиональные политики или общественные деятели, а просто честные литераторы. Они отбиваются от зла, пытаются как-то его пресечь, выразить себя... Когда не бываю в отъезде, стараюсь участвовать в литературных вечерах «Апреля», причем с грустью отмечаю неумелую организацию этих вечеров. Я старый выступальщик, у меня есть опыт. Я знаю, например, что если устраивается большой вечер поэзии, то это не значит, что все замечательные поэты должны в нем принимать участие. Участвовать должны люди, которые знают, что такое эстрада, и умеют себя на ней держать.

— Мне известен случай, когда на сцене «Апреля» появилось множество людей, совсем не умеющих себя держать. Имею в виду скандальное происшествие в ЦДЛ, когда к вам в гости пришли люди с мегафоном. Вы находились в зале?

— Я чуть запоздал и не видел начала «акции». Конечно, выглядело это очень мерзко. Вели они себя так, как будто им заранее сказали: идите, ребята, ничего не бойтесь и делайте свое дело!

— Рассказывают, что вас эти ребята узнали...

— Парень лет семнадцати, такой мордастый, толкнул приятеля и громко сказал: «Во, гляди, Окуджава!» Мы уставились друг на друга. Потом он крикнул: «Ты скажи, как твоя настоящая фамилия!» И юркнул за спины. Рассвирепев, я двинулся на него, друзья схватили меня за плечи и повели в буфет. В зале находился корреспондент радио «Свобода». Ему показалось, что на меня напали. В тот же вечер он передал, что «известному поэту Окуджаве выкручивали руки погромщики»... Никто мне рук не выкручивал.

— Вы удовлетворены приговором Смирнову-Осташвили? Я, признаться, не уверен, что его следовало судить.

— Я считаю, что очень правильно его осудили. Напрасно других не привлекли. К сожалению, так и не нашли зачинщиков, да следователи, по-моему, и не хотели их искать. Но меня огорчило другое. Мне рассказали о собрании «Апреля», происходившем после суда над этим человеком. Звучали прочувствованные речи о колоссальной победе демократии, и зал охватила какая-то вакханалия восторга и счастья!.. Они, как дети, подпрыгивали и хлопали в ладоши. С чего бы такое буйство, в чем — победа? Ну, наказали этого Осташвили, нашли козла отпущения, задействовали наконец 74-ю статью... Можно подумать, зло в мире искоренено. Надо было держаться достойно и гордо. Не придавать этому такого уж значения.

— Как вы считаете, кто стоял за спиной скандалистов?

— Трудно сказать. Может, какой-то писательской группировке захотелось поддать «Апрелю». Поговаривали и о КГБ. Но не думаю, что КГБ нужно было устроить такую чушь.

— Вам приходилось встречаться с сотрудниками КГБ?

— Я недавно опубликовал повесть «Приключения секретного баптиста» — о том, как молодого человека вербуют в сексоты, а он отбивается.

— Я читал. Очень увлекательно. Но это же литературное произведение?

— Это обо мне. Слово в слово. Калуга, 1955 год.

...В начале 70-х я жил у Речного вокзала. Утром телефонный звонок:

— С вами говорит полковник госбезопасности Володин.

Я чуть в обморок не упал.

— Булат Шалвович, надо встретиться.

— Хорошо.

— Ну, давайте в понедельник.

— Хорошо.

— Ну, давайте в десять утра.

И тут меня зло взяло, что я так тупо на все соглашаюсь.

— Нет,— говорю,— в одиннадцать!

— Хорошо. Запишите адрес.

И когда он повесил трубку, я вдруг сообразил, что сегодня среда и до понедельника я должен ломать себе голову, в чем провинился. Жуткие были дни... В понедельник я взял такси и поехал. Адрес был какой-то странный, но шофер переспрашивать не стал. Приезжаем. Ищу помещение № 1, во дворе. Вижу коробку со стеклянным входом. За столиком сидит капитан. Я робко что-то спрашиваю. Он строго: «Окуджава?» Да. Звонит по телефону: «Окуджава пришел». Выписывает мне какую-то бумажечку и дает в руки. Я спрашиваю: «Куда идти?» Он говорит: «Никуда. За вами придут». И я бесцельно хожу по комнате, упираясь глазами в лестницу, которая ведет куда-то вверх.

Вдруг вижу: по лестнице спускается молодой человек в черном костюме, с лицом непроницаемым. «Здравствуйте, Булат Шалвович. Пожалуйста, пройдемте». И мы поднимаемся на второй этаж. Он нажимает кнопочку лифта. Зажигаются лампочки, открываются двери... Никакого лифта нет, просто коридор. Похож на школьный — справа окна, слева двери. И мы идем по этому коридору. Входим в какую-то комнату. Навстречу поднимается мужчина в джемпере. «Здравствуйте. Я полковник Володин». И приказывает молодому человеку: «Помогите Булату Шалвовичу снять пальто!» Я наконец перевожу дух: кажется, не арестуют.

Оказалось, что польская госбезопасность арестовала моих друзей: Адама Михника, Яцека Куроня и других. И прислала московским коллегам вопросник на меня. Но московские комитетчики отнеслись к работе формально. Стоило мне замяться, как полковник махал рукой и переходил к следующему вопросу. Когда вопросы кончились, я осмелел совершенно.

— Теперь,— говорю,— позвольте пару слов без протокола... Вот вы считаете этих людей врагами. Но пройдет время. Мои друзья выйдут на свободу. И выяснится, что они замечательные люди. А тот, кто их посадил, будет снят с работы.

Он напрягся:

— У вас что, есть данные?

— Нет, у меня интуиция.

Он облегченно засмеялся:

— Это женское качество.

Я ответил:

— Писателю тоже необходимо...

— Ну хорошо,— говорит,— если так случится, то позвоните мне, поговорим. А теперь я попрошу вас приехать завтра, подписать протокол.

На другой день встретились, я подписал какой-то липовый протокольчик. Вышел на улицу. Закурил. Мимо шел прохожий. И я спросил у него, указывая на помещение, из которого вышел: «Скажите, а что это?» Он посмотрел на меня, как на идиота: «Как что? Лефортовская тюрьма!»

Прошло время. Моих друзей освободили. Мочара, польского министра внутренних дел, сняли с работы. И я позвонил своему знакомцу. Попросил полковника Володина. «Здесь такие не работают»,— ответил мне мужской голос. Я повесил трубку...

— Ни разу не доводилось с тех пор?

— Еще была одна встреча. Потрясающая! В середине 70-х. Приехал на Арбат. Выхожу из булочной, и вдруг ко мне бросается какой-то человек с незапоминающимся лицом. «Булат Шалвович, дайте автограф!» Сует блокнотик. Я беру ручку и, чтобы не молчать, спрашиваю его: «Откуда вы?» Мне показалось, что он приезжий... А он растерялся и говорит: «Из органов...» Видимо, топтался там, увидел меня и...

— Вы дали ему автограф?

— Конечно. Расписался.

— Булат Шалвович, в 50-е годы в Калуге вас никто не знал. Но в 70-е вы были уже очень известным человеком. И тем не менее...

— Послать их к черту, отказаться разговаривать? Нет, не мог. Не мог себе позволить. Я был иначе воспитан. Единственное, что я себе позволить мог,— перенести на час встречу с полковником... Это был мой маленький бунт.

Может быть, ошибочно, но я подумал однажды, что, когда бьем себя в грудь и вопим, что «мы рабы», это еще не самое страшное состояние. Человек — существо нестойкое, его нетрудно согнуть, заставить быть рабом. Ужаснее другая стадия: раб, гордящийся своим рабством. Профессиональный раб. Все годы советской власти нас воспитывали профессиональными рабами, вытравляя в душах свободу, пестуя агрессивное невежество и холопство. Мы гордились своим холопством: любовью к Сталину, слепой подчиненностью, способностью и готовностью выполнить, не раздумывая, любой приказ... Томас Манн как-то с издевкой заметил: «Добровольное рабство — это и есть свобода».

— Вы полагаете, это коснулось всех?

— Как-то я разговорился с представителем маленькой нации. Пожаловался ему: хорошо, мол, малым народам, а у нас в России вот какая беда — великую нацию превратили в советский народ. Он удивленно посмотрел на меня: «А почему вы считаете, что нам удалось сохраниться? Мы тоже — советские!»

— Но ведь сохранилась же интеллигенция, и она возрождается сегодня.

— Возрождается миф об интеллигенции. Большевистский миф. Многим по-прежнему кажется, что интеллигентность — это профессия. Что это род умственных занятий, да? Врач, учитель, журналист, политработник, ученый... Да чушь собачья! Интеллигент — это прежде всего состояние души. Я встречал интеллигентов среди крестьян — людей с больной совестью, уважающих личность, стремящихся к знаниям, желающих эти знания принести на общую пользу. И знавал профессоров — жлобов первостатейных.

— Существует мнение, что большевизм вырос из интеллигентского эгоизма, самодовольства и уверенности, что мир можно понять, объяснить и исправить. Следуя марксистской теории, интеллигенты-большевики в 1917 году погубили Россию.

— Восхитительное мнение! Я категорический противник того, что вся эта революционная братия принадлежала к интеллигенции. Главная особенность интеллигента — отвращение к насилию, качество редкое и совсем не свойственное большевикам. А у нас глядят на фотокарточки: этот с бородкой, этот в очках, тот в шляпе — значит, интеллигенция, и точка. Солженицын им точное определение нашел: образованщина.

— Вам это качество — отвращение к насилию — изменило тогда в ЦДЛ, когда вы бросились с кулаками на оппонента?

— Конечно, я и не считаю себя полноценным интеллигентом. К сожалению, чувство ярости, желание мордобоя мне знакомо. Это уж мой темперамент кавказский. Часто приходилось себя обуздывать.

— Вы считаете себя озлобленным человеком?

— Нет, я отходчив и незлопамятен. Если через год буду вспоминать лицо этого Невзорова — не почувствую ни малейшей злости.

— Отчего вы вдруг вспомнили о Невзорове?

— Он мне очень нравился как репортер. Я уважал его за профессионализм. После убогих, подлых фильмов его о Прибалтике все рухнуло моментально.

— Вам не хочется его понять, найти какие-то оправдания?

— Нет, совершенно. Обыкновенный конъюнктурщик советской закалки.

— Признаюсь, и мне был симпатичен образ Невзорова — честного, бесстрашного и талантливого тележурналиста, считавшего своим долгом сообщать людям правдивую информацию, сколь бы горька и грязна ни была эта правда. Я и сейчас думаю, что он едва ли намеренно лгал, прямо и честно глядя в наши глаза с телеэкрана. Видно, и впрямь мир разделился на «наших» и «не наших» и многим придется, совершив горестное усилие, выбрать себе врага. Или податься прочь с поля боя, спасая стариков и детей. У вас не возникает желания уехать?

— Нет, это исключено. Раньше, когда был моложе, с успехом выступал за границей, я мог совершить это тысячу раз. Просто остаться. Там я часто себя проверял. Вот я выхожу из отеля, и все, что окружает меня, это чужое изобилие, запахи и звуки, отныне — мое. И мне становилось так дико... Может быть, я очень уж москвич?

— Ваш герой когда-то готовился погибнуть «на той далекой, на Гражданской»... Это был поэтический символ, обращенный в прошлое...

— Тогда, в 57-м, когда я сочинил эту песню, и позже, когда ее исполнял, это имело под собой почву. Еще живы были во мне идеалы моей юности. Мне казалось это плевком в брежневские ворота. Я видел, что у Брежнева никаких иных идеалов нет, кроме быстрой езды на машине, выпивки и жратвы. Я и сегодня ничего не менял бы в этих стихах, кроме последней строчки: «и комиссары в пыльных шлемах склонятся молча надо мной». Мне сегодня не дорого их признание.

— ...однако нынче возможность погибнуть на гражданской, совсем недалекой, не дай Бог, уже не представляется лишь поэтическим символом. Вы верите в такую реальность?

— Очень может быть.

— Простите, вам не страшно за себя, за близких?

— За себя — нет. Я фаталист. Живу по формуле Лопе де Вега: «Пусть все течет само собой, а там посмотрим, что случится». Страха не испытываю. Эти мысли не отравляют мне жизнь. Мне только горько за мою родину. Мне горько за людей, окружающих меня. Мне горько, что они вынуждены жить в состоянии напряжения. Так печально! Это чувство горечи меня не покидает никогда.

— Если завтра в Москве случится правый переворот, возникнет противостояние...

— Все зависит от обстоятельств. Может быть, придется пойти с оружием на баррикады. А почему нет? Я же воевал. В сорок первом я ведь не из жажды приключений мальчишкой пошел на фронт. Я совершенно сознательно желал воевать с фашизмом, не подозревая, что и в моей стране — фашизм. Если завтра начнется гражданская война и возникнет необходимость защищаться, я возьму в руки автомат и буду стрелять. Мне отвратительна война, я не склонен подавлять других, но если на меня нападают, если в мой дом рвутся, ну хоть что-нибудь сделаю, чтобы спасти себя и близких! Я не очень готов, конечно, да и возраст не тот...

— Вы не запаслись оружием? Сейчас это модно.

— Нет, у меня оружия нет. Но, говорят, купить несложно. Я совсем не из тех, кто подставляет левую щеку, когда ударили по правой.

— Вы атеист?

— Не могу сказать, что атеист. Я не хожу в церковь, и я не верующий человек в обычном понимании. Но я всегда ощущаю присутствие некой силы, недоступной и непонятной мне, которая руководит моими поступками и поступками общества. Я верю в возмездие. С юности у меня вера в приметы, что часто, к сожалению, отравляло мне жизнь. Боюсь «накаркать». Боюсь излишних удач: за них судьба мстит. Если громко смеюсь, то вдруг обрываю смех: это может принести несчастье.

— Вы — счастливый человек?

— Конечно. Мне повезло в жизни. Я удачник.

— Однажды вы написали: «Молюсь прекрасному и высшему предназначенью своему...» Простите, совсем уж нелепый вопрос: вам удалось исполнить предназначенное?

— Не могу сказать, что исполнил, потому что многое не свершилось. Но кое-что удалось... Когда наедине с собой подвожу предварительные итоги, то думаю о том, что писал неплохие стихи. Мне удалось всерьез, профессионально соединить стихи с музыкой. Это главная удача моей жизни. Что касается прозы, то здесь пока открытий не совершил. До сих пор учусь.

— Вас раздражают поклонники?

— Нет. Нет. Сейчас особенно. Я живу в уединении. Никто меня вообще не трогает. Да и раньше тоже... потому что мои почитатели были люди интеллигентные. Они не бросались мне на шею никогда. Но я видел их глаза, и мне этого было достаточно. Вот в чем дело: я же не кинозвезда и не футболист. Так что я всегда был избавлен от шумного поклонения.

— А те милые, замечательные, чуть инфантильные вне зависимости от возраста люди, которые до сих пор берутся за руки, слушая ваши песни, и закатывают глаза, и раскачиваются в такт, и плачут...

— Ни капли раздражения они у меня не вызывают. Я очень люблю этих людей. Я и сам такой. Во мне достаточное количество и сентиментальности, и романтических чувств. Да ведь я и не обольщался никогда насчет своей популярности. Представьте, когда я только начинал выступать, то, глядя в зал, иногда ловил себя на странной мысли: а кто из них, аплодирующих, рискнет вступиться, если меня сейчас поведут под конвоем?

— Вы теперь выступаете все реже: это сознательное решение или случайность?

— Я надоел себе в качестве выступальщика. Новых песен не пишу, а старые... нельзя же их исполнять до бесконечности. Кончилась эпоха.

— Кончилась эпоха?

— Кончилась моя эпоха. В общем, прожита жизнь. Многих я недосчитываюсь из своего окружения. Каждый день оставляет новые бреши в моей душе. Меняются нравы, меняются вкусы. Меняется отношение людей к окружающему миру. Меняются песни. Даже в мелочах я чувствую свою отторженность от всего. Такое впечатление, будто я живу в чужом мире. Это со всеми людьми происходит. Просто не всякий, может быть, задумывается об этом, даже страдает, не понимает и смотрит на мир с ненавистью: а ничего не случилось, просто «что-то кончилось»...

Я почувствовал это сравнительно недавно. Вдруг повеяло холодком, и люди, идущие за окнами, показались чужими. Я почувствовал себя выключенным из жизни. Тогда я стал как-то ублажать себя, обставляя атрибутикой прежних времен. Не помогло. И тогда я понял, что не надо суетиться и плакать о былом. Нынешнее состояние мое — счастливый повод для размышлений, воспоминаний... Пишу роман «Упраздненный Театр» — о прошедшей эпохе, упраздненной временем. О себе. Исповедуюсь. Вспоминаю детство, родителей...

— Что для вас прошлое?

— Боль. Вся моя жизнь — это утраты. Увеличение их количества. Как и жизнь любого человека. Немое кино. Когда-то казалось, что почти все забыл, но сегодня «вся жизнь моя встает перед глазами»... Я придаю этому большое значение. Даже иногда внутренне сопротивляюсь, потому что воспоминания мешают жить, выбивают из колеи. Но они теперь всегда со мной. Часто вспоминаю отца.

— Тот старик в Париже... что он рассказал вам?

— Об отце я его больше не спрашивал.

■

Во втором номере «Огонька» было опубликовано письмо воронежца А. Гострера. Напомним читателям, о чем там шла речь.

Более сорока лет проработал А. Гострер на заводе, в свое время имел доступ к секретной документации, но за несколько лет до выхода на пенсию в связи с ухудшением состояния здоровья вынужден был сменить работу на более легкую и уже не имел допуска.

Тяжелое заболевание потребовало серьезного лечения, которое возможно только за границей. А. Гострер получил вызов в Израиль, но ОВИР отказал в визе «в связи с наличием допуска к секретной документации». Несмотря на то, что автор письма был связан с секретной документацией одиннадцать лет назад, ОВИР не принял это во внимание.

«Но ведь эта ошибка может стоить мне жизни» — так заканчивал письмо А. Гострер.

Вернуться к этому случаю мы вынуждены потому, что получили еще одно письмо из Воронежа. Вряд ли к нему нужны какие-то комментарии.

«Уважаемая редакция «Огонька». Пишет вам Гострер Римма Калмановна. В журнале № 2 было напечатано письмо моего мужа. Хочу вам сообщить, что 5 февраля мой муж скончался.

Спасибо за внимание и участие в нашей судьбе.

С уважением

Р. ГОСТРЕР».

■

Грустная на первый взгляд ситуация была показана в телевизионной программе «Утро»: в Харькове остановлены предприятия, трудящиеся отправлены в незаслуженные отпуска или играют в домино. (Если бы только в Харькове...)

И суждения руководителей разных уровней, и разудалый доминошный раж — все создает для зрителя впечатление всеобщей бесшабашности: барин разберется, барин рассудит, заставит поставщиков поставлять, восстановит былые связи и т. п. То есть в экономике нас зовут в прошлое, и думать не хотят о бесполезности административно-командных методов.

Что такое «установившиеся связи»? Это отношения, основанные на насилии, когда в лучшем случае одному из партнеров все равно, а другому плохо. А это уже не столько связи, сколько путы, а то и кандалы. И отношения такого характера, как известно, в теории называют рабскими.

Так для чего же нас зовут в прошлое? Почему нельзя учредить в обществе договорные связи только и только между производителем и потребителем?

Зачем создавать режим принуждения между сторонами, которые по природе своей (не будем говорить об экономических законах — их могут не все знать) призваны и производить, и продавать?

Как просты и как трудны ответы на эти вопросы... Для нахождения их, как говорят иные перестроечники, может потребоваться даже гражданская война. Однако если бы у нас было больше хладнокровия, чтобы посмотреть на ситуацию трезво, то мы могли бы признать нынешнее состояние экономики как переходное. Но ведь не вспять? Самое время перейти к взаимовыгодным отношениям!

Простучим в домино, погуляем, скушаем (мягко говоря) собственные фонды и сбережения, а потом прогоним горе-чиновников-«предпринимателей», которые не знают иных путей, кроме как клянчить у обкома, у президента, а то и у генерала: «...отними у несознательного поставщика и отдай мне...». И люди сядут за «круглый стол» и обязательно договорятся. Но, конечно, без президентских указов и военной помощи.

Только не надо торопиться, паниковать, пугать гражданской войной. Общество переживает мучительный этап рождения новых отношений. И насилие, страх в такой период могут привести к тому, что уже не раз было,— к выкидышу или уродцу.

Б. ШЕПЕЛЕВ
Иваново

■

В № 44 «Огонька» за 1990 год была опубликована моя просьба о предоставлении 4000 шприцев для поселков Верхнесадовое и Фронтовое (г. Севастополь). И вот нами получены 4000 штук одноразовых шприцев от Чижовой Татьяны Никаноровны, основателя кафедры русского языка и литературы в Новом Южном Уэльсе (г. Сидней, Австралия). Эти шприцы пойдут для амбулаторного лечения и профилактических прививок детям.

Все жители поселков благодарят Татьяну Никаноровну Чижову и советский благотворительный фонд «Огонек-АнтиСПИД».

В. ИЛЬНИЦКИЙ,
врач-педиатр
Севастополь

■

Не только «Огонек», но вся пресса страны в свое время нападала на Н. С. Хрущева за кукурузу. А ведь не будь кукурузы, мы бы все эти прошедшие годы были нищие. Прекрати мы сеять кукурузу, сократилось бы поголовье крупного рогатого скота наполовину, так как кукурузой мы кормим скот практически круглый год, а ячменем, овсом не прокормишь и 4—5 месяцев.

Под влиянием прессы сокращаются посевы кукурузы, сокращается и поголовье скота. Для выращивания кукурузы промышленность перестала выпускать агрегаты для междурядной обработки почвы. Эта культура хлопотная, не то что ячмень, где на 98 проц. можно применять технику. Да и не Хрущева эта кукуруза, а разумно перенятый опыт у фермеров США и Канады нашими аграрниками, а Хрущев только дал этой идее широкую дорогу. Что касается северных районов, то им рекомендовался канадский сорт «стерлинг», специально выведенный для Севера, но не на зерно, а на зеленый корм и силос.

А если говорить о Хрущеве, то его надо поставить выше царя Александра II. Царские крепостные жили плохо только у отдельных плюшкиных, а до Н. С. Хрущева колхозник жил хуже, чем в режимных колониях, так как там три раза кормили. А колхозник за свой рабский труд получал палочку-трудодень, а на эту палочку 100 г зерновых отходов. Хорошее зерно забирало государство. Уполномоченный Министерства заготовок ходил с милиционером и забирал у населения скот, вплоть до кроликов, так как каждому двору за земельный участок доводился налог на мясо от 40 до 100 кг. Доводился налог и на корову, и на курочку, и на яблоньку. Население городов и питалось вот этим отобранным у нищих мясом и молоком.

Колхозы почти не держали скота, так как нечем было его кормить. Селянин из колхоза не мог уйти, не давали паспорта. Уходили после службы в армии. А в селе оставались рабыни-невесты, которые не могли создать семью для продолжения рода и жизни села.

Вот откуда в городе все было на прилавках, вот откуда ностальгия по сталинским временам.

Были и у Хрущева недостатки, но их стремились еще больше усугубить недоброжелатели. Не оказалось возле него грамотных патриотов Родины.

А. ДЬЯЧКОВ,
пенсионер-агроном
Запорожская обл.

■

Недавно по местному радио выступал первый секретарь Кинешемского горкома партии. Он призывал граждан города к гражданскому миру и согласию. За социализм, против капитализма.

Но я не могу понять: у нас, на Кинешемской птицефабрике, что, капитализм или социализм, или еще что-то? Администрация птицефабрики (все коммунисты) по результатам года получает крупные суммы денег. А рабочие — шиш. Они вроде как и не работали.

Так к какому согласию призывает нас, граждан, первый секретарь, если сами коммунисты это согласие и разрушают?

В. СМИРНОВ
Кинешма Ивановской обл.

■

Если бы я был предпринимателем, владеющим собственным заводом, малым предприятием с наемной рабочей силой, я бы обязательно в нынешних условиях надвигающейся безработицы ввел бы шестичасовой рабочий день. С тем условием, чтобы рабочий за шесть часов делал бы работу, которую он обычно делает за восемь часов.

Этим простейшим мероприятием мы уберем безработицу и одновременно резко увеличим выход продукции. Удивляюсь, как не додумались до такого элементарного дела наши и зарубежные практики.

В. САВЕНКО
Донецкая обл.

ПОДПИСКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

**ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!
ЕСЛИ ВЫ ХОТИТЕ ПОЛУЧАТЬ «ОГОНЕК»
С 1 ИЮЛЯ ЭТОГО ГОДА, ПОТОРОПИТЕСЬ ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ
ДО КОНЦА МАЯ, А ЖИТЕЛИ МОСКВЫ
И СТОЛИЧНОЙ ОБЛАСТИ — ДО 25 МАЯ.
МОЖНО ПОДПИСАТЬСЯ НА ПОЛУГОДИЕ ИЛИ КВАРТАЛ,
НО В ЛЮБОМ СЛУЧАЕ ВЫ ОСТАНЕТЕСЬ В ВЫИГРЫШЕ,
ПОТОМУ ЧТО В РОЗНИЧНОЙ ТОРГОВЛЕ ЭКЗЕМПЛЯР
СТОИТ ДОРОЖЕ, ЧЕМ ПОДПИСНОЙ.
МЫ ОТ ВСЕЙ ДУШИ ПРИВЕТСТВУЕМ
НАШИХ МНОГОЛЕТНИХ ДРУЗЕЙ И ОСОБЕННО ТЕХ,
КТО ПОЛУЧИТ НАШ ЖУРНАЛ ВПЕРВЫЕ.
НАМ ПРЕДСТОИТ РАБОТАТЬ ВМЕСТЕ, СООБЩА!**

Нина ЧУГУНОВА

ЗАЧЕМ ЛЮДИ РАДУЮТСЯ

В франкистской Испании были запрещены карнавалы, зато приветствовались корриды. Нам этот факт трудно осмыслить. Именно то трудно осмыслить, что во времена диктатора оказывалось невозможно организовать и достойно провести, согласно утвержденному сценарию, нужный руководству карнавал. Сколько народных гуляний отбушевало на нашей памяти, сколько ложных маслениц под видом проводов русской зимы; сколько народу, одетого во все от «Красной швеи» или «Большевички», плотным кольцом окружало румяно-синих танцоров из фольклорного ансамбля, а из домиков деревянных, снаружи прекрасных, внутри в опилках свежей работы, продавали выпечку или даже холодные блины, массовичка из Дома культуры выкрикивала положенное.

А там у них целый Франко стушевался перед карнавалом! Надо было попробовать. Хотя, может быть, и пробовали — я не так хорошо знаю их мир и нравы. Но, видно, у них не получилось простейшего дела: придать идеологически не выверенному массовому неорганизованному гулянью правильный и вполне наш порядок.

Между тем всякий правитель лучше ученого знает, что степень театрализации уличной гражданской жизни легко и точно определяет степень демократизации общества. Следовательно, эту степень надо народу демонстрировать его же усилиями.

Мы новая формация народа, утверждавшего себя при помощи физкультурных парадов. Кто не помнит команды: «Пирамида, рассыпься!» (А на самой верхотуре девочка, дочь командира, с красным флажком в крепкой детской руке.

И я не ерничаю, я, может, с тоской: держись, дорогая пионерка Валентина, это твой праздник и твоя первая в жизни вершина. Потом будут другие, только б не было войны.)

Что, не плакали в этот момент? Когда она в белой юбочке взлетала над согбенными подругами, поразительно похоже изображавшими распустившийся цветок какого-то простого растения, что-то его название вылетело из головы. Несколько лет назад я увидела настоящий расцвет этого дела в демократической Корее. Это было в день открытия новой памятной доски, на которой основатель практической действенной теории Чучхе, великий вождь и учитель корейского народа Ким Ир Сен, выглядевший молодым, приветствовал народ. Народ, приветствовавший нарисованного себя, был одет во все, предоставленное ему по месту работы, так что по цвету костюма (а покрой был одинаков) можно было узнать: откуда, товарищ? Мне очень понравилось это великолепное зрелище стройности и слаженности, с которой то вздымались, то опускались разноцветные флаги.

Это искусство интересное. Оно имеет такое же право на существование, как искусство инкрустации или гравировки на рисовом зерне. Или вот еще: портрет вождя из цветочных бутонов. А? Или самолеты летят, а народ читает, задрав голову: «Слава КПСС» — и кепочки-восьмиклинки падают со стриженых затылков тех, кому завтра в строй.

Это как бы выпиливание лобзиком в масштабе, который не снился.

Раскрепощенное и сердечное народное гулянье далеко от этих гигантских орнаментов, как молитва далека от персонального дела.

...Этой весной в республиках Средней Азии во второй раз праздновали Навруз. Давайте я расскажу, что это такое.

«Складывался он в течение тысячелетий, знаменуя тесную связь человека с природой, и всегда был символом воскресения, беспредельности сил Земли и бесконечности жизни»,— читаю я в заметках ученого. При этом я думаю: в чем заключалась вина Навруза перед руководством партии и правительства, отчего он был попросту запрещен, даже слово НАВРУЗ исчезло из языка улицы: с вывесок кафе, магазинчиков...

Навруз — «новый день» и «новый год» — никогда не был праздником исламского происхождения, хотя был в свое время взят на вооружение исламом. Навруз знаменовал начало сельскохозяйственных работ, следовательно, являл собой большой цикл обрядовых действий, связанных с надеждами на урожай.

Может, он не понравился — надеждой? Действительно, что может быть слабее и крепче беспомощной и робкой светлой надежды, так сторонящейся уверенности в завтрашнем дне, которая по уши напитала нас, ушла, не оставив следа в измученной душе?

«...Истоки этого праздника историки находят в культах земледельцев древнего Египта и Вавилона, а расцвет — в магических действиях жрецов ахеменидского и сасанидского Ирана в культах храмов Согда, Хорезма и Чача, известных нам по сообщениям восточных арабских и персидских географов, китайских летописцев различных эпох».

Может, слово «магические» криминально?..

Праздник этот бывал пышен. Еще за двадцать пять дней в каждом доме, в замках и дворцах правителей в специальных сосудах высевалось зерно: ячмень, рис, пшеница, просо, кукуруза, кунжут. Во дворцах тех, кто правил народом, строились специальные колонны из сырцового кирпича, на которые устанавливались корыта с растениями. В первый день праздника молодые ростки употребляли в пищу — равно царь и дехканин (может, символическое равенство правителя и правимого наших смущало? Так разве не так было и в наши времена?).

Важным был день накануне Навруза — день поминовения умерших. Считалось (а вот это уже серьезное обвинение Наврузу!), что души предков незримо присутствуют в жизни живых, помогая, советуя, предостерегая...

Сам праздник продолжался не менее шести дней, причем первые пять считались «праздником для всех», а шестой был «наврузи бузург» — Великий Навруз... Рассылались глашатаи по селениям, сообщавшие, что правитель будет рассматривать жалобы простого народа (может, это?). В эти дни можно было приносить даже жалобу на царя, и ее обязаны были рассмотреть жрецы мобеды.

Жалоба на царя! Ты что-то понимаешь в этом?

В последний день все, наоборот, шли к царю с дарами.

Праздник считался днем исцеления. Бируни писал, что тот, кто на рассвете съест несколько ложек меда, не успев заговорить, и окурит воздух лечебными благовониями, будет здоров в течение года.

В этот светлый день, читаю я в заметках доктора исторических наук Ю. Бурякова, выпускали белых соколов, дарили светлые монеты и молоко и сыр, сладости и сахар.

(Однажды, когда мы жили еще ничего, мой приятель, взглянув на витрину, вдруг воскликнул ни с того ни с сего:

— Кому мешали патиссоны?

Он, оказалось, детство вспомнил. Да не нужны нам, видишь, твои патиссоны, и не нужны монеты белого цвета, молоко и сыр... Ты бы еще белого сокола вспомнил.)

Некоторые праздники не поддались советизации и в пору, когда вслед за победой над басмачеством срочно началось копание Беломорско-Балтийского канала.

Мы не были первыми. Навруз запрещали арабы во время своего нашествия.

Итак, вторгающиеся вероломно разрушают естественное. Радоваться жизни — естественно. Радоваться горестной, бесценной. Не воздающей по надеждам. Возрождающейся вопреки...

В этом году Навруз байрами наступил в 1 час 21 минуту и 12 секунд 21 марта. Возрождавшийся праздник нес в себе приметы нашего вчерашнего быта, нашей привычки праздновать по сценарию и радоваться в строгом соответствии с графой «аплодисменты». Ну, ничего. Горком комсомола Каттакургана устроил праздничную лотерею с благотворительной целью. Хорошая мысль! В Ташкенте через стилизованные ворота двинулся необычный караван: артисты «воссоздали образы великих поэтов». Впервые площадь Ленина увидела такое высокое собрание! Площадь превратилась в огромную сценическую площадку.

На улицах и площадях пели и танцевали ансамбли, продавали блюда национальной кухни, артисты веселили детей.

Президент республики поздравил с Наврузом воинов-узбекистанцев, служащих в рядах Вооруженных Сил СССР. Ему вторил ЦК комсомола Узбекистана. Накануне газеты опубликовали комментарий к Указу Президента республики об оказании финансовой поддержки дехканам — владельцам личных подсобных хозяйств. Вышли Указы Президента о помиловании в честь Навруза...

Все будет. Не надо торопиться. Не надо торопиться строить: получится наспех. Не надо разрушать. Пусть некоторое время возрожденный Навруз будет как младенец, что делает шаги с помощью взрослых. Он выправится, он выпрямится.

Биз галаба козонамиз! Мы победим. Мы пока так сразу не можем рассыпаться из нашей пирамиды. Мы еще не можем изо всех сил не показывать, что все получается и что народ ликует и так, без сыра и белого сокола.

Биз галаба...

Итак, зачем люди радуются? Чтобы очистить душу.

Вот простой опыт: возрадуйся! Возрадуйся сам, без бубна, без помощи взрослого.

В Прибалтике второй раз праздновали в конце прошедшего года святое католическое Рождество. И что же? Люди вышли к костелу робко и скрытно, так, как выходили в прежние времена — как бы прогуливаясь по делам и случайно оказавшись у костела.

Ничего? Пройдет? Наступит раскрепощение души, мы попытаемся пережить, может, невиданные потрясения души и в это же самое время будем учиться радоваться не по сценарию и не при виде крови?

Возрадуйся тому, что ты живешь! Молчит душа. Возрадуйся! Молчит. Смотри, дитя улыбается тебе!..

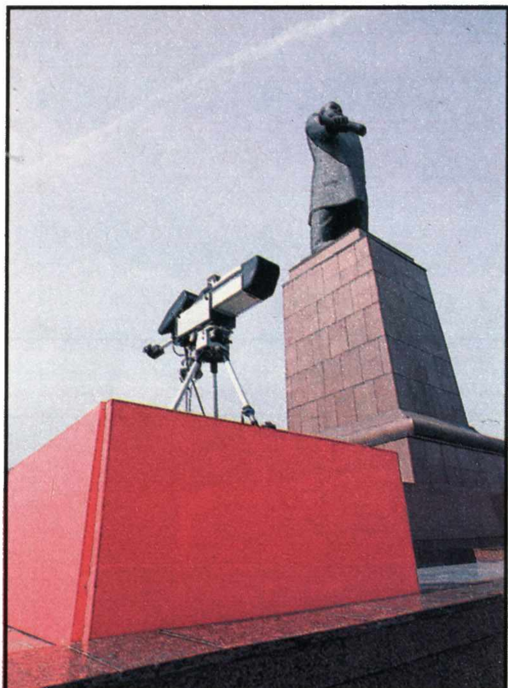
И то, что было когда-то лицом, раздвинется в подобие улыбки, под хруст пергаментной кожи. Ничего.

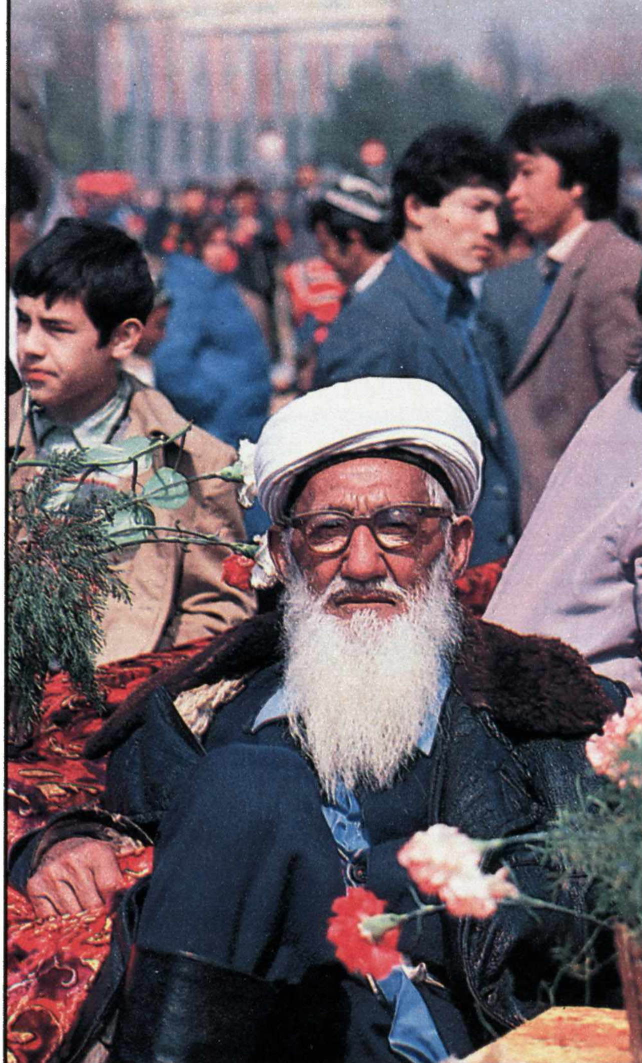
Но наши дети, которые пока безответно улыбаются нам...

Пусть сперва будет улыбка, как робкая надежда.

Но обязательно — возможность опротестовать царя!

Дары — потом.

ОГОНЁК

«Ликует мир, встречающий Навруз!»

А. Навои

Фото Марка ШТЕЙНБОКА

НЕ ВЕРЬ. НЕ БОЙСЯ. НЕ ПРОСИ.

Вероника ДОЛИНА

* * *
Чем глуше ночь — тем слаще грезы.
Чем солоней — тем веселей.
Но час от часу ярче розы
На рынках родины моей.

Усаты ушлые ребяты
Наперебой и нарасхват.
Они ни в чем не виноваты!
Никто ни в чем не виноват.

Чем гуще стих — тем больше прозы.
Чем голос тише — тем страшней.
Все жарче полыхают розы
На рынках родины моей.

Блестят шипы, манят бутоны,
Благоуханьем все нежней...
А сердца тоны-полутоны
Слышней, слышней, слышней.

* * *
Собраться, разобраться.
Убраться к январю.
Наивный пафос братства —
О чем и говорю.

И это тоже средство,
И сладок этот хрип.
Наивный пафос детства,
Чумной телеги скрип.

Собраться, разобраться,
Убраться невзначай.
Наивный пафос братства —
Прощай, прощай, прощай!

Ты видишь, как негордо
Я жду твоей руки?
И сглатывает горло
Комки. Комки. Комки.

* * *
Нет, советские сумасшедшие
Не похожи на остальных!
Пусть в учебники не вошедшие —
Сумасшедшее всех иных.

Так кошмарно они начитанны.
Так отталкивающе грустны.
Беззащитные подзащитные
Безнадежной своей страны.

Да, советские сумасшедшие
Не похожи на остальных.
Все грядущее, все прошедшее
Оседает в глазах у них.

В гардеробе не переборчивы,
Всюду принятые в тычки —
Разговорчивые, несговорчивые,
Недоверчивые дички...

Что ж «советские сумасшедшие»,
Ежель болтика нет внутри?
Нет, советские сумасшедшие
Не такие, черт побери.

Им Высоцкий поет на облаке.
Им Цветаева дарит свет.
В их почти человечьем облике
Ничего такого страшного нет.

* * *
Уезжают мои родственники.
Уезжают, тушат свет.
Не коржавины, не бродские.
Среди них поэтов нет.
Это вот такая палуба,
Вот такой аэродром.
Ненадрывно, тихо, жалобно —
Да об землю всем нутром.

Ведь смолчишь, страна огромная,
На все стороны одна,
Как пойдет волна погромная,
Ураганная волна?
Пух-перо еще не стелется,
Не увязан узелок.
Но в мою племяшку целится
Цепкий кадровый стрелок.

Уезжают мои родственники.
Затекла уже ладонь.
Не рокфеллеры, не ротшильды.—
Мелочь, жалость, шелупонь.
Взоры станут неопасливы,
Стихнут дети на руках.
И родные будут счастливы
На далеких берегах.

Я сижу, чаек завариваю,
Изогнув дугою бровь.
Я шаманю, заговариваю,
Останавливаю кровь.

Если песенкой открытою
Капнуть в деготь, не дыша,
Кровь пребудет непролитою,
Неразбитою — душа.

Молчи, скрывайся и таи...
Ф. ТЮТЧЕВ

Чертополохом поросли — скажу тебе на ухо.
Чертополохом поросли, сам черт теперь не брат.
«Не верь, не бойся, не проси» — так вот же вся наука.
Не верь, не бойся, не проси — все будет в аккурат.

Родимый край не так уж плох — то облако, то тучка.
Сплошная ширь, куда ни глянь, простор — куда ни кинь.
Полынь, полынь, чертополох — российская колючка.
Полынь, полынь, чертополох... Чертополох, полынь!

Какая мразь ни мороси, какой дурак ни пялься —
Чертополохом поросли до самых царских врат.
Не верь, не бойся, не проси, не уступай ни пальца.
Не верь, не бойся, не проси — все будет в аккурат.

Вот-вот махну — прости-прости — печально и потешно.
В конце туннеля будет свет, а за спиной порог.
Вот так и выжили почти. По Тютчеву почти что!
Не верь. Не бойся. Не проси. Полынь. Чертополох.

■

В 1986 году я нашел около трех килограммов серебряного порошка. При попытке продажи одного килограмма серебра я был арестован и осужден. В прошлом году я решил сдать оставшиеся у меня около двух килограммов серебряного порошка и направил об этом заявление Генеральному прокурору СССР.

Можете себе представить, что значит для зека такое заявление? Что и как он ждал, отправив его? И дождался... Ответ из Прокуратуры РСФСР привожу полностью:

«Ваша жалоба рассмотрена. Осуждение признано обоснованным. Вина в инкриминированных преступлениях установлена показаниями свидетелей,.. данными изъятия у вас серебряного порошка, выводами технической экспертизы и иными представленными в суде доказательствами. Сами вы признали, что, работая мастером, получали серебряный порошок. Заявление ваше о самооговоре проверялось и признано противоречащим собранным по делу доказательствам. Преступным действиям дана правильная правовая оценка. Наказание назначено в соответствии с законом. Руководством Прокуратуры РСФСР отказано в принесении протеста по делу.

Зам. начальника Управления по надзору за расследованием уголовных дел в судах Г. И. Бризицкая».

Знакомый стиль? Даже не читали моего заявления! Есть номер моего дела в прокуратуре — отвечают под копирку. Сколько же у нас чиновников-бризицких, сколько искалеченных судеб, жизней?!

Сейчас я даже рад, что мое заявление не читали. Не дай Бог заняться всерьез моим делом Бризицкой: не миновать высшей меры за убийство Улофа Пальме.

С. РЯБИНОВ
п. Хорпия Свердловской области

■

Прочитал письмо Э. Тарасова из Хабаровска («Огонек» № 5, 1991 г.), и на меня повеяло знакомым духом деяний рыцарей «воинствующего атеизма», когда все относящееся к Русской православной церкви подвергалось запретам и погромам. Все, что еще уцелело от разгрома Русской православной церкви, до недавнего времени беспардонно распродавалось зарубежным дельцам. Казалось, что годы перестройки отрезвляюще подействуют на апологетов «воинствующего атеизма». Ан нет! Жив курилка.

Наша отечественная история состоит из взлетов и падений, боли и крови, побед и поражений. И всегда, особенно в тяжкие времена, когда перед русским народом стоял вопрос: быть или не быть? — церковь была вместе с ним, разделяла все его тяготы и невзгоды.

Свое положительное и разумное отношение к Русской православной церкви наш народ продемонстрировал в дни 1000-летия крещения Руси. Это служит гарантией того, что времена мракобесия ордена «воинствующих атеистов» ушли безвозвратно, а спорадические всплески активности его сохранившихся членов будут восприниматься как реликтовое явление ушедшей эпохи.

И. ДМИТРИЧЕНКО,
инвалид ВОВ,
заслуженный
учитель школы РСФСР
Тюмень

ТА·МА·ДА·

СВАДЕБНЫЙ МАРШ

Хорошее дело — праздники, праздники, праздники. Ежели собрать все, что были, ведь это и будет чистое время жизни, когда мы лучше, когда любим, когда мы разные и что-то можем дать, помахать ушедшим и грядущим, колокольчиком звеним во тьме — празднуем, празднуем, наш черед, мы на виду — посмотрите, гляньте, какие мы живем.

Только ждешь эти праздники не дождешься, дни подсчитываешь, загадываешь перед сном, ну и что: пришли люди, говорят, кушают, пьют, в телевизор косятся, усиленно ржут — ну, все, пора по хатам. Все. Горы немытого, крошки несъеденного. Усталость, тоска и ночь. Вот опять как-то не так.

И кто его знает, как раньше праздновали? Выбирает что-то по сердцу и душе народ — это темное дело, природное, вековое, казалось бы, вечное. Это казалось, пока с народом не разобрались как следует: все лишние прослоечки, частички, жилочки и клеточки спровадили на все четыре, а кровавые останки уложили гнить в научно осмысленное расписание с днями международной солидарности и праздниками рыбака. И кумача вроде хватает, и оркестров, и концертов, а все равно как-то страшно и жалко, по-сиротски холодно и пусто мы гуляем.

А душа народная нищей тенью является в исконные дни народного бытия — на похороны и свадьбы, глядит через пыльные стекла, шепчет мертвыми губами, незнакомая, страшная, изнуренная — и мы чувствуем это. Или не чувствуем это, утешаясь — все было, как у людей: выпили-закусили.

МОЯ РАБОТА, ГОРЬКАЯ НА ВКУС

Александр ТЕРЕХОВ
Фото Павла КРИВЦОВА

* * *

...Тра-та-та, я вступление отыграл, предоставил слово папаше. Тот лысину вытер, поднялся, ухватил рюмку, рот раскрыл... А тут сверху прорвало канализацию. Прямо ему на башку. Неудачно так получилось.

...Очень просто, имею четверых детей, инженер, двести пятьдесят рублей в месяц, работа с восьми до пяти, жили-жили, и вдруг жена говорит: мне денег не хватает. И так каждый месяц. Хоть вой. Я воровать не могу, бурчу: не умеешь тратить. Взял деньги себе. После работы — за продуктами. Шесть рублей в день, рассчитал. Жена плачет: «Я прямо не баба без копейки». Держался. Зашел с детьми в кафе сок попить — пять копеек не хватило, повернулись и ушли, и я больше не смог. Когда-то играл на гармошке. Буду вести свадьбы. Нот не знаю, два месяца сидел, учил тексты, в тетрадку писал. Хорошая программа стоит две сотни, номер — бутылка. Мать и отец — против. Дядя сомневался. В комиссии на исполкоме спросили: а вы где-нибудь учились? Зажмурился: в кружке, при жэке. Ладно, валяй.

Первую свадьбу на ушах стоял — никто даже рта не раскрыл. Рожи такие интеллигентные, сидят с кислинкой. Махнул рукой, сел с гостями базарить, они тоже электронщиками оказались. Подошел папаша: «Я смотрю, вы сами себя пришли развлекать? Учитесь работать и с такой аудиторией».

Торчал у магазинов для новобрачных. «Мы играем и поем, мы не дорого берем!» Дал объявление в газету — некогда стало кусок хлеба в рот сунуть. Пятнадцать свадеб в месяц! За свадьбу — сотня. Лишних заказов штук пятнадцать в месяц натекает — толкаю их по двадцатнику тем, кто пашет без патента и ищет клиентов по загсам и банкетным залам. Халтурщиков много: «Отцы поздравили! Другие отцы поздравили! Молодожены — горько!» Сам то ест, то пьет, то закусывает, то покурить пошел, то кадрит кого-то — где ему играть-то? Свадьба кончилась — все остатки соберет, сольет и — домой, а сам: «Ох, и пахал я сегодня...»

Обычно папа-мама звонят. Мамаши очень бестолковые бывают. Я объясняю: «А потом вы скажете». А она: «А что я скажу?» Говорю: «Берите бумажку, я продиктую». Ежели звонят молодые — уже интересно, значит, папы-мамы двух слов не вяжут. Записываю имена-отчества, вплоть до бабушек. Ставлю условия: говорю только я. Организую сбор подарков. Люди серьезные просят приехать предварительно, чтоб глянуть — не алкаш? Люди богатые шипят — никаких подарков! Никаких слов! Только играйте. Я играю, а они все шушукаются, одни фирмачи, все про дела, а перед женихом длинное такое, тоненькое блюдо лежит, а на нем — осетрище! Я думал, в России таких уже не ловят. Я сам две курицы подмел — жирные, чертяки.

А раз заказали с утра пораньше. Не опоздайте, говорят. Будете опаздывать — хватайте мотор, мы оплатим. Прискакал чуть свет, звоню. Сначала гармошка с лестницы полетела, потом я. Какой-то шутливый товарищ в эту квартиру с пяти утра повызывал милицию, скорую помощь, пожарников, санэпидемстанцию тараканов травить и меня.

...В день свадьбы я нахоливаюсь. Будто пять лет учился и сегодня — диплом.

Здравствуйте, это я. Все готово? Хлеб-соль будем соблюдать? Булка хлеба нужна, солонка наверх и рушничок. Что такое рушничок? Такое льняное, простенькое полотенце. На хлебе два надреза сделайте или пусть молодые трудятся — выгрызают. Все встали полукругом! Быстро! *Так, играю Мендельсона. Молодые нет чтобы плавно пройти — все когти рвут почему-то. Говорил же, чтоб одни шли! Обязательно кто-то следом тащится или мамаша впереди всех бежит, как от паровоза.*

Родные, целуйте молодых! *Полезли целоваться. Сегодня можно всем целовать жениха и невесту! Все прут ближе к невесте, подхихикивают.* **Дарим цветы! Мамаша, бокалы из дома брали, а? Бьем бокалы! Осколки крупные — значит, будут девочки!** *Ржут.* **Молодые — к столу!** *Играю «Легко на сердце от песни веселой».* **Родители — к столу!** *Играю «Была бы шляпа и пальто из драпа». Хлопают в такт.* **Убедительная просьба: садимся через одного: мальчик — девочка.** *Смеются пожилые.* **Гости — к столу!** *Родственники садятся: стенка на стенку. Ни-ко-гда развести не удается. Хоть застрелись.*

Товарищи, все вы добры молодцы и красны девицы. Кто захочет сказать, поднимайте правую клешню, а не надо сразу бить себя пяткой в грудь.

Глянем, что за народ. Хорошая мамаша сразу накормит, а то тост объявил и торчишь у стеночки. Родители дружные: мамашки хлопочут вместе, ах, сваточки, сваточки. Если нет, то понесется: поспорят на лестнице, потом кубарем вниз, папаша жениха с племянником новосты, мамаши шси друг другу раскровенили. Папа-слон встал посреди праздества и послал всех матом на выход. Гуськом выбрались по-тихому в коридор, стоим по стеночкам, я гармошку к груди прижимаю. Послали дочь на переговоры, ублажила. Открыл дверь: давайте обратно. Тупые такие дела. Я в стороне или в мегафон кричу: успокойтесь!

Так, что там у нас на столе: богато? Бедные мучаются, еле денег собрали, из дома жратву носили, чтобы дешевле вышло, гостей сбились считать, рассчитывали, сели. Откупорили первое шампанское — бах! — в люстру. Весь стол в осколках. Жрать нечего.

Что за народ... этот будет орать «нам в армии надоели команды!», этот схватит за грудки — «ты почему не играешь наших песен?!», этот будет посылать как лакея, этот — «пей, если друг, или — в морду!» — он уже вон с папашей до свадьбы на кухню ходил «лечиться», знобит его, козла такого, хорошо хоть с женой. Раз играл в «Национале», мужик только подымет, жена его — раз! — под локоть. Он стал как бы к телефону выходить, звонить, сам мне мигал: пойдем «по сухому», на второй этаж. В ресторан. А потом не вернулся. Пошли искать: он уже лежит, и все отлично, под хорошим газом.

Ну все, расселись, поехали!

Зовут меня так. Я буду вести ваше торжество. Не против? Еще бы! Я не тамада, а командир. Все мои команды кавказские, всего шесть. Кто язык знает — поймет: вай-вай-вай-вай-вай-вай. Не поняли? Как так? Открывай, наливай, накладывай, выпивай, закусывай, закрывай. Можно ли под стол? Можно! Встречаться под столом? Тоже можно. Но лучше не надо. Когда говорю я — молчите. Две первые пьем без «горько». Первое «горько» командую я. Еще накричитесь. Подарки после четвертого тоста. Поедим и приступим к песне. Кому невтерпеж ждать тоста — пригубливайте в перерывах.

Наполняем первый бокал! Жена ухаживает за мужем, а муж — за соседкой. На свадьбе не зевай — себе невесту выбирай!

Шепну ближнему: как молодых-то зовут? Как? Ага.

Итак, аплодисменты!

Молодые — всегда бесцветность. Прошу сказать — рта раскрыть не могут, не-не-не. За всю практику одна пара смогла вальс изобразить. Сидят камнями. Она в сторону смотрит, он красный и потный — руки у него, видите ли, отекли на нервной почве, кольцо с пальца не слазит — вот он сидит и крутит это кольцо под столом, а тут народ вскочил его на руках качать, раз качнули, два качнули, он ногой плафон поддел, тот разбился, осколком кончик носа срезал, нос забинтовали — в рюмку не влазит.

Прошу: выключите магнитофон, мне мешает. Встает женишок: «А мне не мешает! Мать, убери его отсюда или я выброшу его с девятого этажа! Убирайся!» Мать в коридоре шепчет: «Хоть шеей в петлю». А я: «Дай мне, что считаешь нужным, да я пойду».

На других глянешь — обидно. Он из Бангладеш, беззубым ртом шамкает, а она... ах, куда ж ты, девка, лезешь! Или сидят и смотрят в стороны: она беременная, он не отвертелся: крик, зеркало вдребезги. Иду по лестнице: он у лифта со шмарой какой-то целуется, она этажом ниже матом орет.

Я не люблю на квартире работать. Народу жарко, народ нажрался, окна пораскроют — меня вмиг продувает, спина ломит — сидишь дома и лечишься водкой с перцем.

...На руках жену носить — до скончанья дней любить! Проверим силу любви: надо съесть вдвоем яблоко, не прикасаясь руками. Теперь кричим: молодожены, мо-лод-цы! Три-четыре!

Посидели-погуляли, посидели-погуляли. Товарищи, водку наливаем не по полной, у меня в программе

первого дня выпиваем по полной десять раз.

А теперь полное и почетное право дарить подарки! Свидетели несут поднос с двумя рюмками — пейте из них все, у нас все здоровые! Рвите конверты, чтобы видели, сколько кладешь!

Ур-ра! Все кричим!

Пары целуются! Кто без жены — целует соседку!

Пьем за свидетелей и родителей! Улыбаемся, аплодисменты, и до следующего тоста!

Если свидетель — чайник, это сильно сажает свадьбу.

Один пробкой шампанского невестиной мамаше в глаз залепил, другой потерялся. Всей свадьбой прочесывали окрестности. Нашли в телефонной будке. Уперся лбом в аппарат и шепчет в телефон: а сколько время? Работники кухни начинают невесту тырить, никто не знает, зачем и как, невесту рвут на части, она орет, дело доходит до мордобития, а если украли, свидетелю в его туфлю наливают водку. И он пьет. Тьфу!

Горько! Горько! Горько!

Знаю, будете смущаться при народе целоваться!

А вы знаете рекорд поцелуев для этого зала? Тридцать девять с половиной раз! Почему с половиной? А потому что «сорок» сказать не успели, ха-ха-ха. Побьете рекорд — получите ключи от квартиры. Фундамент которой заложат в 2000 году!

А теперь загадка! Как удобней целоваться: стоя или сидя? Вот бабушка сказала: лежа, сразу видно — разбирается товарищ!

Открывайте бутылки, добры молодцы. Можно стрелять шампанским, чтобы было как на свадьбе. *Сейчас оно, правда, почему-то не пенится.*

Бью тарелку! Кидайте деньги на пол, и все пляшут!

Теща и свекровь пьют из одного бокала!

Просим тещу и свекровь молодым не портить кровь!

Делимся на две команды: кто лучше поет и пляшет. Ах, не могу понять: а кто же впереди?

Итак, тост: на море шторм, тонут юнга и старый мудрый боцман. Боцман возводит глаза к небу и говорит: давай попросим Бога бросить нам столько бревен, сколько раз изменяли нам наши жены. На юнгу не упало ни щепки. На боцмана свалился целый плот. Так давайте выпьем за женщин, которые выручают нас в трудную минуту!

Веселится публика! Молодежь дрыгалку включила, бабы все дымят, матюги летают, от частушек уши вянут, мужики в курилках бу-бу-бу про перестройку погуливают, задираются молодцы после армии — петушки с куриными задницами — по стакану вмазали, и хорош, заходит нечто с синей мордой, еле по ленте опознали, что свидетель, уже отметелили, идут разборки: что ж ты, тварь, с моим мужем? Хрясь в харю! Всклокоченные, мятые, мутные.

Когда деревенские есть — очень здорово. Замучают до потери пульса, пилишь, пилишь — аж рука отваливается. Любимые «Ой, цветет калина», «Ой, мороз», «Вот кто-то с горочки спустился», «Огней так много золотых», «Полнымполна коробушка», «Ромашки спрятались», «Живет моя отрада»...

Молодежь даже на «Катюшу» рта не раскрывает. Если за столом не поют «Ой, цветет калина», это все — сидишь целый вечер и орешь один. Это безнадежно.

От нашего стола — вашему столу!

Помни — сколько ни гулять, а придется мамой стать! Желаю, чтоб родились два бантика и два крантика. Как у меня. Правда, правда, а то разве стал бы я вас тут веселить?

Живи ближе к теще — жизнь будет проще!

Ну-ка, а где же звон бокалов? Не звенят? В России все звенит, даже колбаса.

А теперь пригласите танцевать, как поет Алла Пугачева. Цыганочка не с выбиванием, а с выползанием, ха-ха.

Если цыганочка пошла вразброд, надо играть в такт мамаше, которая расплачивается, если ее нет — то под невесту.

Давай частушки, кто знает! Только плохие? Давай плохие!

Только рот открываю: да ладно тебе говорить — давайте скорее пить! Профессионалы на свадьбу ходят без шапок — чтоб с головы не падала, когда понесут домой. Пока всего не выпьют — танцевать не встают. Два танца отыграл — уже кто-то под столом, на бетонном полу отдыхает. Идут вразнос.

Начали борьбу с алкоголизмом, а тут женщине на свадьбе плохо с сердцем. Вызвали врача. Тот ее отвез в вытрезвитель. Был я и на безалкогольной свадьбе в пору этой борьбы. Сначала обалдел: хор поет, плакаты висят, с горкома комсомола поздравления и цветы, шарады разгадывают. Потом пригляделся: мужики очень организованно, по трое, выходят дышать на улицу и там залезают в «Жигули». Посидят и выходят. Утром приехал за гостями «Икарус» — полсвадьбы выносили и грузили на руках.

А вот серебро, чтоб водилось в доме добро! А вот бумажки, чтобы не бегал к чужой Машке!

Теперь аукцион! Представьте, что вы в Америке! Идете по авеню и попадаете на аукцион, там они часто. Итак, первый предмет, с помощью которого каждый из вас с легкостью овладеет английским языком. Что? Нет, не словарь. Сколько? Вот здесь, слева — рубль. Один рубль! Сколько? Три? Браво, вот здесь дама — три рубля! Три рубля — раз! Ого — пять рублей? Отлично! Не уступаете — десять. А? Внимание, двадцать пять — раз, двадцать — ды-ва, сколько? Тридцать? Сорок? Пятьдесят? Пятьдесят — раз, пятьдесят — два, пятьдесят — три! Продано. Получаете — кирпич. Ударьте любого по голове — и он заговорит по-английски. Оплатите детский труд!

А теперь вещь, нужная в быту практически каждому. Начальная цена — три деревянных рубля! Тридцать — продано! Получайте — семейные трусы!

А теперь — вещь, еще недавно бывшая у каждого, а теперь попавшая в дефицит. Сколько? Сорок — продано! Книга «Малая земля»!

Танго! Нет, товарищи, вы не думайте, что это надо обязательно чем-то вертеть, это просто медленный танец, белый с очень легким розовым оттенком! А теперь вальс для тех, кто родился позже 1812 года!

Товарищи, вот мы веселимся, а это значит — что это значит? Что в Год белой овцы, в тяжелые времена перестройки, несмотря на президентские указы, родилась новая семья!

И вот тут все начинают хлопать.

...Какая там моя жизнь...

Как закажут в ресторане, папам-мамам плетут: вы будете одни. Они приходят, а кругом — мальчики в кожаном и девочки — они, по-моему, там и живут. На кухню, как к себе домой, ходят. Обязательно этот мальчик встанет и полезет именно за спинами жениха и невесты — негде ему больше пролезть. Папаша тоже шебутной. Папаша ему в морду сует, завязывается общение. Еле расцепили. Посадили этого мальчика за стол, он в карман кому-то полез. Стол перевернули — кровь потекла. Я решаю смываться. Иду к мамаше за деньгами. Она: ну, что вы, еще пятнадцать минут. Мы еще будем веселиться. Я говорю: тут вообще-то как-то не до веселья уже. Ну ладно, стоим, пляшем, я на гармошке играю, пою, на мальчиков невольно посматриваю, на девочек, ничего такие девочки. Тут один мальчик ко мне подходит и шепчет примерно такое, если перевести на цензурный: «Слушай, мужик, уматывай в тот конец зала и больше не пялься в нашу сторону». Я прям тихонько так и поплыл лебедем по кругу на другой конец зала. Поиграл еще чуток и гармошку положил на место — хватит.

Какая там моя жизнь...

Народ в девять разбрелся, тетки с кухни жратву растаскивают, а хозяйка вышла кого-то провожать — некому расплачиваться, тут на меня какой-то мужичара и насел. «Ты куда? Тебе платили до 11 играть?» — «До 11».— «Вот и играй».— «Так никого нет».— «Для меня играй. Тебя же наняли».— «А что?» Мужик подумал: «Про причал». Еле я от него отмотался, теперь все время ближе к вечеру хожу как привязанный за тем, кто расплачивается.

Какая там моя жизнь...

Но зато я теперь совсем другой человек! Руку в карман сунешь — всегда полсотня. Могу пирожок кооперативный купить. За сорок копеек. К газетному киоску смело подхожу, а ведь там теперь без рубля делать нечего. Теперь совсем хорошо.

А только тащишься вечером со свадьбы, ночь надвигается, добираешься из далекого района — в центре люди не женятся, что ли... И маешься: найти бы нормальную работу, разве б занимался этой ерундой? Ведь бывает не до веселья — дома там разные дела, вообще настроения нету, а тут — прыгай, скачи...

Я ж в родной деревне обрывки кинолент собирал. Обещал: стану актером — в ресторан не сяду, все деньги — на школу и детсад для земляков. Пять раз поступал. Картавишь, шепелявишь — не пригоден. Не тратьте время даром — вы бездарны. Я всем членам приемной комиссии на дом открытки слал — когда стану актером и снимусь в главной роли, приглашу на премьеру — убедитесь! Кашу пшенную одну ел, все копил на аккордеон. Играл в народном театре так, что, если в зале

были дети,— остались бы заиками. Премию дали за игру — запонки.

Только ничего не вышло. Не вышло ни-че-го.

Шурую по букве закона, по своей программе: «А теперь слово предоставляется бабушке жениха, пожалуйста!» Никто не встал, все мнутся. Из-за стола шепчут: «Нету бабушки. Померла». Я откашлялся, гармошку поправил и объявил: «Тогда попрошу всех встать. Почтим память бабушки минутой молчания». Помолчали. Отец жениха встал и сказал: «Старый ты дурак! Иди отсюда».

...Добираюсь до дома — лезу в холодильник. Жена ворчит: ты вообще откуда пришел-то?

...У меня за все время была одна-единственная свадьба, которой я доволен.

...Утром раскладываю заказы, гадаю: куда бы пойти, чтоб не выгнали?

* * *

Вот мы снова живем без снегов — тепло, и детского весеннего света хватает на всех. Жизнь — это колыбельная песня, она убаюкивает повторами, она щадит, она как река подо льдом — можешь гулять по ней и топать каблуком, и вовсе не думать, что стережет твой шаг студеная, быстрая вода, рядом, всегда — и можешь свистать соловьем, ездить на работу, ездить с работы, принимать пищу в столовой, нырять в газетные строки — ведь солнце греет, и хорош!

Лишь бы лед не хрустнул. Лишь бы не дернулась зигзагом, змеиным язычком трещинка из-под ноги — тогда придется просыпаться, открывать глаза, выходить на жестокий, режущий свет времени, которого так много, что хватает на всех, а всех так много, что не хватает на одного...

Я пробирался к Красной площади, выбравшись из подземелий метрополитена у останков китайгородской стены. Автобусы покачивали людей, двери хлопали, метлы царапали тротуары, набухали бессонные очереди.

Я шел по улице, крайней к гостинице «Россия», похоронившей под собой прекрасное Зарядье, впереди чуть росли с каждым шагом купола и шатры Василия Блаженного. Я хожу здесь так часто, что ушли давно вкус и запах этих мест, если были, конечно, они.

Улица Степана Разина — я прочел табличку и споткнулся. Это улица Степана Разина. Вот, оказывается. Но теперь ее, кажется, переименовали. Теперь это вроде... Варварка. Варварка. Где, интересно, ударение ставить? Ну вот — Варварка, это здесь торговали пряностями и воском, вон кусок Гостиного двора — купцы на отдыхе двигали шашки по доске, было время.

Постойте, тогда следующая улица уже не Куйбышева, а Ильинка. На Ильинке торговали мехами, серебром, парчой.

А еще дальше... Была «25 Октября», а теперь? Как же ее? Ничего, узнаем, запомним, мы возвращаемся к покинутым порогам, воскрешаем великую нашу Родину, кланяемся в пояс народу, бежим на зов прошлого беспамятными детьми, чтоб никогда не покидать уже родной очаг, и наполнятся эти улицы прежним естеством, вернутся к нам песни, трудолюбие, достаток, гордость, язык, терпимость, мудрость наших предков, поднимутся народные устои, возродится веками размеренная жизнь, запляшут веселые праздники.

Да? Да!

Нет. Да ничего этого не будет. Нет больше народа — он умер. И новые таблички — это просто настоящая фамилия на старой могиле, это единственное, что мы в силах вернуть.

Все ушло, и нет возврата, а больно так оттого, что еще совсем недавно, еще и века не прошло, кажется, рукой достать — все были живы, а уже не воротишь. Еще стоят на полках книги, где все описано, еще дышит последние годы русская задушенная деревня, еще сидят за границей ветхие старики с горделивой осанкой и породистыми лицами, еще помнят старухи какие-то песни, еще совсем недавно жила моя бабушка, которая говорила на языке словаря Даля,— а уже все, не добежать, не окликнуть, не вернуть, народ ушел, подхватил всех своих и ушел. И мы даже боли этой не чувствуем. Даже не понимаем, что нет у нас никаких оснований считать себя русским народом потому, что единственное, что мы сохранили из русского,— это водку. И больше ничего.

И не запоет больше русская свадьба на Красную горку и на Святки, не расплетут невесте косу подруги, не снимут с ее головы ажурную с прорезями ленту с самоцветами и перламутровыми плашками, не наденут парчовый кокошник с поднизями, плетенными из речного жемчуга, не посыплются на молодых хлеб и хмель, не прозвучат пристойные нравоучения, не запылают в изголовье брачного ложа на ржаных снопах пудовые свечи в кадках с пшеницей — на целый год, не закрутят веселую пирушку дружко и подружье, тысяцкий да третьяк... Никто и не поймет, что невеста — значит неведомая. А суженый — тот, кто Богом сужден, до могилы, на века.

Отлетались пташки небесные, истощились скатерти самобраные, потоптали цветочки лазоревые, съела моль куньи шубы, выродились гости полюбовные.

Нету праздников — нету народа. Хотя все, как у людей,— выпили, закусили.

Пробормотав последнее «прости» жалкими переименованиями, мы несемся дальше что есть сил по славному революционному пути, трясем друг друга за грудки, заезжаем в ухо, мечтаем отнять у партократов дачи, изъять партийную казну и вынуть продукты оттуда, где они еще есть, мечтаем о шведском пути, о японском пути, о корейском пути, дрожим от слова «переворот», сжимаем кулаки на митинге, в спортивном интересе высчитывая — «сколько сегодня было?»...

С какой беззаветной, отважной, прекрасной преданностью мы грудью встаем в защиту национального возрождения Прибалтики — и бастовать готовы, и митинговать, и с мандатами по Красной площади пройтись, прощаем прямые оскорбления и неизбежные перегибы возрождения прочих наций, спешим на помощь, но когда же руки дойдут до собственной судьбы?

Мы видим на чужом опыте: в эпоху всеобщего распада, кризиса прогнившей идеологии, тяжелых испытаний, недоверия и насилия, противостояния, затаптывания смысла жизни целых поколений нужна точка отсчета, которая была бы близка одинаково всем людям, независимо от их возраста и политических убеждений, которая была бы ясна, проста, притягательна и признавалась бы как конечная цель всеми движениями. И этой точкой отсчета не могут быть сиюминутные вопросы ценообразования, личность премьера Павлова, судьба российского руководства или тем более надуманная трагедия распада Союза. Этой точкой сможет стать лишь возрождение народа. Эта цель доступна, спасительна, понятна и необходима каждому потому, что у каждого есть родные могилы и вечная природная потребность в верности традициям родной земли, которая приносит уверенность в неслучайности твоего личного существования. Ради этой цели можно будет терпеть. Ничего другого людям всем вместе не принять.

Общество, обжегшееся на «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме», никогда не поверит в «нынешнее поколение советских людей будет жить при капитализме».

Да, русскому народу труднее — нам неоткуда взять столь пленительный образ «оккупанта». Наши семьдесят лет неподъемней прибалтийских сорока. Мы не можем себе прощать перегибы и неточности, народы в России живут очень тесно — нам нельзя размахивать руками. Но это не значит, что нам не надо начинать.

Мы в худшем положении, но не в безнадежном. Нам придется дотошно и бережно исследовать опыт ранее столь ненавистных нам сионистов. Опыт воссоздания нации по крохам, крупинкам, опыт реанимации языка, собирания остатков народа на Родину, призыва к единению, воскрешения народных традиций, возвращения к разумным формам народного быта. Для этого нужны сильная экономика, привлекательная политика, надо на сухие, мертвые ветви прививать свежие побеги, сажать в землю уцелевшие семена, без устали поливать свои наделы.

В этом спасение потому, что народные устои всегда здоровы, всегда устойчивы, народная мораль справедлива и зорка, уважительна к другим нациям, это единственное, что поможет нам устоять в искушении пасть перед дешевыми искусами мира, куда мы делаем первые шаги. Народы не совершают преступлений. Народы всегда правы. Народы не предают. Они принимают нас назад, даже если мы отреклись. У нас нет другого пути — только домой.

Возрождение русского народа — это не прежние мечты о проливах Царьграда, о православной империи и полунасильственном единении всех славян. Это человеческое одухотворенное лицо, счастливая семья, родной дом, щедрая земля — этого хватит.

А пока мы чешем животы перед телевизионным корытом, склоняем на все буквы президентов и вождей, валяем памятники и дурака, к святой цели русского национального возрождения тянутся лапы недоумков из «Памяти», и никто не содрогнулся от стыда, унижения и возмущения, когда лидеры компартии РСФСР вдруг запели о великой и единой России и объявили, что «мы наследники и правопреемники... великой державы с тысячелетней историей... Именно поэтому мы обязаны поднять знамя народности, государственности, патриотизма».

Это же сколько миллионов перевернулось в гробу при этих словах! Руководство партии, нещадно угнетавшей всякое национальное начало, растоптавшей историю, творившей насилие и геноцид, ни словом не покаявшись, не принеся даже формальных извинений, не расставаясь со своим потрепанным идеологическим багажом, ставшим похожим на сундучок балаганного фокусника, обнаруживает в себе достаточно совести, чтобы дотронуться до знамени народности и патриотизма! Опять увязывает русский народ с никому не понятной идеей спасения социализма, отчуждая от себя другие народы, опять вешая камнем на шею русским социализм — лишь бы выжить!

Неужели больше некому поднять это знамя? Неужели мы так равнодушны к судьбе национального самосознания, возрождения, неужели так навсегда запорошены наши дороги в родные места и все, что нам остается,— носить чужие одежды, говорить корявым косноязычием, дрыгать ногой под иноземные припевы?

Мы вычеркиваем графы «национальность» из документов не для того, чтобы их не было в душе. А для того, чтобы они были — смело, свободно, осознанно.

И взаимообогащение наций — это очень здорово. Но лишь тогда, когда нациям есть что показать друг другу, кроме пустых вывернутых карманов...

Все это так, это так, но только быстро течет река, не остановишь, а я хотел вам написать про горький вкус своей работы, когда пилишь на гармошке и орешь один свои песни, а свадьбы идут своим чередом, пьют, гуляют, закусывают, дерутся, сидят осоловелые молодые и мамаши не знают, что им сказать, а ты играешь и поешь, пытаясь разглядеть, стоит там кто за пыльными стеклами окраинного нанятого кафе. Или нет.

ОСТРОВ

Попасть на остров Русский очень просто. Сначала объясняешь цель своей поездки капитанам третьего, второго и первого рангов, потом беседуешь в штабе Тихоокеанского флота поочередно с двумя адмиралами — и вот он, заветный пропуск на остров. Сорок минут на пароме от 36-го причала Владивостока — и мы попадаем в заповедный, совершенно не тронутый гражданской цивилизацией укрепрайон, в царство приказов и дисциплины.

Славу российского флота еще в прошлом веке добывали в боях с недругами на этом острове русские моряки, проявляя завидную отвагу и сметку. Удобное расположение острова придавало ему огромное стратегическое значение при защите Владивостока. Не взяв Русского,— это было очевидно всем — нельзя владеть Дальним Востоком. А Русский был неприступен.

Снятые с линкора «Петропавловск» и установленные на высотках артиллерийские стволы калибра 305 миллиметров отлиты еще при царях, а служат Военно-Морскому Флоту страны по сей день. Эта так называемая «Ворошиловская батарея» — единственная, стреляющая снарядами такого калибра. Вес каждого снаряда — 470 килограммов. Дальность стрельбы — 40 километров. Прицельность и точность попадания — плюс-минус два метра, причем без какой-либо там электроники.

Здесь и современные десантные корабли, и учебные подразделения, и известный на весь флот работающий в каменоломнях дисбат. Здесь не думается ни о чем отвлеченном. Кажется, сам воздух напоен строками устава.

А природа — изумительной красоты. Местное население ловит по берегам деликатесных гребешков. На работу ходит к военным. И магазины здесь военторговские.

— Сколько уж я этой тушенки-сгущенки раньше отправляла посылками родным в Оренбург, — рассказывала нам на пристани молодая женщина.— Чего не жить? Военные и свет, и воду подведут, и дороги построят. Опять же порядка больше, чем в городе.

— А чего больше хочется — порядка или в город?

— Порядка... в городе. И чтоб паром исправно ходил.

Воины Тихоокеанского флота одними из первых в стране начали патрулировать улицы приморских городов вместе с милицией. Будем учиться жить, как на острове?

С. АЛЕНИН

Приморский край.

Фото Владимира ВЕЛЕНГУРИНА

РУССКИЙ

СМОТРИТЕ, КТО ПРИШЕЛ!

По городу Павлодару бродит призрак капитализма. В воздухе витают слова «концерн», «прибыль», «акции», «кредит», «коммерческий банк», «дивиденды» и совсем загадочное слово «гинзенг». Для меня, в сущности, это лишь слова, которые, витая, сотрясают воздух. Но призрак материализовался в третьем часу ночи (из-за непогоды самолет опоздал на несколько часов, а меня ждали). В неверном свете аэропортовских огней он предстал передо мной элегантным юношей чуть ниже среднего роста, который, здороваясь, сказал просто, как выдохнул:

— Гарифуллин, генеральный директор концерна «Космофарм».

Позже я узнал, что генеральный той же ночью провел важные переговоры с деловым человеком, прибывшим тем же рейсом, что и я, и вложившим в концерн миллион рублей. А утром, словно не было бессонной ночи, он кипел энергией и был свеж как огурчик (уж извините за штамп). В светлом твидовом костюме (кстати, тут только я рассмотрел, что Гарифуллин далеко не юноша, а если юноша, то давно поседевший), в безупречной свежести белейшей рубашке и неярком аристократическом темном галстуке, он, казалось, явился с какого-то светского раута и вроде бы не вписывался в скромную обстановку конторы концерна, занимавшей несколько тесных комнат в нижнем этаже обычного панельного жилого дома. Но в этой тесноте и обыденности стояли компьютеры, телефакс и телефоны последних моделей, что давало полное право величать контору офисом.

— Что-то не видно ваших миллионов, Рузил Хатмуллинович? — спросил я, оглядывая офис, в наивной надежде узреть сейфы с деньгами.

— Они в деле,— спокойно ответил Гарифуллин.

— И много?

— В прошлом году оборот концерна составил почти двадцать миллионов рублей, в нынешнем достигнет пятидесяти — шестидесяти. Не так много, но мы в начале пути,— как бы извиняясь, сказал он.

— Не верю,— выдал я экспромт в духе Станиславского,— это называется не много? Вот она, скромность бизнесмена...

Мы стали разговаривать, проговорили часа четыре подряд, в результате чего мне стал известен рецепт — как стать, имея диплом электротехнического института, деловым человеком в области... косметики и фармакологии. Это рецепт Гарифуллина. По нему надо родиться и провести детство в Башки-

СИЛЬНЫЙ КОНЦЕРН ДЛЯ СЛАБОГО ПОЛА

рии, потом уехать в Новосибирск и поступить в престижный НЭТИ (Новосибирский электротехнический институт), стать специалистом по автоматизированным системам управления и поработать на крупной инженерной должности в одном из почтовых ящиков, потом вдруг оставить удачно начавшуюся карьеру и ринуться в Павлодар, в неизвестность. Тут Гарифуллин становится во главе объединенной дирекции строящихся предприятий Министерства медицинской промышленности СССР и быстро обретает известность героя, увы, нарицательного.

Дело в том, что министерство без согласования с местным населением (впрочем, так всегда поступали центральные ведомства) решило построить в Павлодаре завод белково-витаминных концентратов (БВК), умолчав о вредном его воздействии на экологию. Проводником министерских идей, естественно, стал Гарифуллин, и так же естественно все шишки посыпались на него. Тут как раз перестройку объявили, гласность, демократизацию, плюрализм — вредные для административно-командной системы вещи. И оказалось, что Павлодар — город отчаянных людей, сразу и наивно во все это поверивших. И началось: то рабочий-инструментальщик объявит голодовку, добиваясь справедливого отношения к нему администрации цеха; то люди требуют отставки первого секретаря обкома; то второй секретарь обкома в знак протеста поступает на шестом десятке лет учеником слесаря-сборщика на тракторный завод; то нынче собирается митинг, требующий закрытия ядерного полигона, то завтра — прекращения строительства завода БВК.

Гарифуллин оказался между молотом и наковальней. С одной стороны, узнав об экологической несовместимости БВК (сначала был в неведении) с большим городом, он не мог не поддержать протестующих, но, с другой стороны, по должности обязан был строить вредный завод. С неизбежностью встал перед ним революционный вопрос — что делать? Вот тут и вспыло спасительное слово «гинзенг», которого нет ни в одном словаре, но значение которого знают сейчас даже уборщицы концерна «Космофарм». Они знают, что в переводе с мертвого латинского языка на живой китайский это слово означает женьшень, а уже с китайского каждый советский человек переведет запросто — корень жизни. За него и ухватился Гарифуллин. Проще говоря, он решил выращивать женьшень и производить на его основе всякие целебные настойки, лосьоны, кремы, пищевые добавки и в перспективе — лекарства.

В Павлодаре, узнав о его затее, долго смеялись. Те, кто успел заглянуть в энциклопедию, говорили, что он просто спутал Прииртышье с Приморьем. Наиболее бдительные граждане смекнули, что коварный директор под новой вывеской продолжит строительство того же сомнительного БВК, и стукнули о том, куда надо и кому надо. Но никакого обмана не было. Гарифуллин действительно собрался выращивать женьшень, но не на грядках, а биологическим методом — из клеток на питательном растворе (дело в принципе известное, получаемый таким образом биоженьшень почти не отличается по целебным свойствам от натурального корня жизни).

Оставались сущие «пустяки»: найти банк, согласный финансировать идею, арендовать или построить помещение для производства, закупить материалы и оборудование, обучить персонал, обеспечить научное руководство процессом, получить биоженьшень и с выгодой сбыть его. Каждый из подобных «пустяков» (перечисленные — далеко не все) потребовал от Гарифуллина в зависимости от обстоятельств быть то дипломатом, то идущим напролом дельцом, то прижимистым финансистом, то щедрым купцом.

— Приведу один пример, и вам сразу все станет ясно,— азартно говорил Рузил Хатмуллинович.— Организовав малое предприятие «Женьшень», мы очень быстро получили продукцию и сразу же столкнулись с проблемой сбыта — на рынке нас не знали. Конечно, выгоднее было бы самим на основе нашего биоженьшеня производить лечебную настойку и продавать ее в аптеках. Но для этого необходимо разрешение Минздрава, на получение которого ушло бы не меньше года. Ждать столько мы не могли, просто прогорели бы. Пришлось ехать в Алма-Ату, уговаривать Минздрав республики и столичную фармафабрику испытать наше сырье в деле. А чтобы ускорить испытания, выделили рабочим цехов несколько тысяч рублей премиальных из наших средств. И в считанные недели из нашего биоженьшеня было налажено производство настойки. Теперь от заказов нет отбоя...

— С этого начинался концерн?

— Ну, тогда мы еще о концерне не думали, хотя грешно было не откликнуться на хороший спрос. И мы откликнулись, организовали еще одно малое предприятие — «Гинзенг», на этот раз акционерное, тоже по производству биоженьшеня.

Я побывал на «Гинзенге», расположенном, между прочим, в заброшенном до этого овощехранилище, о чем никогда бы не догадался, если бы не сказали. Здесь царила чистота, как в операционной, отделка пластиком и кафелем создавала уют.

Чтобы пройти на «плантации», пришлось облачиться в белоснежный халат, шапочку и сменить обувь. Таковы тут правила, которым подчиняются все, вплоть до генерального. «Плантации» — темные помещения, в которых автоматически поддерживались необходимые температура и влажность, уставлены многоэтажными стеллажами с десятками тысяч баночек. В них-то и растут на питательной среде клетки женьшеня, образуя желтоватые как бы кристаллы, созревающие примерно на 33-й день (в природе корень жизни набирает за год лишь один грамм веса, здесь за месяц получают сотни килограммов). Тогда наступает пора «жатвы» и, разумеется, нового посева.

Впрочем, к посевной меня не допустили, там совсем уж какие-то немыслимые требования к чистоте и стерильности, которым я, очевидно, не отвечал. Пришлось поверить на слово, что операция посева требует не только полной сосредоточенности и точности, скажем, нейрохирурга, но и хорошего настроения. Возможно, поэтому на «Гинзенге», как и в расположенном напротив другом малом предприятии — «Айсулу», выпускающем на основе биоженьшеня шампуни, лосьоны и кремы, всякий работающий пользуется правом бесплатного обеда (при заработной плате, доходящей до тысячи рублей!).

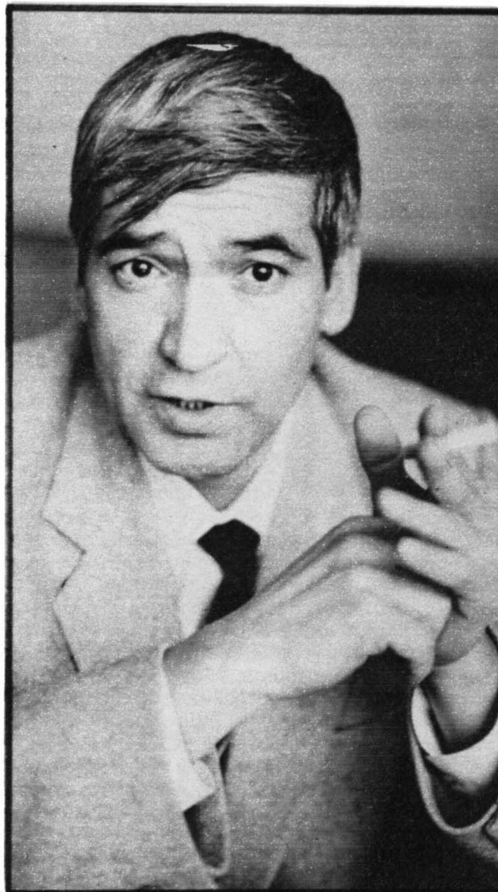
Скажу честно: порядки концерна мне нравились. Когда же я услышал, что в состав «Космофарма» включен на правах малого предприятия еще и павлодарский самодеятельный театр «Синтез-буфф», они мне стали нравиться еще больше. В прошлые, досоциалистические времена меценатство, покровительство искусствам со стороны деловых преуспевающих людей считалось хорошим тоном. Концерн решил возродить эти традиции. И вот этим призраком капитализма нас пугали семьдесят с лишним лет?

— Я так понял, что «Космофарм» состоит только из малых предприятий. Почему вы отдаете предпочтение именно им? — спросил я Гарифуллина.

— Во-первых, малые предприятия — это не маленький бизнес,— скаламбурил он.— Во-вторых, они обеспечивают быстроту и легкость маневра. С этой же целью мы размещаем их в разных регионах страны — в Выборге, в Грузии, Подмосковье, Башкирии, Новосибирске, Казахстане, на Сахалине, наконец. Пока их у нас четырнадцать, а будет столько и таких, сколько и каких потребует развитие дела. Мне, например, хотелось бы иметь в составе концерна картонную фабрику, производящую для наших изделий красивую упаковку, которую мы пока вынуждены заказывать в Финляндии. Или свой стекольный завод — в Казахстане ни одного нет, хотя сырье можно найти местное...

— Но если каждое малое предприятие имеет свой немалый бизнес, то зачем им объединяться в концерн?

— А вот я вам маленький пример приведу, и все станет ясно. Биопроизводство без науки развиваться не может, поэтому мы связаны с девятью исследовательскими и академическими институтами. Тратим на науку до пяти миллионов в год. Способно ли малое предприятие отстегивать такие суммы в одиночку? Нет, конечно, а концерн способен... Свежий случай: рынок взвинтил цены на агар-агар (используется для сгущения питательного раствора), вместо 25 рублей за килограмм теперь дерут пять сотен. И никуда не денешься, приходится платить. Пока приходится, потому что ученые обещали разработать новую методику выращивания биоженьшеня без применения дорогостоящего агар-агара... Более полутора миллионов рублей «Космофарм» вложил в научные и технологические разработки так называемого липосомного крема. Результаты великолепны. Это новое слово в косметике. Пока единственным в мире производителем подобного крема является французская фирма «Кристиан Диор». Но, к сожалению, французский крем содержит гормональные препараты. Наш крем будет включать в себя препараты только растительного происхождения и, твердо убежден, будет цениться выше французского.

— Значит, Павлодар против «Кристиана Диора»? Отчаянные вы люди. И все же, отдавая должное вашей смелости и предприимчивости, сомневаюсь, что косметика — это самое первоочередное, что требуется сейчас в нашей трудной жизни...

— Между прочим, очереди в косметические отделы сегодня ничуть не меньше, чем в продуктовые или промтоварные. Не замечали? Недавно я был в Германии, где услышал интересное суждение: уровень культуры в стране определяется еще и тем, сколько косметики потребляет ее слабый пол. Вы можете с этим спорить, а наш концерн постарается поднять планку этого уровня повыше...

Юрий ЛУШИН,
собственный корреспондент «Огонька»
Фото автора

БЕСЫ В ПАРИЖЕ

Дерек КАРТУН
РОМАН

Рисунки Вячеслава ЛОСЕВА

Встреча закончилась, и они разошлись по одному — побрели каждый своей дорогой. Ингрид на метро добралась до Страсбур Сен-Дени и пошла старинными улицами, мимо ветхих домов, целиком занятых мастерскими и лавчонками, где производятся и продаются одежда и фурнитура для нее, ремни, сумки и прочее, а некоторые помещения переоборудованы под склады. Она вошла в дверь рядом с магазинчиком, где продавалось белье, и поднялась по узкой лестнице. Здесь носились запахи камфары, разогревшейся клеевой краски и восточной кухни. На всех этажах, кроме верхнего, ютились ремесленники и мелкие торговцы. Наверху она достала ключ и отперла одну из трех дверей, выходящих на площадку.

— Это я,— сказала она, запирая за собой замок.

Жан-Поль не отозвался. Он валялся на кровати одетый, в брюках и синем в полоску пиджаке, с сигаретой в зубах, на животе у него лежала газета, посвященная бегам. Не брился он уже дней десять. На Ингрид он и не взглянул.

— В штабе распорядились, чтобы ты переехал сегодня на новое место,— подыскали для тебя специально.

— Где это? — Жан-Поль по-прежнему не смотрел на нее.

— В Монтиньи. Там домик, он хорошо загорожен, можешь там хоть физкультурой заняться — снаружи ничего не видно. Все уже устроено. Вещи с твоей старой квартиры туда перевезли. Беранже позаботился.

— Да с какой стати мне чупахаться в коровьем говне? Лучше в Париже остаться.

— В штабе сказали, что подыщут тебе жилье в Париже недели через две, когда все успокоится. А пока поедешь в Монтиньи.

Он в первый раз взглянул на нее и скинул на пол газету:

— А ну, иди сюда.

Не обращая на него внимания, она направилась к раковине в углу комнаты и налила в ковш воды. Потом достала кофейник.

— Я кому сказал, иди сюда!

— Пошел ты... Не смей со мной так разговаривать! Через двадцать минут приедет Серж, давай собирайся.

— Времени хватит. Иди сюда, тебе говорят!

— Мало ли что говорят.— Она потянулась за кружками.— Кофе будешь?

— Нет. Ты знаешь, что мне надо!

— А мне не надо.

Жан-Поль слез с кровати и через голову стащил пиджак.

— Давай сюда, а то я тебе все мозги вышибу. Что-то ты раньше соглашалась, а теперь смотри какая чистюля!

— Я любовью занимаюсь, когда мне самой хочется. Раз уж ты здесь оказался — что ж, ты не хуже других. Не Бог весть что, но в случае надобности сойдет. А сейчас как раз мне не нужно, так что можешь снова одеться.

Она поставила кружки на стол и насыпала в кофейник кофе. Вода в ковше уже закипала. Жан-Поль подошел, сгреб рукой ее короткие волосы и запрокинул ей голову так, что ей пришлось-таки взглянуть ему в лицо.

— Хочешь, чтобы я твое красивое личико разукрасил? Это запросто, ты знаешь. Один раз смазать бы тебе хорошенько — ты только этого и заслуживаешь, телка чертова. Ну-ка раздевайся, да побыстрей.

Он выпустил ее волосы. Она повернулась и, не говоря ни слова, сняла блузку, расстегнула джинсы и, когда они соскользнули на пол, стянула трусы и отбросила их ногой. Потом легла на кровать, вытянулась на спине и отвернула от него лицо.

— Быстрее,— велела она.— Нам уходить, а я еще кофе хочу выпить.

После она сказала:

— Это в последний раз. Надеюсь, ты удовольствие получил,— и направилась к раковине, всем своим видом демонстрируя отвращение.

Когда явился Серж, они пили кофе.

— Штаб принял план насчет Жан-Поля,— сказала она гостю, лицо ее при этом ничего не выражало.

— Монтиньи?

Она молча кивнула. Втроем они спустились по лестнице, машина стояла за первым же поворотом.

— Я поведу,— распорядилась девушка.— А вы вдвоем садитесь сзади, так Жан-Поля меньше видно.

Она села за руль, взяв у Сержа ключи. Когда отъехали, Жан-Поль заговорил:

— Мне пистолет нужен.

— Там будет. Он в сумке, которую с твоей квартиры привезли.

Дальше уже в полном молчании они направились к западу в сторону Фонтенбло, минуя Порт де Венсан. Скоро городской пейзаж кончился, пошли поля, за ними леса, в которых когда-то во всем своем великолепии скакала королевская охота, преследуя оленей. На развилке машина свернула с шоссе, углубляясь в лес.

— Куда это мы? — удивился Жан-Поль. Он дремал и очнулся уже на узкой лесной дороге.

— Что мне, по магистрали ехать, что ли, когда ты сзади сидишь? — возмутилась Ингрид.— Здесь по крайней мере постов нет. Доберемся до Монтиньи, не выезжая больше на шоссе.

В молчании они ехали еще минут двадцать. Машин в этой самой густой части леса не попадалось. Проезжая перекресток, девушка сказала Жан-Полю:

— Я отвечаю за тебя, за твою безопасность.

При этих словах Серж наклонился вперед.

— Мне выйти надо.

Машина остановилась.

— Здесь?

— Да хоть здесь. А ты не хочешь прогуляться, Жан-Поль?

— Это можно,— согласился тот.

Двое мужчин вышли из машины, и Серж чуть отстал, пропуская Жан-Поля вперед, на узкую тропку. Когда тот скрылся в кустах, он вытащил из кармана «файерберд», установил глушитель и поспешил за своим спутником. Жан-Поль только успел крикнуть:

— Эй, куда прешь, найди себе другое место!

Серж подошел ближе и, тщательно прицелившись, дважды выстрелил сзади ему в голову. Выстрел был почти не слышен, но Ингрид уже спешила ему навстречу.

— Порядок,— сказала она.— Ну и дрянь же он был!

Она взглянула на скорчившийся труп — Жан-Поль упал в кусты, с дороги его не заметишь.

— Оттащить его, что ли, подальше в лес? — Серж запихивал пистолет в карман.

— Да не надо! Чем скорее эти свиньи его обнаружат, тем быстрее усвоят, как мы поступаем с предателями.

Когда вернулись к машине, Серж сел за руль, и на большой скорости они направились обратно в Париж.

Техника облавы, то есть полицейского налета на какое-нибудь здание, на несколько зданий одновременно, а то и на целый квартал, была доведена до совершенства гестапо и его французскими сподвижниками во время оккупации. И хотя с тех пор французской полиции не часто представлялся случай воспользоваться этим приемом, процедура облавы стала как бы народной мудростью: за сорок с лишним лет, прошедших с тех пор, как немцев из Франции прогнали, ее изучали несколько поколений полицейских. Это был как раз тот прием, который рассчитывал использовать Альфред Баум с помощью Руассе.

Территория, на которой предстояло провести облаву, была довольно велика: около семнадцати улиц и переулков в треугольнике, образованном бульварами Мажента, Страсбур и Сен-Мартен, через этот треугольник проходит улица Фобур Сен-Дени, на которой Леон предпринял неудачную попытку задержать Ингрид. Главное в подобной процедуре — блокировать все входы и выходы и затем быстро прочесывать внутри дом за домом, привлекая как можно больше народу. Скорость — самый существенный элемент облавы, а еще — хороший, обстоятельный

Продолжение. См. «Огонек» №№ 11—18.

инструктаж участников. Потому что если в каком-нибудь деле участвует сотня людей, то среди них непременно найдется идиот, которого вообще-то надо бы гнать из полиции и чья глупость и некомпетентность только усугубляются тем, что он носит мундир. Вон он (или они — таких вполне может быть несколько) обязательно и окажется в том самом звене, от которого зависит успех всей операции, и обязательно упустит самого преследуемого или того, кто мог бы к нему привести. Он не только прозевает человека, на которого устроена облава, но еще и, приподняв шляпу, сделает шаг в сторону, чтобы тому было удобнее покинуть территорию. Единственное средство такого нейтрализовать — это снабдить его как можно более полными сведениями относительно внешности разыскиваемого, его привычек, описать подробно все приметы, которые должны вызывать подозрение.

Альфред Баум был мастером инструктажа — он умел, подобно дирижеру большого оркестра, поставить совершенно четко общую задачу и при этом объяснить каждому его персональную роль. Это его несколько даже мистическое искусство понадобилось, когда в подземном гараже на улице Соссэ собрались сто с лишним участников операции — частью в форме, частью в штатском.

Всем были розданы фотографии — на одной белокурая девушка, та, что приходила в клинику Божон, на второй — Жан-Поль Масэ, в прошлом легионер, неоднократно судимый, недавно сбежавший из контрразведки прямо во время допроса. Баум прочитал целую лекцию, как опознать оригинал фотографии, если, допустим, волосы перекрашены или внешность еще каким-то образом изменена. Потом повернулся к крупномасштабной карте района, висевшей на стене, и с помощью указки разместил на всех семнадцати улицах группы участников, объяснив, что им следует делать. Некоторым предстояло патрулировать улицы, проверяя документы у прохожих, и задерживать тех, у кого таковых не окажется. Большинство же должно было прочесывать здания.

Не пожалел Баум времени и на то, чтобы объяснить, каким образом следует сочетать необходимую вежливость с известной твердостью, если хозяева не пускают проверяющего в свою квартиру, в контору или мастерскую.

— Потом всегда найдем время, чтобы извиниться,— сказал он.— Но вот если чужая собственность будет повреждена,— держитесь! Старайтесь вести себя прилично.

В аудитории раздался ропот. Все понимали, что подобная операция не обойдется без грубости и скандалов, и чего уж там горевать по поводу какой-нибудь вышибленной двери или фингала на чьей-нибудь физиономии!

— Многого я не жду,— признался Баум Вавру после инструктажа.— Конечно, отловим кое-какую мелкую рыбешку — кто живет в городе нелегально и прочее, но те, кого мы ищем,— я думаю, они слишком умны, чтобы остаться там, где их пытались арестовать. Я даже не уверен в том, что их логово помещается в этом треугольнике, хотя именно сюда они приезжали на метро.

— Облаву все равно надо провести,— сказал Вавр.— Если этого не сделать, то нас обязательно спросят, почему мы не воспользовались таким приемом. Что ж, мол, вы, никого не ищете? Никого с пристрастием не допрашиваете? Начальственный ум такого не допускает...

Облава шла своим чередом в назначенное время — с часу до трех дня во вторник, 26 августа.

Самое интересное произошло или могло бы произойти, когда группа, ответственная за прочесывание пассажа Сен-Дени, приблизилась к мастерской химчистки,— это, как мы знаем, было четвертое здание по левой стороне. Трое — инспектор и два сержанта — толкнули застекленную дверь с улицы, а двое их коллег через другой подъезд отправились осматривать конторы и квартиры, расположенные на верхних этажах дома.

— Полиция! — сообщил инспектор человеку в белом халате, который стоял у грохочущей машины в задней части мастерской и проверял метки на каких-то вещах.

Махнув перед его носом удостоверениями, посетители согласно инструкциям, полученным от Баума, бросились осматривать помещение, не обращая внимания на негодующий вопрос, что, собственно, им тут надо?

Один из полицейских, обойдя мастерскую, сдвинул в сторону одежду, висевшую на металлической штанге, заглянул под прилавок и с подозрением уставился на немецкого производства машину, в которой за стеклянной панелью с грохотом крутились и плескались заложенные в бак вещи. Двое других исследовали две обнаруженные в помещении двери. За одной оказалась довольно вонючая уборная: полицейский провел там ровно столько времени, чтобы оглядеть пятнистые от сырости стены. Вторая дверь оказалась запертой.

— Ну-ка отоприте! — прозвучал приказ.

— А у меня ключа нет,— был ответ.— Ключ у хозяина, а его уж недель пять как нету. На юг куда-то подался, в отпуск.

— А что он там держит?

— Да ничего особенного.

— Ну, например?

Мужчина в белом халате подмигнул инспектору:

— Ну что человеку больше всего нужно? Диван. Другой мебелью он и не пользуется.

— Девок, что ли, водит?

— Меня это не касается, раз он им сам платит. Жену-то уж он точно сюда не приглашает.

Он засмеялся, полицейский тоже.

— Все-таки надо посмотреть.

— Да нет ключа. Честно.

Инспектор заколебался. Он уже вышиб сегодня несколько дверей, и никакого проку от этого не было, а вот когда облава закончится, придется по этому поводу объясняться. Он вынул блокнот и записал: «Химчистка. Дом 7, пассаж Сен-Дени. Ничего подозрительного. Одна комната заперта, хозяин отсутствует, у работника ключа нет». И сунул блокнот в карман.

— Ладно уж, пожалеем вашу дверь.

Его собеседник пожал плечами.

— Мне-то что, она не моя. Но если бы вы ее взломали, ему бы с новым замком пришлось поспешить: тут одна цыпочка ему такие сцены закатывает...

Он снова подмигнул и закончил коротким смешком — эдаким грязным намеком.

Полицейский хохотнул в ответ и, позвав двух других, вышел на улицу. Вслед им громко звякнул колокольчик. И было им невдомек, что к длинному перечню промахов, допущенных ОТО в этом деле, они добавили еще один.

После их ухода человек в халате еще минут двадцать возился с метками на белье. Потом выглянул наружу, убедился, что полицией поблизости и не пахнет, и вернулся к себе. Тут он отомкнул запертую дверь. В комнате было пусто — Ингрид и ее приятели не появлялись здесь с тех пор, как Леон выследил Жан-Поля. Содержимое шкафа было убрано.

Человек позвонил по телефону. На том конце линии кто-то снял трубку, он тут же положил свою на рычаг и немедленно снова набрал номер. Ответил мужчина.

— Это из химчистки. Чего ждали, то и произошло. Все в порядке. Как и не было ничего.

— Хорошо.

Положив трубку, звонивший снова запер дверь и возвратился в мастерскую.

ГЛАВА XIII

Завтрак, который Рольф Хемминг приготовил сам себе в воскресенье, был достаточно скромным — немного копченой лососины с картофельным салатом, полбутылки хорошего шабли. Воскресные номера газет, как правило, не содержат ничего для него интересного, он раскрыл лежавшую рядом с тарелкой «Теорию восстаний» Эмилио Луссу — книгу, которая заслуживала внимания настолько, что он даже подчеркивал карандашом отдельные места. На десерт съел персик, предварительно вымыв его. У черного слуги был выходной, так что и кофе пришлось сварить самому. Но он любил иногда повозиться в кухне — не готовить, конечно, всерьез, а так, слегка: сделать кофе по-турецки или подогреть что-нибудь.

Он принес кофе в маленькую гостиную, где до этого завтракал, и закурил «корону». Отложив книгу, посмотрел на часы. Половина второго. Через десять минут выходить. Затягиваясь дымом сигары, он прикинул в уме все, что следует сегодня обсудить. Потом отнес в кухню кофейную чашку, книгу поставил на полку и вышел, заперев за собой дверь на двойной замок.

Как обычно, Хемминг дошел до авеню Шарль де Голль и взял такси до аэровокзала на площади Порт Майо. Счетчик показывал всего четырнадцать франков, но он дал водителю двадцать.

— Подождите, пока на счетчике будет шестнадцать,— сказал он.— Отвезете меня в аэропорт, если я вернусь,— неплохая для вас поездка. Но если я не вернусь, значит, планы мои переменились, и тогда вы свободны, а сдачу оставьте себе.

Сотрудник ОТО, который вел слежку, увидев, что такси не отъезжает, решил, что Хемминг сейчас вернется,— на что тот и рассчитывал. Предоставив водителю и агенту ждать хоть до посинения, он вошел в здание аэровокзала и тут же быстро вышел через боковую дверь на другую улицу. Сотрудник ОТО, который следил за Хеммингом с той минуты, как тот покинул такси, этого не заметил, мгновенно потеряв преследуемого в многолюдье аэровокзала. А тот, оглядевшись и убедившись, что никто его не преследует, взял другое такси — до парка Монсо, и был таков.

Обоим агентам понадобилось время, чтобы уяснить тот факт, что птичка упорхнула. Еще дольше их коллеги свыкались с мыслью, что сегодняшняя вылазка в Булонский лес абсолютно бесполезна: свидание на лесной поляне не состоялось.

Подъехав к парку Монсо, Хемминг направился в условленное место — одно из тех, которых избегали мамаши с детьми, потому что там проводили свой послеобеденный отдых целые компании пьяниц. Вот и сейчас на скамьях расположились два неприглядных старика и еще более старая и еще менее приглядная старуха. Рене в своем воскресном, то есть женском, обличье уже был тут. Рука об руку они начали прогуливаться по гравиевой дорожке, петлявшей меж пыльных кустов, переговариваясь негромко, прорясняя все детали предстоящих акций и повторяя по нескольку раз наиболее важные детали, чтобы поточнее запомнить. Свидание длилось ровно двадцать минут,— затем Рене укатил в своем белом фургоне, а Рольф на такси доехал до места, откуда за десять минут пешком дошел до дому и с удовольствием продолжил изучение суховатого, но полезного произведения Эмилио Луссу.

Рене же пересек весь Париж, поставил машину у станции метро Порт Жавель и отправился на «Марию-Луизу». Там он пересказал все, о чем говорилось на свидании с Феликсом, и час спустя, около пяти вечера, снова вышел на набережную, поднялся по ступенькам у моста Мирабо и, сев в свою машину, перегнал ее на противоположную сторону шоссе и, развернувшись, остановился на перекрестке. Вклиниться в густой поток машин, несущихся по авеню Эмиль Золя, было делом непростым. Внимательно следя, не образуется ли где просвет, он не заметил справа от себя двух полицейских на мотоциклах. Они оказались там случайно: их делом было следить за уличным движением в тот час, когда парижане возвращаются в город после выходного дня. На минуту остановились, чтобы покурить, и как раз собирались вернуться на свой пост. Перекур распорядком их службы предусмотрен не был. По правде сказать, им совершенно нечего было делать на авеню Эмиль Золя. У одного из них оказалась хорошая память.

— Слушай, а вот этот фургон,— сказал он напарнику.— Помнишь, что-то насчет такого говорили. Смотри-ка, и номер тот же!

— Да ну его! Если мы им займемся, придется начальству объяснять, почему это мы здесь оказались,— нам же положено быть на мосту!

— Нет, знаешь, насчет него ведь специально звонили, это наверняка что-то важное. Может, нам больше будет пользы, чем вреда. Поехали!

Фургон как раз в этот момент тронулся с места и влился в поток движущихся машин. Мотоциклисты бросились в погоню, но им на это понадобилось несколько секунд. Выключив сирены и мигалки, оба развили максимальную скорость и догнали белую машину, когда она пересекла мост и поворачивала вправо. Расстояние между мотоциклами составляло в этот момент метров сто. Тот, у которого была хорошая память, посигналил второму: задерживаем? Он кивнул в ответ.

Моторы мотоциклов взревели, и они мгновенно поравнялись с фургоном, включив при этом сирены. Один обогнал его и дал сигнал остановиться, второй держался рядом слева. Слабосильному фургончику не под силу было вступать в соревнование с двумя мощными мотоциклами, но нервы у Рене оказались крепкие. Он резко бросил машину на того, что мчался слева, и, не будь ездок специально тренирован, он вылетел бы из седла прямо на дорогу. Однако он удержался, хотя едва не разбился о перегородку, разделяющую в этом месте два потока машин.

Тот, что был впереди, увидел эту сцену в зеркале и понял, что призыв остановиться выполнен не будет и что водитель сейчас постарается сбить и его. Рванув вперед, он вызвал по рации подмогу. Напарник теперь двигался вслед за фургоном. Свернуть с шоссе было невозможно: поворотов здесь нет.

— Куда направлять машину? — спросила дежурная, выслушав сообщение и просьбу.

— Не знаю пока. Пожалуй, к мосту Альма, но я еще уточню.— В голосе говорившего не было уверенности.

Фургон на своей предельной скорости — шестьдесят — двигался вдоль реки, сзади и спереди держались мотоциклы. Через несколько минут возле подземного перехода у моста Альма полицейским повезло во второй раз: впереди оказалась пробка, на пути к центру застряли десятки машин. Фургону оставалось либо затормозить, либо попытаться куда-нибудь свернуть. Тому, что ехал впереди, было ясно: водитель готов на все. Опасный преступник, и скорее всего вооружен. С тяжелого мотоцикла на ходу особо не постреляешь. Он нажал на газ, стиснув машину коленями, будто норовистую лошадь, в момент оказался там, где недвижно стояли попавшие в пробку машины, и резко, с визгом, затормозил. Вытаскивая пистолет из кобуры и спрыгивая на землю, он предоставил своему коню валиться наземь и повернулся лицом к приближающемуся фургону, который уже сбавлял скорость из-за массы машин впереди. Полицейский держал пистолет обеими руками, целясь в водителя, готовый выстрелить, если тот попытается выйти. Но Рене, уже на малой скорости, резко вывернул влево, на центральную полосу — если бы ему удалось ее пересечь, он мог бы пуститься наутек в противоположном направлении.

Полицейский выстрелил дважды по покрышке переднего колеса, того, что было ближе к нему, и еще дважды по ветровому стеклу. Второй выстрел пробил шину, от третьего в углу стекла появилось отверстие, сеть мелких трещин мгновенно разбежалась по всей остальной поверхности. Фургон остановился прямо на центральной полосе, там, где растет трава. Рене выскочил и бросился бежать, сжимая в руке пистолет.

Второй преследователь тоже спрыгнул с мотоцикла, его оружие было наготове. Держа пистолет обеими руками на уровне глаз, он прицелился и выстрелил по бегущему. Рене упал, хватаясь руками за парапет набережной, к которому бежал, видя в нем спасение. Пуля вошла под правое колено и раздробила коленную чашечку. Он рухнул сразу, не сделав больше ни шагу, пистолет ударился об асфальт. Через секунду полицейские уже заламывали ему руки за спину.

— Произведен арест,— сообщил один из них по рации.— Вот теперь присылай машину, дорогая, да побыстрей, а то пить жутко хочется. Привет!

Час спустя о происшествии узнал Руассе — ему позвонили из префектуры девятого округа. И ровно через пять минут после этого зазвонил телефон у Альфреда Баума.

— Насчет фургона, которым вы интересовались. Мои люди его отыскали. Водитель задержан.— Он сообщил подробности.

— Отлично, господин Руассе, вы очень нам помогли. Где он?

— В префектуре девятого округа.

— Можно устроить, чтобы его передали нам?

— Я уже распорядился.

— И машину его заодно.

— Мне сказали, что ее уже доставили в полицейский гараж. Можете ее тоже забрать.

— Спасибо. Постараюсь это сделать побыстрее. Если удастся сегодня кого-нибудь найти.

— Мы их можем подержать до завтра, если хотите.

— Посмотрим. Задержанного мне бы хотелось заполучить еще сегодня.

Баум тут же перезвонил дежурному на улицу Соссэ.

— Надо немедленно забрать человека, который арестован сегодня и находится в данный момент в префектуре девятого округа. Говорят, он ранен — полицейский его подстрелил где-то в районе набережной Нью-Йорк. Необходимо заполучить его прямо сейчас, пока полиция не передумала. Позвони мне, как только его доставят. Да, еще пошли кого-нибудь в их гараж, за его машиной — белый «рено», фургон. Если он не на ходу, все равно тащите. Сам решай, как это лучше сделать. И торопись!

В распоряжении дежурного было двое сотрудников и машина. Вскоре они уже были в префектуре девятого округа. Рене приволокли из камеры двое дюжих полицейских, раненая нога висела плетью. Он был бледен и, видимо, испытывал сильную боль. Его отнесли к машине и запихнули на заднее сиденье, не обращая особого внимания на его рану. Он ведь чуть не убил одного из их товарищей, так что ребята

решили приберечь сочувствие для кого-нибудь другого.

Как только машина ОТО скрылась из виду, к окружной префектуре с воплем сирены подкатил полицейский фургон, и в дежурке появились четверо — двое в форме и двое в штатском.

— Из городской префектуры,— сообщил старший чином.— Приказано забрать у вас водителя, который задержан сегодня на набережной, во время инцидента со стрельбой.

— Кем приказано?

— Самим префектом.

— Господи, чего это он всем сразу понадобился? Да кто он такой, этот малый?

— Понятия не имею. Мы только выполняем приказ. Давайте его сюда.

Дежурный покачал головой:

— Сожалею, но это невозможно. Его нет.

— Как это нет?

— Уже увезли. Я же говорю — он всем нужен.

— Кто увез?

— Контрразведка. Он сейчас катит по направлению к улице Соссэ.— Дежурный язвительно улыбнулся.— Эти ваши междоусобицы нас не касаются.

Посетитель пожал плечами.

— Я сделал все, что мог, пусть другие сделают лучше. Пока.

Дежурный с любопытством посмотрел вслед уходящим. Надо же, день был такой спокойный, пока этого малого не привезли. Не хватает только, чтобы армейский патруль за ним явился. Наверно, какой-нибудь крупный мафиози. Хотя по виду не скажешь.

И сел писать рапорт по поводу всех этих событий.

А с улицы Соссэ тем временем уже звонили Бауму домой.

— Шеф, мы его привезли. Похоже, врач нужен: колено у него прострелено. В футбол ему больше не играть — это точно.

— Смотри сам. Устрой его как-нибудь поудобнее, но запри получше. Если кто-нибудь попытается его увезти, хоть сам президент,— стой стеной, не отдавай. Ясно?

— Разумеется, шеф.

— Отпечатки пальцев снимите, проверьте на компьютере. Данные мне понадобятся завтра ровно в восемь утра. Про машину не забудьте, она тоже нужна.

Однако когда сотрудник ОТО явился за белым «рено», выяснилось, что его увезли в неизвестном направлении. На все вопросы отвечали только выразительным пожатием плеч:

— Собрались к вам его переправить. Но водителю транспортировки откуда-то позвонили и велели изменить адрес. Вроде какое-то начальство из городской префектуры. А куда его отправили — Бог весть.

— Черт! — подосадовал приехавший.

— Что за машина, чего ради эта суета?

— А хрен ее знает, мне приказали — и все. Ну, я пошел. Пока.

Согласно показаниям компьютера тот, кого называли Рене, на самом деле был Люсьен Хаан, уроженец Эльзаса, двадцати двух лет, студент, изучающий в Париже международное право. Сведения о Хаане оказались в компьютере из-за того, что в течение двух лет он состоял в крайне правой экстремистской политической организации. Отпечатки пальцев попали в картотеку во время одного инцидента — несколько членов этой организации ворвались в помещение Франко-израильского общества, молодчики перемазали стены экскрементами, которые для этой цели принесли с собой, перепугали персонал и разбили все, что билось. Люсьена Хаана в числе четверых других задержали при выходе из здания, но впоследствии отпустили — судья сослался на юношескую горячность и патриотическую экзальтацию, которую, мол, можно понять.

Прочитав эти скудные сведения за утренним кофе, Баум усмехнулся.

— Ну вот,— обратился он к инспектору Алламбо,— а говорили, будто это «красные бригады». Подгоняли вопрос под ответ. «Красные бригады» бьют по социальным мишеням, эти тоже, вывод — значит, эти тоже левые. Но на примере Люсьена Хаана, как и в случае с нашим приятелем Жан-Полем Масэ из иностранного легиона, видно, что мы имеем дело с самыми что ни на есть правыми — с маньяками из их числа. Это вносит в дело политическую ясность.

— Что с ним делать? — задал вопрос Алламбо.

— На этот раз,— проговорил Баум медленно, как если бы ему что-то мешало,— на этот раз придется играть всерьез, этого уже не избежишь. Джентльменов изображать не будем. В нашем распоряжении шесть дней — столько осталось до парада голлистов. Если мы это дело не раскрутим, снова пострадают ни в чем не повинные люди. Так что я не считаю возможным церемониться с этим молодым человеком. Просто не вижу такой возможности.

— Кому его поручить?

Баум с несчастным видом пожал плечами.

— Эта свинья Ассар, что ли, пусть займется. Кому же еще...

— Вы его сами проинструктируете или мне это сделать?

— Лучше ты. У меня и без него неприятностей куча. Теперь слушай внимательно распоряжения на сегодня. Первое — допроси этого парня сам, прямо сейчас. Как уж ты этого добьешься — твое дело, но сегодня к вечеру он должен выложить нам все, что знает. Если упрется, предупреди его, какие приключения он навлекает на свою задницу, и передавай его Ассару. Насчет этого типа и его методов так: пусть делает что хочет, но при всех обстоятельствах малый должен остаться в живых. С другой стороны — дать показания он должен. И времени у нас в обрез. До завтра, только до завтра!

— Он может оказаться крепким орешком. Так сразу не расколется.

— Я слыхал, у Ассара раскалываются быстро. Пусть и на этот раз постарается, у него более важного дела еще никогда не было.

Алламбо поднялся.

— Я понимаю, что вы сейчас чувствуете. Будем надеяться, что у этого Хаана есть хоть немного здравого смысла.

— Фанатик,— мрачно отозвался Баум.— Мы живем в век возрождения фанатизма. Одних идеология сводит с ума. А других, которым хотелось бы считать себя цивилизованными, вынуждает действовать нецивилизованными методами. Что уж тут хорошего, когда твой долг гражданина, обязанного защищать общество от преступников, заставляет тебя поступать в точности, как эти самые преступники.

...У Люсьена Хаана, он же Рене, здравого смысла, как выяснилось, не было вовсе. Он сидел, сгорбившись, на стуле перед инспектором Алламбо, положив искалеченную ногу на другой стул, и упорно отказывался отвечать на вопросы. Только к полудню, когда его приперли к стене фотографией из архива, он признался, что его имя Люсьен Хаан, но отрицал, что участвовал в нападении на помещение Франко-израильского общества. Не признавался он и в том, что хотел сбить полицейского вчера днем на набережной Нью-Йорк.

Где он живет? Он не собирается отвечать. Откуда он взял этот белый фургон? Ответа нет. Что он делал возле Порт Жавель и куда намеревался ехать, когда полиция его задержала? Ответа нет. Является ли он членом террористической организации? Ответа нет. Состоял ли в организации раньше? Снова молчание.

— Глупо ты себя ведешь, парень,— устало произнес инспектор Алламбо, когда из коридора раздались звуки, возвещавшие конец рабочего дня для рядовых сотрудников отдела.— Я ведь тебя с самого начала предупредил, что будет, если откажешься отвечать мне. Повторю подробно. Ты, видишь ли, в контрразведке. Наша цель — безопасность страны. Не существует более высокой цели, поскольку благополучие всех граждан зависит от безопасности государства. И мы не можем уклониться от исполнения своего долга даже во имя благородных, но второстепенных понятий. Таких, скажем, как гуманность. У нас есть основания предполагать, что ты и твои товарищи уже убили многих людей и планируете эту свою деятельность продолжать. Ваши жертвы — по большей части ни в чем не повинные граждане, далекие от той политической арены, на которой, как вам кажется, вы орудуете. И наш долг — положить этому конец. Главное, мы должны быть уверены, что у власти не окажутся такие, как ты и твои приятели, те, для кого цели оправдывают любые средства. Я еще помню насчет гестапо и милиции — не хотелось бы участвовать в подобных играх. Но уж если ты сам вынуждаешь нас пользоваться их методами — это твоя проблема. Тут мы не дрогнем — лучше пусть они будут редким исключением в деятельности контрразведки, чем нормой по всей стране, как это было при фашистах.

Произнеся эту речь, инспектор утер вспотевший лоб.

— Теперь,— продолжал он,— исполню неприятный долг и расскажу об этих методах подробнее. На практике познакомишься с ними сразу, как выйдешь из этой комнаты.

Он старался расписать пытки пострашнее, подобно тому как во времена инквизиции узникам заранее показывали пыточные орудия,— он все еще надеялся, что сидящий перед ним молодой человек, чей разум будто блокирован фанатической идеей, опомнится и даст показания. Но Рене все больше охватывала лихорадка самопожертвования. Нет, он не заговорит, что бы они с ним ни делали. Ничего не скажет. Он станет первым мучеником великого патриотического дела — антикоммунизма, очищения Европы от чуждых элементов — евреев, негров, арабов — и возрождения ясных и чистых североевропейских добродетелей, за которые боролись в свое время национал-социалисты — и почти добились, почти завоевали для своей Германии принадлежащее ей по праву место европейского лидера. По праву ее генетических преимуществ, ее культуры, ее воли к лидерству...

Пока инспектор говорил, Рене мысленно отдалялся от него и почти не слышал, поглощенный мыслью о мученичестве. Может быть, его убьют. Ну и пусть, он умрет как герой. В один прекрасный день об этом станет известно, и он займет свое место в почетном списке убитых на войне. Говорят, будто только среди левых есть герои. Он докажет, что своих героев имеют и правые...

Инспектор Алламбо как раз перечислял испытания, которые ему предстоит вынести.

— Давай решай, приятель,— закончил он с невеселой улыбкой.— Надежды для тебя никакой, если только ты прямо сейчас не передумаешь. Никакой надежды, пойми. Никто и никогда не узнает, что с тобой случилось. Стоит ли хорохориться? Ведь это зря, абсолютно напрасно.

Он подождал ответа, но не дождался — Рене только сплюнул на пол. Алламбо вздохнул и снял трубку внутреннего телефона:

— Отведите в шестую комнату, и пусть туда идет Ассар. Пусть начинает сразу же — он в курсе.

Многие из тех, кто подвергался пыткам, рассказывали: есть некая точка, за которой приходит сознание, что ты можешь выдержать все, что ты не заговоришь, как бы ни старались твои палачи. Эта точка для всех разная, ее появление зависит от множества факторов, среди которых самые главные — методика пыток, и превыше всего — моральное состояние узника. В данном случае методы, которые применял Ассар, были, возможно, самыми изощренными и профессиональными из тех, что применяются в современных службах безопасности. В основе их не лежали сложные психологические манипуляции — на них всегда требуется время, они воздействуют на допрашиваемого постепенно. Ассар же сочетал жестокие, научно обоснованные болевые приемы с использованием специальных препаратов, которые расслабляют волю и разум допрашиваемого и приводят его в состояние, когда он способен высказать все, что намеревался скрыть.

Несмотря на чудовищные муки и на смутные мечтания о будущей славе, которые намертво врезались в его сознание, Рене старался найти какую-то спасительную формулу, чтобы предотвратить пытку, как-нибудь — как угодно! — облегчить свои муки, добиться хоть крохотной отсрочки и при этом не сказать того, что у него пытаются выведать. Ложью он мог бы выиграть время, но расстроенное сознание подсовывало ему правду — ее легче оказывалось вспомнить, чем заранее подготовленную ложь. Каждый раз, когда он соглашался говорить и его переставали мучить, он обнаруживал, что не может вспомнить тех фальшивых имен и адресов, тех выдуманных акций, с помощью которых он рассчитывал приостановить свои страдания.

Но тот, кто допрашивал его, отлично знал приметы этой внутренней борьбы и политику маленьких уступок. Передышки между болевыми приемами становились все короче, пока Рене наконец не понял, что времени он больше выиграть не может, нет у него на это шансов.

«Имена тех, с кем ты связан.
С кем из них ты встречаешься?
Кто главный?
Чьи приказы выполняешь?
Где встречаешься с этим человеком?
Где встречаетесь все вместе?
Имена тех, с кем ты связан.
С кем из них ты встречаешься?..»

В три часа ночи он назвал несколько имен — тех, под которыми скрывались его сподвижники: Бруно, Ингрид, Феликс. Он сам не понял, каким образом выдал их. Он хотел назвать другие, выдуманные, но не смог их вспомнить.

Да, он получал приказы от Феликса. Где? В парке. В каком парке? Забыл. Всегда в одном и том же парке? Нет, иногда в Булонском лесу. А кто этот Феликс? Ему неизвестно. Хоть режьте на куски — он не знает. Подлинных имен этих людей он не знает — хоть режьте...

Перешли к выяснению места встреч. Так где они все встречаются? Ответа нет. «Где вы все встречаетесь?» — «В одном месте... Где-то... не помню... в одном месте».— «Где вы все встречаетесь?» — «Это место... Мария-Луиза... Мария-Луиза...»

В четыре он снова потерял сознание.

— Вот упрямая скотина! — пожаловался Ассар напарнику.— Давай передохнем. Его велели целехоньким сохранить. Сходим поспим хоть часок.

Они оставили узника лежащим на спине, грудь его тяжко вздымалась. Минут за десять до их возвращения его вырвало, рвота залила лицо, попала в легкие — он все еще был без сознания и перевернуться не мог. К их приходу Люсьен Хаан, он же Рене, был мертв — захлебнулся блевотиной.

Перевела с английского Элла НИКОЛЬСКАЯ.

Продолжение следует.

ОБЩЕСТВО ПРОТИВ РАКА. А КТО БЫЛ ПРОТИВ ОБЩЕСТВА?

Об этом и шла речь в беседе корреспондента «Огонька» Галины Куликовской с генеральным директором Всесоюзного онкологического научного центра АМН СССР Н. Н. Трапезниковым. Одним из поводов для беседы послужило письмо Галины Вишневской и Мстислава Ростроповича, адресованное академику медицины, которое он и просил опубликовать в журнале.

— Дело было так. В апреле прошлого года я был в Нью-Йорке, участвовал в работе комитета по премиям за лучшие научные исследования в области онкологии, учрежденным компанией «Дженерал моторс», членом которого являюсь. В самолете, следовавшем из Нью-Йорка в Париж, моим попутчиком оказался Мстислав Леопольдович. Пока мы летели, я ему рассказывал о том, что давно назрела необходимость создания в нашей стране дееспособного, сильного противоракового общества. Ростропович горячо поддержал меня. В Париже до рейса на Москву оставалось свободное время, которое Ростропович гостеприимно предложил скоротать у него. Вот там и было написано это письмо, в ночь на первое мая 1990 года.

Генеральному директору Всесоюзного онкологического научного центра АМН СССР академику Трапезникову Н. Н.

Глубокоуважаемый Николай Николаевич, мы обращаемся к Вам как к инициатору создания Всесоюзного противоракового общества. От всей души поддерживаем идею создания неправительственного Всесоюзного противоракового общества.

Мы обращаемся к нашим соотечественникам — гражданам Советского Союза и к людям доброй воли всего мира и просим поддержать создание этого общества.

Мы думаем, что в исследованиях и лечении рака талантливые люди всего мира должны иметь равные материальные шансы.

Не имеет значения, из какой страны придет избавление от этого страшного недуга. Важно исцеление человечества.

Помогайте России в создании этого общества. Мы будем его спонсорами.

Просим опубликовать наше письмо в СССР и в мировой прессе.

Г. ВИШНЕВСКАЯ, М. РОСТРОПОВИЧ
ПАРИЖ, 1 мая 1990 г.

Возвратившись в Москву, я возглавил оргкомитет. В октябре состоялось собрание учредителей...

— Злокачественная опухоль. Рак. Канцер. Карцинома... Они на втором месте после сердечно-сосудистых заболеваний среди причин смерти. Какова же официальная статистика по нашей стране?

— В 1990 году раком заболело 700 тысяч человек. Прогноз такой: к третьему тысячелетию в год будет 900 тысяч больных. На учете состоят 2,8 миллиона граждан — иначе говоря, один процент всего населения. По экспериментальным оценкам, после двухтысячного года раком будет заболевать каждый третий житель...

— Можно ли считать, что столь безрадостная, прямо-таки зловещая перспектива связана главным образом с ухудшением экологической ситуации на Земле, с загрязнением среды обитания?

— Однако на первом месте среди всех онкологических заболеваний продолжает стоять рак желудка. Что этому способствует? Неправильный режим питания. Согласно национальной противораковой программе, принятой в США, и программе континента «Европа против рака», в дневном рационе должно быть не более 30 процентов животного жира, это подтверждено исследованиями последнего десятилетия. Употребляйте растительные масла, свежие овощи и фрукты, как можно больше грубоволокнистых продуктов, овсяной крупы в любом виде, сои, черного хлеба. Именно черного, а не белого хлеба.

— О правильном рационе трудно говорить сейчас, когда в остром дефиците даже самое простое из всех растительных масел — подсолнечное, не говоря уж о других компонентах — обожаемом не только детьми «геркулесе», соевых продуктах, которых у нас просто нет.

— Со второй причиной, вызывающей злокачественные образования, легче — она еще в большей степени зависит от каждого человека в отдельности. Я имею в виду широко распространенные злокачественные опухоли, возникающие в том же желудке, на пищеводе и в легких в результате курения. Во Франции, например, смертность от рака легкого по сравнению с 1930 годом возросла в 25 раз. При этом страдают не только курильщики, но и люди, живущие с ними. В Соединенных Штатах противораковым обществом развернута весьма активная противокурительная кампания. Только в 1990 году бросили курить 1 миллион 350 тысяч американцев. Против курильщиков возбуждено общественное мнение, принят закон, запрещающий рекламу табачных изделий.

— А у нас выдаются табачные талоны курящим и некурящим без разбора даже возраста. Хочешь не хочешь — а бери. В обстановке такого ажиотажа и очередей у киосков нетрудно и юным совратиться.

— К несчастью, табакокурение с юных лет нередко переходит в болезненное пристрастие наркоманической сущности. С образом жизни, прежде всего молодых, связана и третья причина, приводящая к раку. Она сексуального свойства. Частая смена половых партнеров, раннее начало половой жизни, аборты с четырнадцати лет ни к чему хорошему не приводят. В общей сложности они дают десять процентов онкологических заболеваний.

Четвертая причина — солнечная инсоляция — облучение ультрафиолетовыми лучами, стремление получить как можно более темный загар. К интересным выводам пришли исследователи Скандинавских стран, где резко поднялась заболеваемость раком кожи. В чем тут дело? Выяснилось, что на рождество и студенческие каникулы молодые северяне отправлялись на Гавайские острова, в субтропики и загорали «до потери сознания».

Пятая, шестая, седьмая причины, приводящие к раку,— это асбестовые копи, некоторые рудники, анилиновые красители, радиация, различные нарушения законов взаимодействия человека с окружающей средой.

Первейшая задача советского противоракового общества — ознакомить с этой информацией о первопричинах раковых заболеваний каждого. Мы рассчитываем при этом на прессу, радио и телевидение, выпуск брошюр, видеоклипов, помощь служителей культа, добровольцев — агитаторов и просветителей. Предусмотрена специальная программа по борьбе с курением среди школьников, разработанная профессором Агановым. Вторая важнейшая задача противоракового общества — создать условия для самого раннего выявления раковых заболеваний на отдельных территориях и в определенных группах населения.

— Как эту масштабную, глобальную задачу приблизить к человеку? Вот такой случай. Больной пожаловался врачу на боли в пояснице. Диагноз ставится обыденный и скорый: радикулит. Назначаются физиотерапия и таблетки, иглотерапия. А этот мощный стимулятор только подстегнул скрытый процесс. При госпитализации обнаруживается запущенная опухоль, уже давшая метастазы...

— Картина, нарисованная вами, к глубокому сожалению, довольно типична. В результате такой «диагностики» 45—48 процентов онкологических больных погибает, а выздоравливает, если вовремя начато лечение, только 40—42 процента. В чем беда? Наши участковые врачи не знают онкологии, да и не только участковые. Преподавание курса онкологии в вузах поставлено из рук вон плохо. На такую сложную дисциплину, как онкология, отведено всего 250 часов. Да и то не целевых, а разбитых по курсам. На пятом курсе всего 50 часов. То, что изучалось на первых,— уже не помнится. Никакого теоретического базиса по онкологии у такого врача не будет.

— Проблема, видимо, не только в подготовке будущих врачей. А как быть с уже практикующими?

— Больной вопрос. Необходима переподготовка врачей общей сети по диагностике, распознаванию онкологических заболеваний, она должна стать обязательной. К этой проблеме примыкает и другая: ухода за онкологическими больными. Специализированных больниц — увы! — недостаточно. До сорока процентов людей, страдающих злокачественными опухолями, попадают в больницы общего типа, которые не располагают ни аппаратурой, ни лекарствами для лучевой и химиотерапии. К тому же не хватает медсестер и санитарок. Наша задача сводится к обучению населения уходу за тяжелобольными, привлечению добровольцев из общества милосердия, служителей церкви. В программе всемирной организации — Международного противоракового Союза, я член его Совета — записано, да и в программе нашего общества тоже, что инкурабельный онкологический больной до последних минут своей жизни должен находиться в комфортных условиях — не ощущать боли, иметь особый психологический настрой.

— Тут возникает еще один деликатный момент. Надо ли говорить больному, что он безнадежен, если состояние его действительно таково и дни его сочтены?

— За границей принято считать, что больного необходимо поставить в известность об истинном его состоянии. Я лично тоже за такой подход. Надо говорить правду и только правду. Человек должен знать о своей беде, неотвратимости, если он безнадежен, приготовиться. Более того, врач, прежде чем назначить лечение, должен рассказать о возможных методах, как бы посоветоваться с больным. Вот это действительно будет гуманно. У нас же врач не говорит правды больному, в лучшем случае ставит в известность родных.

— А если нет родных и близких и человек совершенно одинок, некому за ним поухаживать...

— Во-первых, есть сестры милосердия, прихожане церквей, готовые оказать помощь, просто много добрых, бескорыстных людей... Во-вторых, со временем, когда противораковое общество окрепнет, появится возможность оплачивать уход за такими больными, если даже откроются у нас частные больницы. Но есть и другой благородный пример. В Ленинграде создана больница для безнадежных больных. «Хоспис» существует за счет благотворительности промышленных предприятий и организаций, то есть на тех же началах, что и противораковое общество. Оно основано на добровольных взносах прежде всего учредителей, а потом на пожертвованиях и вкладах любой организации, любого коллектива, любого граж-

данина, в каком бы виде ни был бы этот взнос: денежные средства, материальные и культурные ценности, недвижимое имущество.

Да если каждый взрослый не пожалел бы рубль на противораковое дело, то общество уже располагало бы двумястами миллионами. В годовом бюджете нашего партнера по сотрудничеству в США полтора миллиарда долларов, а бюджет ВОНЦа в 1990 году составлял всего-навсего 30 миллионов рублей.

— Давно ли существует противораковое общество в США?

— Американскому противораковому обществу около семидесяти лет. Подобные общества есть во всех экономически развитых странах Европы, Америки, Азии и, конечно, в Австралии.

— Что же мы-то так поздно спохватились?

— Да ведь запрет был высочайший... Старая площадь душила идеи инициаторов. Директор Ленинградского онкологического института Александр Иванович Раков писал в обком, обком переслал в Москву. Москва не считала целесообразным: «Мы, мол, богатая страна, зачем побираться у народа?» «Государство полностью обеспечит здравоохранение». Словом, идеология по Суслову. В семидесятые годы профессор Александров и я обращались с предложением в Совмин. Совмин направил бумаги в Отдел науки ЦК КПСС. На этом все и замкнулось. Столько времени было потеряно!

— Какие организации стали учредителями советского противоракового общества?

— Большинство онкологических институтов страны, а также крупные предприятия: московский завод имени Хруничева, ЗИЛ, Кировоградская швейная фабрика...

— Как будет строиться работа противоракового общества?

— Мы не собираемся изобретать велосипед — воспользуемся зарубежным опытом. Структура такая: отделения в союзных и автономных республиках, краях и областях, четыре комитета — по информатике, научным исследованиям, психологическому и социальному анализу, по научным исследованиям. Специальная комиссия по обслуживанию больных на дому. Будут учреждены поощрительные стипендии для студентов, успешно осваивающих онкологию. Общество будет финансировать приоритетные научные направления, фундаментальные исследования по онкологии, создание новых противораковых препаратов и средств. Открыты два счета. Один во Внешэкономбанке под № 70 000 078/002, другой, № 700 296 МФО 201 508, в коммерческом «Интерпрогрессбанке» (Красногвардейского отделения ЖСБ г. Москвы). Первые вклады сделали зарубежные — фирмы «Сименс» (ФРГ), «Вариан» (США), «СОГО» (Франция), «Фармиталия», и другие. Первыми вкладчиками в советском банке стали Одесский онкологический диспансер, Ленинградский онкологический институт, колхоз «Коммуна» Кировоградской области.

Надеемся, что обращение Ростроповича и Вишневской найдет отклик в сердцах наших соотечественников и людей доброй воли всего мира.

* * *

На первой конференции Всесоюзного противоракового общества, состоявшейся в марте 1991 года, избрано правление и президиум. Президентом общества стал академик АМН СССР Н. Н. Трапезников.

115478, Москва, Каширское шоссе, д. 24
Телефон: 324-13-74
Телекс: 11058 (канцер)
Факс: 230-24-50.

Илья КОНСТАНТИНОВСКИЙ

СВОБОДНАЯ ТРИБУНА

МОМЕНТ ИСТИНЫ

КОГО МУЧАЕТ НОСТАЛЬГИЯ ПО «СИЛЬНОЙ РУКЕ»

Пройдут годы, и о том, что нас теперь волнует, потрясает, приводит в уныние или отчаяние, будут написаны книги, научные работы, художественные произведения, в которых едва ли не первое место займет исследование вопроса: почему мы так грубо ошибались? Оглядываясь назад, ясно видно, что ошибались, в сущности, все — и те, кто искренне верил, что строят новое, лучшее общество, и те, кто в это не верил, но признавал, что новое общество все же выстроилось и приобрело твердые, завершенные черты. Никто не ожидал, что в «социалистическом лагере» случится все то, что там случилось за последние два года. Отчего же это случилось? И понят ли урок случившегося?

1

Сегодня нет больше смысла продолжать спор о принципах, были ли они хороши или в самом начале в них вкралась роковая ошибка. Пора прекратить и престранное занятие некоторых публицистов и историков — гадание о том, что было бы, если бы в партии взял верх не Сталин, а Троцкий или Бухарин. Обратно вернуться нельзя, а в рамках того теоретического поля, в котором велись поиски в первые годы перестройки, не могли быть получены ответы на все мучащие нас теперь вопросы. Надо идти дальше, искать в другой плоскости. В какой?

Плодотворное указание содержится в мысли Н. Бердяева: «Человек есть загадка в мире, и величайшая, может быть, загадка».

Эти слова вполне могут служить эпиграфом к серьезной попытке разобраться и в загадках «реального социализма». Одна из удивительных особенностей этого общественного устройства состоит как раз в том, что его устроители, которые всегда знали, что нужно делать, никогда серьезно не задумывались над свойствами тех, кого они призывали делать. Но и их противники нередко совершали ту же ошибку: не учитывали особенностей природы человека. Даже авторы знаменитых литературных «антиутопий» — Хаксли, Замятин, Оруэлл,— чьи книги принято считать пророческими, в чем-то существенно ошибались. В чем? И почему?

2

Задолго до яростных попыток насильно осуществить в наш век социалистическую утопию и за много лет до появления сочинений писателей-«антиутопистов» Замятина, Платонова, Оруэлла эта проблематика уже была ярко очерчена в произведениях Ф. М. Достоевского, особенно в его «Легенде о Великом инквизиторе», составляющей только эпизод из романа «Братья Карамазовы», но признанной одним из лучших творений писателя, выражением его самых заветных мыслей. Тревоги и сомнения, разлитые в произведениях Достоевского,— это и наши нынешние тревоги и сомнения. Спор, пронизывающий «Легенду о Великом инквизиторе»,— это и наш сегодняшний спор. На протяжении всей своей жизни размышлял великий писатель об основной проблеме и своего, и нашего века: возможность возведения совершенного здания человеческой жизни, которое дало бы успокоение людям, избавило бы их от страданий.

Инквизитор Достоевского убежден, что, только подчинив людей насилию единой твердой власти, устроив всеобщее «послушание», можно будет обеспечить всем хлеб, кров и тепло. Не только Инквизитор так думал. В его уста Достоевский вложил мысль, пронизывающую все социалистические утопии: «хлеб» важнее свободы. Уже утопии Кампанеллы и Кабэ рисовали идеальный строй, в котором не оставалось места для свободы. Противники социализма постоянно указывали на эту его особенность. Но что в таком строе будет решена, пусть на скромном уровне, проблема хлеба для всех, в этом, кажется, не сомневался никто.

Однако именно этого не произошло.

«Реальный социализм» нигде не решил проблему «хлеба». И не потому, что она неразрешима. В наш век научно-технических революций проблема эта вполне разрешима и, как показывает опыт самых развитых стран, в чем-то даже элементарна. Но только там, где прочно утвердилась демократия. В странах, где людей лишают свободы, это ведет и к недостатку хлеба. В современном мире хлеб требует свободы не в меньшей степени, чем литература, искусство или наука. Наш собственный семидесятилетний опыт достаточно убедителен. Голод в двадцатом веке сопутствовал только диктаторским, тоталитарным режимам. Это одна из закономерностей века, ее невозможно отрицать.

Можно, однако, делать другое: продолжать жить мифами. Окружающую нас сегодня действительность никто не отрицает. Но все чаще можно услышать, что «раньше» у нас будто бы «все было», при Сталине «цены снижались». После очередного ограбления страны (например, денежная реформа 1947 года) и очередных принудительных займов Сталин иногда устраивал спектакль — «снижение цен». Снижались цены на залежавшиеся товары и некоторые деликатесы, а страна продолжала прозябать в нищете и скудости. В Москве можно было свободно купить зернистую икру, зато в ста километрах от столицы не хватало хлеба. Сталин не только «снижал цены». Однажды он даже объявил, что «жить стало лучше, жить стало веселей». Лучше и веселей стало «отцу народов» после голода на Украине, унесшего миллионы жизней.

С точки зрения народных масс, вся экономическая история социализма была длинной цепью отчаянных попыток добыть хлеб насущный. В романе Пастернака «Доктор Живаго» есть сцена, в которой герой книги после долгого отсутствия попадает опять в советский город и рассматривает на заборах афиши и газеты, указы и декреты, изданные Советской властью за время его отсутствия.

«...У Юрия Андреевича закружилась голова от нескончаемости этих однообразных повторов. Каких лет были эти заголовки?... Прошлогодние? Позапрошлогодние?.. Какое завидное ослепление!.. О каком хлебе речь, когда его давно нет в природе? Какие имущие классы, какие спекулянты, когда они давно уничтожены смыслом предшествующих декретов? Какие крестьяне, какие деревни, когда их больше не существует? Какое забвение своих собственных предначертаний и мероприятий, давно не оставивших в жизни камня на камне? Кем надо быть, чтобы с таким неостывающим горячешным жаром бредить из года в год на несуществующие, давно прекратившиеся темы, и ничего не знать, ничего кругом не видеть!»

Разве только о декретах и указах тех уже далеких лет можно так сказать? Многим ли это отличается от сегодняшних рассуждений на «несуществующие, давно прекратившиеся темы», например, «социалистический выбор и коммунистическая перспектива»? Причем даже нельзя сказать, что эти люди «ничего кругом не видят». Отлично видят и признают, что мы пришли к национальному бедствию. Они только забывают, что мы пришли к этому, экспериментируя именно в рамках социалистического выбора.

3

Соглашаясь на регламентацию всей жизни и несвободу, человек, в сущности, лишается и хлеба. Этого вовремя не поняли очень многие. Другая грубая ошибка как сторонников, так и многих противников социализма состояла в том, что и те, и другие не поняли, во что неизбежно выродится управление «реальным социализмом»; кто будут управители и распорядители. Этой ошибки не избежали даже авторы знаменитых антиутопий.

Раскроем, например, роман Джорджа Оруэлла «1984». Он ближе других к нам по времени и писался в те годы, когда уже существовала и действовала сталинская система, вполне вероятно, что именно от нее Оруэлл и отталкивался. Рисуя картину будущего сталинизма, романист проявил большой дар предвидения. Но тем интереснее установить, в чем Оруэлл ошибался.

Схема управления тоталитарным обществом, которое нарисовал Оруэлл, основана на Внутренней Партии, состоящей из ограниченного числа членов, в чьих руках сосредоточена вся власть; разумеется, и все привилегии. Существует еще и Внешняя Партия — это исполнители, или руки Системы. Доступные члену Внутренней Партии предметы роскоши — большая квартира, лучшее качество одежды, пищи и т. д.— создают вокруг него особый мир, отличный от того, в котором живет член Внешней Партии. Этот же последний, в свою очередь, обладает преимуществами по сравнению с беднейшими массами — «пролами».

На первый взгляд эта схема кажется нам очень знакомой из собственного опыта. Расхождения, притом весьма существенные, обнаруживаются, как только Оруэлл вскользь замечает, что члены Внутренней Партии, несмотря на привилегии, живут «аскетической трудовой жизнью», самый незаметный член Партии «должен быть компетентен, трудолюбив и даже смышлен в каких-то узких пределах». Оруэлл пишет: «Партия не ставит себе целью передачи власти потомкам, и, если почему-либо не будет иного способа сохранить власть в руках самых даровитых, целое поколение их будет завербовано из пролетариев».

Вот тут-то и кроется основная ошибка Оруэлла.

Где и когда, в какой модели «реального социализма» обществом управляли даровитые, компетентные, искренние адепты социалистической идеи? Их, вероятно, можно было бы обнаружить в семнадцатом году, до революции. Но революционер после революции — это уже другой человеческий тип. Рассуждая рационально, можно было предполагать, что управление социалистическим обществом потребует умных, способных, преданных идее администраторов-управителей. Но ведь на деле получилось иначе. Одна из основных причин неэффективности и распада «реального социализма» как раз и состоит в ужасающей непригодности, неодаренности, нечестности слишком многих из его руководящих кадров.

Миллионы людей видели и испытали на себе «мудрое руководство» тирана «мужикоборца» Сталина и окружавшего его сброда «полулюдей» (по выражению поэта Мандельштама), преступника Пол Пота и его несовершеннолетних головорезов, печально комической четы Чаушеску. Все они были закономерным продуктом Системы, в которой безраздельно правил закон насилия. В такой Системе неизбежно начинает действовать дьявольский отрицательный отбор — иначе его не назовешь,— дающий больше шансов на успех не самым способным, умным, энергичным и самоотверженным членам общества, а, напротив, людям бездарным, корыстным, эгоистичным, а главное, аморальным, готовым на все ради личного преуспевания.

Именно эта категория людей захватывает все командные должности при «социализме», основанном на принуждении, что немало способствует расстройству и деградации всей Системы. Ничего нового тут нет. Психологические механизмы «отрицательного отбора» известны людям еще с времен древнейших деспотий. К сожалению, советская литература пока еще почти не тронула уникальный пласт управляющих, привыкших давать указания и команды, часто совершенно не понимая, о чем идет речь. Очень не похожи члены нашей номенклатуры на членов Внутренней Партии, которых изобразил Джордж Оруэлл. Не могу не привести здесь один пример, запомнившийся как своей типичностью, так и некоторой уникальностью.

Во время кампании против взяточников корреспондент «Известий» однажды сообщил, что среди арестованных оказался и некто Бекжанов, секретарь Чардаринского райкома партии, у которого при обыске было изъято более миллиона трехсот тысяч рублей деньгами и сберкнижками, 59 мужских и женских пальто, 49 костюмов, 132 пары обуви и... более ста килограммов конфет, а также ящик детских надувных шаров.

Человек, способный накапливать не только деньги и костюмы, но и скоропортящиеся конфеты, не просто хапуга, а существо, еще не вставшее с четверенек. Никто этого не заметил до того, как была обнаружена нора с костюмами и конфетами? Заметили. Редактор чардаринской газеты однажды напечатал хвалебную оду этому районному вождю, называя его уважительным именем Леке: «Всемогущий мыслитель, командир, ведет нас Леке к новым победам».

Что это такое? Или, как говорят французы, «Кес-ке села прув?» — «Что это доказывает?». Ведь и на других уровнях, и на разных географических широтах сидели точно такие же «мыслители» и «командиры», как Бекжанов. Один из них, рангом куда выше последнего, носил юбку, причем не простую, а парижскую, от Диора или Кардэна. Однако в Бухаресте, где управляла Елена Чаушеску, как и в Чардаринском районе, правил один закон, задавивший всякую возможность оппозиции и контроля над секретарями всех рангов.

Революционеры когда-то рассматривали революционное насилие как некую повивальную бабку истории, которая должна способствовать рождению нового общества. Им не приходило в голову, что это будет «повивальная бабка» Бекжанова? Почему даже такой проницательный писатель, как Джордж Оруэлл, не сумел заранее «вычислить» «могучего мыслителя», берущего взятки конфетами? Это совсем другой тип, чем изображенный в романе «1984» функционер Внутренней Партии О'Брайен. В первой фазе насилие рождало жестоких фанатиков типа О'Брайена. Но позднее оно неминуемо породило Бекжанова. Революционеры до революции мечтали о «новом человеке». Им оказался Бекжанов.

4

Переход победы силы в систематическое рутинное насилие — страшная вещь. Он предопределил судьбу Октября. Он же приведет к летальному исходу нынешнюю перестройку?

В последнее время все больше людей так думают, многие даже уверены, что это уже произошло. Очень распространено и мнение, что сам народ жаждет теперь «сильной руки», то есть нового цикла насилия. Так ли это?

Сторонники подобного взгляда обычно подкрепляют его ссылкой на историю: всегда так было, все революции обычно кончались новой диктатурой. Это правда — революции обычно кончаются цезаризмом. Но ведь в истории русской революции это пройденный этап. Это уже было. Время нынешнее на Руси — время, наступившее уже после многолетней тирании и диктатуры. А теперь опять «возвратится ветер на круги своя»?

В это трудно поверить. И вот почему.

Во-первых, потому, что насилию всегда сопутствует обман. Обычно он и подготовляет насилие. Для того чтобы наша страна вступила в новую полосу насилия, необходимо, чтобы приобрел новую силу тот самый обман, который довел нас до нынешнего положения. Но ведь это не происходит. Напротив, мираж старых обманов и мифов рассеялся. Не надо забывать, что не только октябрьский переворот, но и захват всей власти Сталиным произошел на основе четко выраженного и многих обманувшего мифа — построение социализма. И «социализм» был построен. И привел нас к сегодняшнему дню.

Какую же цель, какую программу, какой миф могут предложить сегодня те, кто тоскует по новому циклу насилия? Возвращение к социализму? Но мы ведь от него далеко не ушли, несмотря на шесть лет перестройки, и все видят, где мы находимся. Нужно быть глухим и слепым, чтобы верить в действенность и атрактивность любимого лозунга Е. К. Лигачева «Больше социализма!», проще говоря — больше власти тем, в чьих руках она была семь десятилетий. В стране, конечно, есть и люди запутанные или попросту измученные, уставшие, готовые поддержать идею «твердого порядка». Но ведь и эти люди мечтают не просто о порядке, они хотят «порядок» с хлебом, с маслом, с дешевой колбасой и первые его отвергнут, как только убедятся, что новая «сильная рука» ни к чему не привела, кроме новых форм патрулирования улиц и новых полномочий всяким «органам» вмешиваться в жизнь граждан. От новых патрулей и контролеров товаров ведь не прибавится.

Во-вторых, страна наша биологически уже другая, не та, в которой формировалось мировоззрение партаппаратчиков и полковников из депутатской группы «Союз». У новых поколений нет ни малейшего желания вернуться в прошлое, которое они плохо знают, но верно чувствуют. Ностальгия по прошлому мучает иногда пожилых людей, да и то не всех. Она свойственна людям, которым в прошедшие годы повезло,— на них не ездили, они сами ездили на других. Что могут такие люди предложить нынешней молодежи? Усовершенствовать систему закрытых распределителей? Социалистическое соревнование? Замену рок-музыки изучением четвертой главы «Истории КПСС»?

Прельщение «твердым порядком» не может заставить страну забыть все то ужасное, что она узнала в годы гласности. Попытка снова управлять палкой, несомненно, встретит самые разные формы сопротивления, с которыми не справиться даже при помощи террора. Террор всегда есть порождение страха, а страх еще никого до добра не доводил.

В-четвертых, не следует забывать об остальном мире. Существует мировое время. Давным-давно сказано: «Время разрушать, и время строить... Время разбрасывать камни, и время собирать камни». Мир явно переживает теперь время отхода от тоталитаризма, число диктаторских и тоталитарных режимов идет на убыль. Примером может служить не только Восточная Европа, но и Латинская Америка, и Южная Африка. Идет мировой процесс отхода от диктатуры и тирании, а главное — преодолевается насилие не насилием же, а все более ясным сознанием, что оно бесперспективно и ведет в тупик.

5

Вернемся теперь к вопросу, с которого начинались эти заметки: почему так много людей ошибались в самом начале нашего пути к «светлому будущему»? Вопрос этот можно теперь поставить и так: не ошибаемся ли мы сегодня в оценке происходящих ныне событий? Кто предвидел последний зигзаг перестройки, попытку повернуть назад, на старую дорогу? Как долго это может продолжаться?

В настоящем любого общества продолжает жить и его прошлое. И каждое общество всегда есть общество не только живых, но и умерших. Если помнить об этом, то нынешние события не покажутся удивительными, а вполне естественными, в чем-то даже неизбежными. Наше прошлое пытается преградить дорогу будущему. Это нормально. Другое дело вопрос: может ли это удаться?

В «Легенде о Великом инквизиторе» есть момент, ясно показывающий, что Достоевский не ошибался в своей оценке хрустального дворца, хотя и предположил, что проблему «хлеба», может быть, разрешит и строй, который отнимет у людей свободу. Этого не произошло. Но даже если бы и произошло, этого было бы недостаточно, ведь не единым хлебом жив человек. В «Легенде» как раз и раскрывается одна из тех глубинных особенностей человеческой природы, перед лицом которой социалистические утопии бессильны. Достоевский совершенно точно указал момент краха могучей диалектики и Инквизитора, и страшного Духа, искушавшего Христа в пустыне, а заодно и социалистических теорий. Инквизитор из «Легенды» спрашивает своего Узника, в котором видит сошедшего вновь на Землю Христа, почему он отверг предложение Духа превратить камни пустыни в «хлебы»? Ведь это был самый верный путь: «...дашь хлеб, и человек преклонится, ибо ничего нет бесспорнее хлеба». Однако, сказав это, Инквизитор неожиданно оговаривается:

«...Но если в то же время кто-нибудь овладеет его совестью помимо тебя — о, тогда он даже бросит хлеб твой и пойдет за тем, который обольстит его совесть. В этом ты был прав. Ибо тайна бытия человеческого не в том, чтобы только жить, а в том, для чего жить».

Тайна бытия человеческого в том, что пробужденная совесть сильнее и «хлеба», и любого насилия, а также идущего с ним в одной упряжке любого обмана. Великие русские писатели это знали и не раз об этом говорили. Достоевский был убежден, что за тем, кто поманит человека истиной, он побежит, «бросив даже хлебы». Ту же мысль не раз высказывал и Л. Н. Толстой, записавший однажды в «Дневнике»: «Как только ясно выражена истина, она не может не победить».

Неизбежный поворот от насилия к свободе наступает тогда, когда обнаруживается истина.

Такой момент в нашей стране уже наступил.

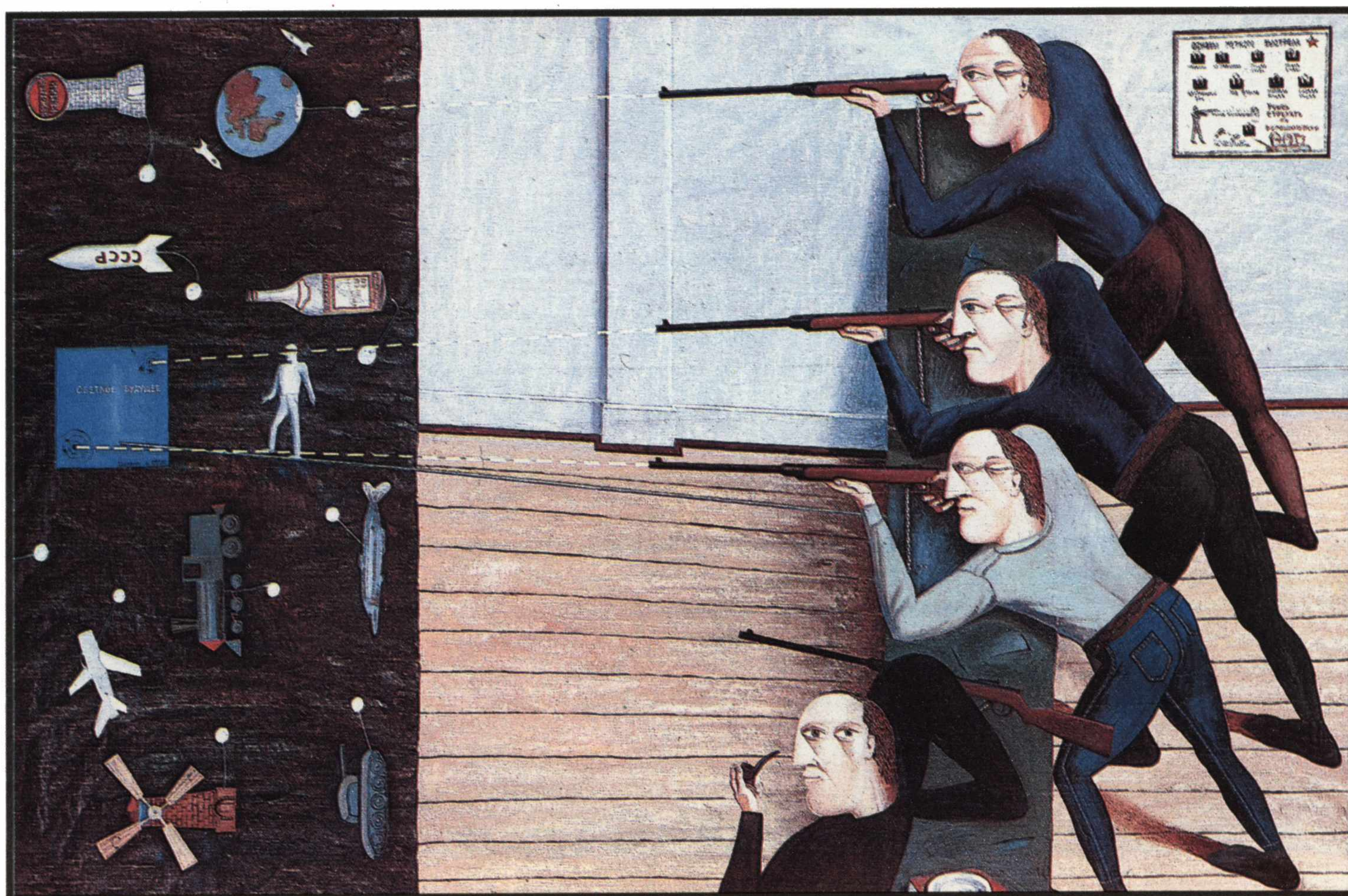
Можно как угодно оценивать итоги всего того, что произошло за последние шесть лет, но невозможно отрицать, что в эти годы шло ежедневное и ежечасное обнаружение истины о нашей жизни и нашем пути. Мощный вал, цунами правды окатил огромную страну, и миллионы людей стали думать иначе, чем они думали прежде. Никто не может заставить их опять думать по-старому. В обществе начались молекулярные процессы, над которыми никто не властен. День за днем происходит снятие покровов с давно забытых ценностей, и настоящая истина выводится к свету сознания каждого отдельного человека. От этих глубинных, невидимых на поверхности процессов зависит больше, чем от шумных политических событий, поворотов, новых законов, успевших или не успевших быть принятыми. Будущее страны и каждого ее обитателя зависит в первую очередь от уяснения им самим истины о своей жизни. А истина всегда была связана со свободой.

Что же касается угрозы наступления нового цикла насилия, это, в сущности, еще одно доказательство обреченности и бессилия тех, кто за ней стоит. За насилие всегда хватаются вследствие бессилия. Ясное понимание этого может более всего укрепить надежду на завтрашний день.

Сумасшедшая идея о параллельности миров, отвергаемая холодной наукой, сильно пришлась по вкусу братьям-художникам.

Игорь ЧУЖИКОВ

Они давно заметили, что, если расположить картины в ряд даже в подземном

КРАСНЫЙ ТЕРРОР В РОССИИ. 1990.

МАГИЯ БЕЛАЯ И ЧЕРНАЯ. 1990.

переходе, возникает четкое ощущение двух реальностей одновременно.

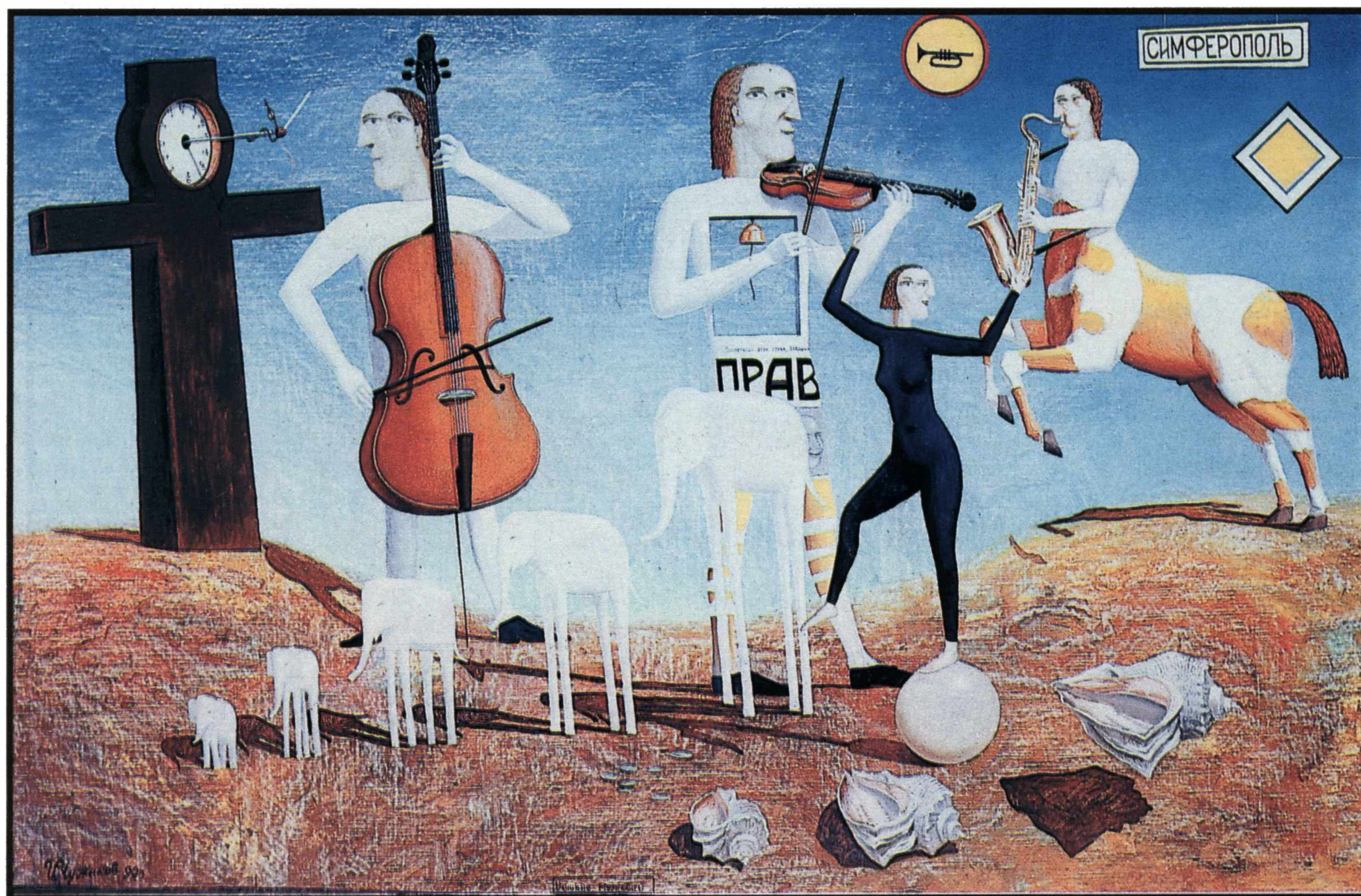
АВГУРЫ, ТОЛКУЮЩИЕ СУДЬБУ ПО ПОЛЕТУ ПТИЦ. 1990.

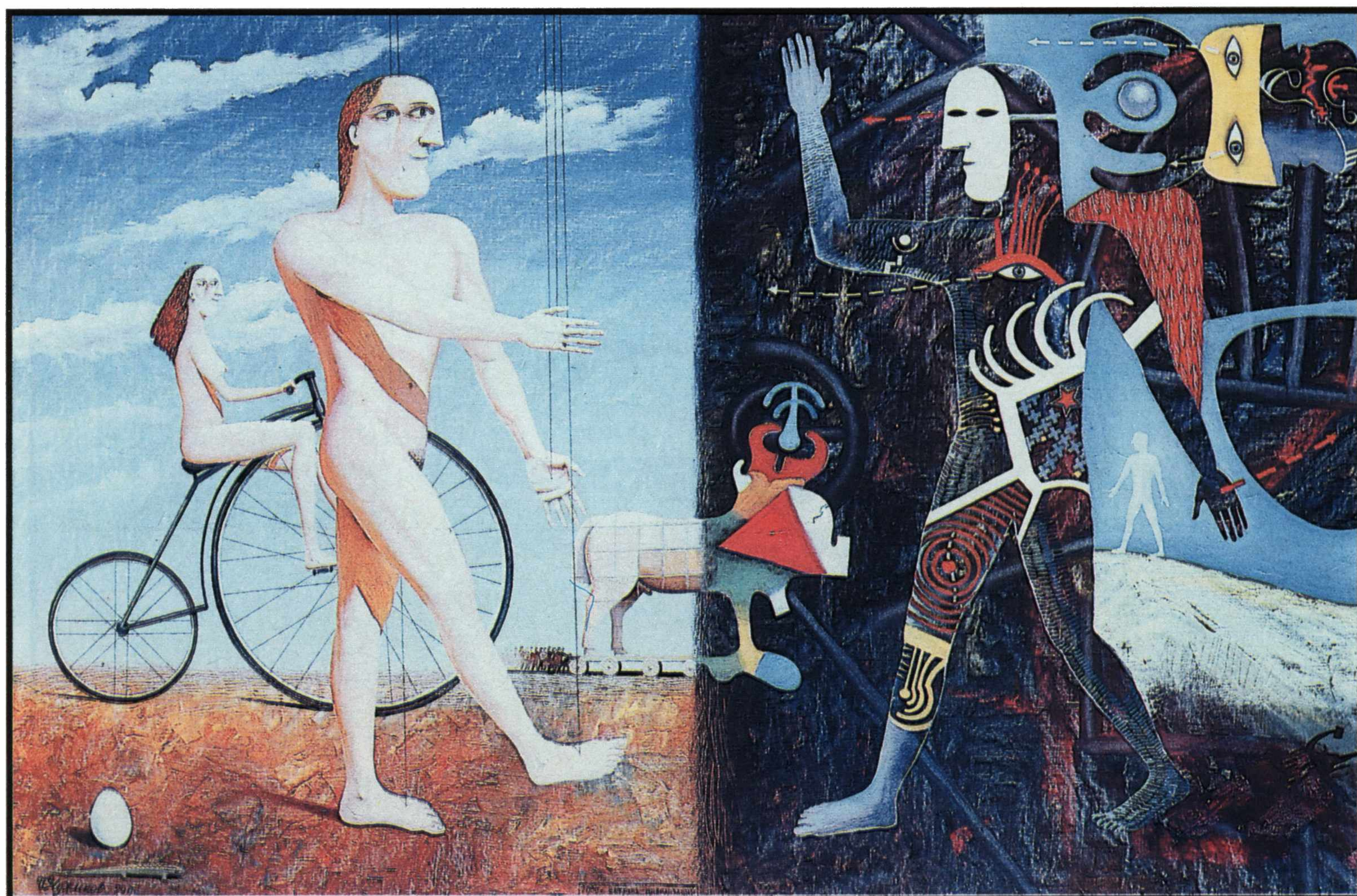
КОРОЛЕВСКАЯ ОХОТА. 1990.

В этом смысле Игорь Чужиков напоминает хитрого контрабандиста, который постоянно балансирует на грани привычного и невозможного. Его полотна вначале притягивают злой наблюдательностью, заманивают успешным узнаванием и внезапно ошарашивают абсурдностью происходящего.

И зритель стыдливо оглядывается: «Как же так? Поверил? Попался?» Подобные всплески просветления сейчас все чаще преследуют нас и в обыденной жизни. Как знать, вдруг этот молодой художник из Симферополя поможет нам осознать, что будущее (светлое) не где-то далеко впереди, а параллельно — рядом.

В. БОЛОТИН

ХОРОШО ГОРИМ!

Анатолий
РУБИНОВ

В Подмосковье горят дачи. В прошлом году пожары начисто истребили больше пятисот летних и зимних домиков. Великая наша фокусница и утешительница — статистика советует, однако, не огорчаться: просто-напросто действует закон больших чисел... Видите ли, десять лет назад дач и домиков в Московской области насчитывалось 190 тысяч, а пожаров случилось 221. Теперь же дач и домиков больше 615 тысяч, а сгорело всего 548. Если хорошенько перемножить и разделить, то получится просто замечательная цифра Средней Сгораемости, которой следует только радоваться... Но владельцы пока уцелевших летних и зимних домиков для отдыха, в которых время от времени живет около двух миллионов москвичей, тем не менее не отмечают праздник Малой Горимости.

Осенью, зимой, весной большинство живет в великом беспокойстве за оставленное вдали на произвол судьбы свое маленькое горемычное сокровище, которое они собирали годами по дощечке, по бревнышку, по кирпичику. И пуще всего боятся первого выезда из города: как он там, воистину дорогой, не разграбили ли его, не сожгли ли? Последнюю сотню метров перед свиданием даже старые люди убыстряют шаг, а, увидев домик живым, освобожденно вздыхают.

Утешительница и фокусница еще не сказала своего радостного слова о пожарах в новом году, но, судя по многим признакам, их стало гораздо больше.

...В маленьком поселке Удельная за три месяца сгорело восемь домов. Первые сведения о происшедшем встретили в пожарных кругах с облегчением: понимаете, они произошли из-за «нарушения правил эксплуатации электрооборудования». Электричество вообще тайна есть, и никому, кроме больших специалистов, не понятно, почему благополучный союз двух проводов неожиданно пускает искру, устраивает маленький скандал, на который потом съезжается масса красных машин со шлангами и сбегается пропасть народа, чтобы посмотреть, как полыхает, достает до неба пламя. Зимой сами погорельцы узнают о маленьком скандале последними. Представление обходится без них, они застают только черные следы, роются в пепелище и непременно находят в нем что-то целое. Например, закопченный чайник. По нынешним временам это очень дорогая вещь. Если кто-нибудь сомневается, пусть пойдет в магазин, попробует прицениться.

На шести из восьми свежих пепелищ в Удельной на удивление разумным людям, но не милиции осталось очень много ценных вещей. Запомните, пожалуйста, этот маленький знак — он понадобится нам для совместной попытки детективного расследования. Обратите внимание и на то, что шесть пожаров случилось в вымершем на зиму дачном поселке ночью, когда там вокруг на несколько километров ни души. Какое странное совпадение! Почему благополучно соединенным парочкам проводов искрить обязательно по ночам, в тиши?

Узнавшие последними о ночном скандальном поведении их родного электричества погорельцы тоже не понимали этого. Об этом они честно сказали, глядя прямо в глаза пожарному начальству, которое к тому времени уже успокоилось и даже обрадовалось, потому что нашло причину в «нарушении правил эксплуатации электрооборудования».

Погорельцам нечего было терять, кроме пепелищ, и поэтому глядели они прямо в глаза и милиции, которая очень охотно поверила в диагноз. И сказали, что сомневаются. Надо заметить, что причину пожара установить гораздо труднее, чем причину смерти человека. Хладное тело можно вскрыть и установить, хороший ли врач лечил больного. А что касается самого грандиозного, самого трагического нашего пожара — в гостинице «Россия», который прошел в семидесятых годах, то нам так и не сказали, отчего он занялся. Наверное, не знают?

Милиция не настаивала. Готова была отвергнуть диагноз пожарных и с той же точностью, не тратя лишних секунд на размышление, поставила свой, такой же точный: значит, были воры, они спалили... Расчет был снова на отполыхавший огонь — он все списывает.

Но отчего же на пепелище остались ценные вещи? Не чайник, дорогой сервиз, намокшее от воды из шлангов яркое покрывало, многое другое. Да и почему ворам понадобилось осветить себе дорогу в пустом ночном поселке пламенем до неба? Чтобы их быстрее поймали?

Хотя милиция знала два диагноза, чувствовалось, что она держит у себя на уме и третий, в который верит больше всего, но произнести вслух не решается.

Местный оперативный уполномоченный сам смотрел пристально в глаза погорельцам и спрашивал:

— А не было ли на вашем доме каких-нибудь знаков? — После паузы добавлял: — Или каких-нибудь лозунгов?

Приезжавший из Раменского районного отдела следователь повторил оба вопроса по тому же сценарию:

— Не было ли на вашем доме каких-нибудь знаков? — А после паузы: — Или каких-нибудь лозунгов?

Я спросил оперативного уполномоченного, который оберегает покой поселка Удельная, почему он задавал эти два вопроса. Помявшись, он нехотя ответил:

— Проверялась политическая версия...

Дело в том, что на некоторых домах в поселке оперативный уполномоченный видел свежие знаки — кресты. Он сходил к местному священнику и выяснил, что это не православные кресты. Даже не католические. Так и осталось непонятным, что обозначает крест на доме, на воротах. Но были и вполне ясные лозунги: «Бей жидов и коммунистов». Жители поселка видели и триаду: «жидов, коммунистов и комсомольцев».

Оперативные уполномоченные отвергают политическую версию на таком серьезном основании — из тех восьми горевших дач евреям принадлежало только три или четыре. Половина. А коммунистам, комсомольцам? Уполномоченный проверял только первую часть версии, поскольку, наверное, нет семьи, в которой не было бы своего комсомольца.

И тем не менее подозрение о намеренном поджоге подтвердилось, как сказал бы тот же оперативник, только наполовину, поскольку обнаруженные поджигатели взяли на себя лишь четыре пожара. Однако не будем ругать оперативника. Заслуга в раскрытии четырех преступлений, обездоливших людей (на дачу честные люди зарабатывают трудом всей семьи одного или двух поколений), принадлежит целиком ему. Но оказавшийся таким удачным детективный метод походит на анекдот и доказывает, что поджигателей не удается словить только потому, что на них никто всерьез не охотится.

Оперативник, если верить сообщению, которое он сделал погорельцам и журналисту, собрал подозреваемых в своем крохотном кабинетике. Они там поговорили. Заплаканным двум женщинам, приехавшим на пепелище, оперативник показал стоящий на полу огромный бидон, показал как вещественное доказательство серьезности и эффективности своей дознавательской техники. Ко времени нашей встречи в тесной комнате, которую оперативник делит со своим коллегой, бидона уже не было, но воспоминания о нем присутствовали.

Если оперативник не преувеличивает своего рвения, подозреваемые в поджоге алкоголики выпили в милицейском закутке флягу браги и разговорились. Признались, как они где-то достали ацетон и пришли в чужую дачу спереть чего-нибудь, чтобы продать и на вырученные деньги выпить. Так и сделали. Вломились на дачу, сперли, разлили ацетон, подожгли и ушли торговать. Через некоторое время, когда деньги кончились, пришли на другую. Вломились, сперли, разлили ацетон, чиркнули спичкой, ушли торговать... Потом — на третью, на четвертую.

В милицейских признаниях ощущалось что-то сказочное. Неужели в несчастном поселке нет милиции, неужели можно так свободно, не боясь, вламываться, воровать, делать пожары и не быть пойманным, хотя каждому виден один и тот же почерк поджога?

Нет, наверное, это бахвальство. Или что-то похуже.

В самом деле, не слишком ли предусмотрительны алкоголики, которые хотят наскрести на бутылку? Почему они вначале старались обзавестись другой бутылкой — с ацетоном? Какие они еще и терпеливые: запасали горючее, чтобы ночью устроить пожар, а в полдень купить спиртное! И зачем вору ацетон с пожаром, он же не унесет из пустого отворенного чужого дома все разом, оставил бы для другого случая, раз там никого до весны нет. Что же это за неразумные алкоголики, которые ради того, чтобы украсть книгу на продажу, сжигают всю библиотеку?

Оперативный уполномоченный несколько раз перечислял воруемые с дачи предметы, и каждый раз список начинался именно с книги. Какие, однако, они интеллектуалы, эти алкоголики — воры — поджигатели. И как ценят книгу: за книгу — дачу!.. Вот почему не верится, что пожары — это проделки охочих до водки алкоголиков, которые под брагу признаются в делах, стоящих многих лет заключения.

Зададим риторический вопрос: может быть, милиция не хочет, чтобы подтвердился диагноз, который она подозрева-

ет в самом начале расследования? Когда спрашивает пострадавших про знаки, про кресты, про политические лозунги... Разве пострадавших надо спрашивать про надписи на улицах? Может быть, милиция не ходит по ним?

Уезжая из Удельной, я встретил возле магазина и пепелища, отгоревшего в ноябре, женщину в переднике с тазиком и мылом: смывала свежий лозунг, написанный мелом. И очень она возмущалась словом «комсомольцев».

— Ведь дети же! В какой семье их нет! А если ошибутся?

И все-таки смыла весь лозунг — все три категории, которых стены призывают бить.

Пожары — дурной признак. Не надо успокаивать себя статистикой. Не следует идти за теми, кто ставит приятный диагноз. Дескать, 24,9 процента пожаров происходит от «нарушения правил при эксплуатации электрооборудования», 27,8 — от неосторожного обращения с огнем, 17,2 — из-за «нарушения эксплуатации электробытовых приборов», 1,1 — из-за «нарушения правил пользования керосиновыми приборами», 1,6 — из-за грозы. И только на один процент больше — из-за поджогов! Получается, что пускать петуха — почти стихийное бедствие...

Если больному ставят неправильный, щадящий его психику диагноз, от этого здоровья не прибавляется. Надо иметь мужество смотреть правде в глаза. Разговоры о поджогах ведутся повсюду. Они беспокоят не только москвичей. Только что обратилась в редакцию за помощью женщина, у которой спалили дачу во Владимирской области.

В обществе ширятся зависть и озлобленность. Бьют стекла в палатках кооператоров. Можно объяснить это ненавистью к ним со стороны тех, кто при растущей бедности не может купить их баснословно дорогие, такие красивые, предназначенные для богатеев вещицы. Но как понять тех, кто режет обивку сидений электропоездов, полосует ножами мягкие лавки в поездах метро? Наверное, тем, что, родившись, мщение и злоба не могут остановиться.

Еще опаснее занявшийся большой дачный пожар. Он может посеять панику среди тех, кому начинают выделять землю для огорода, сада и домика. Обещают миллионы дачных участков для каждого, кто пожелает. От этого ждут прибавки продовольствия, это средство для борьбы с голодом. Не испугается ли народ вкладывать свой труд и последнюю копейку в то, что государство никак не оберегает — стоит на виду у всех без защиты, на милость любому преступнику.

Наше государство вообще в достаточной мере равнодушно к частной собственности. Оно ее раньше вообще не замечало — смотрело с предубеждением на тех, у кого завелся крохотный домишко или жалкий «Запорожец». Боясь упреков в буржуазности, ее называли индивидуальной, как будто бы игра в слова меняла существо дела. И все-таки меняла! За кражу индивидуальной собственности суд обычно наказывал гораздо меньше, чем за хищение государственной. Квартирных воров, обобравших бедняков,— теперь мы поняли, что все у нас бедняки,— судят гораздо снисходительнее, чем тех, кто спер какой-то пустяк в учреждении или колхозе.

Теперь, когда занялись пожары на садовых участках, которые выжимают все соки, весь достаток из их владельцев, этих горемычных частных собственников, вялость милиции и склонность пожарной инспекции к радостному истолкованию статистики могут сделать жизнь миллионов честных, трудолюбивых муравьев совсем невыносимой.

Когда-то мы радостно смеялись веселой интермедии Аркадия Райкина про пожар:

— И как горим?

— Хорошо горим!

Сейчас горим мы. Хорошо горим. И горим все лучше и лучше...

НАШИ КУМИРЫ ЕЩЕ С НАМИ

Фото Анатолия БОЧИНИНА

«Можешь начинать интервью в машине»,— сказал Андрей Чесноков, распахнув дверцу своего БМВ. В кожаной куртке, широкоплечий и уверенный в себе, он, казалось, был бесконечно далек от худого и молчаливого подростка, целыми днями пропадавшего на спартаковских кортах.

Десять лет назад Андрей Чесноков всегда играл в одних и тех же тренировочных штанах, пузырящихся на коленях, имел взгляд исподлобья и ходил ссутулившись, подражая Бьорну Боргу.

Весной 1991-го Андрей Чесноков, тринадцатый номер мировой классификации теннисистов-профессионалов, еще недавно входивший в элитную «десятку», включил Джо Дассена и под задушевный голос французского шансонье БМВ вылетел на проспект.

— Я люблю скорость.— Андрей нажал на газ и промчался на желтый сигнал светофора.— Здесь, конечно, особо не развернешься, зато «там» можно взять на прокат какой-нибудь «пежо» и мчаться под 220 км/час по хорошей дороге, не опасаясь быть оштрафованным.

— А как же ограничения скорости?

— Тех, кто едет на арендованной машине, практически не останавливают. Ты посмотри на эти коробки, одинаковые и отвратительные.— Чесноков неожиданно резко поменял тему и, оторвав руку от руля, махнул в сторону мелькающих за окном жилых кварталов.— Я их ненавижу. Ненавижу систему, уничтожившую красоту и придумавшую уравниловку во всем, даже в архитектуре. В Париже купил недавно четырехтомник «Сорок сороков» про русские церкви. Там много фотографий того, что было, и того, что стало. В храме Христа Спасителя могло разместиться 16 000 верующих. А Казанский собор, Сухарева башня... Я бы все памятники восстановил.

— Увлекся историей русской культуры?

— Я собираю дореволюционные книги, прозу, поэзию начала века. Это настоящая литература, которую я не сравню ни с одним шедевром социалистического реализма.

— Твой любимый писатель?

— Бунин. У меня целое собрание его сочинений. Читала «Окаянные дни»? Это лучшее, что я когда-либо читал.

— Когда ты все успеваешь?

— В конце прошлого года устроил себе полуторамесячный отдых, так что по книжным лавкам находился достаточно. Не брал в руки ракетку и не испытывал ни малейшего желания выходить на корт. Первый раз мне так сильно надоел теннис. Десять дней вообще жил по сумасшедшему графику: засыпал в 8—9 вечера и вставал в 4 часа дня. Конечно, поспать я люблю, но так распустил себя впервые. Ходил на дискотеки, встречался с девушками, пил пиво и просто валял дурака.

— Легко ли было снова вернуться на корт?

— Понимаешь, с 1983 года я работаю как ломовая лошадь, мне нужна была какая-то разрядка. Но когда я почувствовал, что пора бы и на корт, на корт совершенно не хотелось. Такой эксперимент больше повторять не стоит.

— На тренировке ты улыбался, шутил и работал с полной отдачей...

— Постепенно вкус к борьбе восстанавливается. Я понял, как люблю теннис. Чехлить ракетку еще рано. Конечно, я уже не тот 17-летний мальчик — во мне больше лени и себя уже начинаешь жалеть, но 25 лет — еще не вечер. Сегодня я снова хочу играть, как никогда.

— Твое возвращение не назовешь триумфальным.

— Тем не менее в первом круге я ни разу не проиграл. Но, конечно, своей формой я не удовлетворен. Необходимо полностью сконцентрироваться на теннисе, а после такого перерыва это удается не сразу.

— Ты первый раз проиграл Черкасову...

— Сейчас я в такой форме, что могу проиграть кому угодно. Но молодой Черкасов хорошо играет. У нас сейчас много таких появилось, про которых говорят: они наступают на пятки Чеснокову.

— Как строятся твои отношения с тренером?

— С Татьяной Федоровной Наумко у меня был годичный контракт с прошлого года. Личный контракт, без посредников. Скорее всего в этом году продлим его еще на год.

— Тебе 25, многие твои ровесники уже обзавелись женами, детьми. Не завидуешь?

— Совершенно не завидую.

— Жениться не собираешься?

— И мыслей таких не имею.

— У тебя есть женский идеал?

— Не могу сказать, что мне нравится какой-то определенный тип женской красоты. Последнее время все женщины кажутся мне одинаковыми и злыми.

— Твое главное требование к женщине?

— Чтобы была сексуальной и не давила на мозги. Терпеть не могу, когда мне врут. Если врет мужчина — не страшно, но если женщина, я сто раз подумаю, прежде чем снова к ней подойду.

— Ты ведь не собираешься быть вечным холостяком?

— Нет, конечно. Но если женюсь, то, наверное, не раньше тридцати. Моя сегодняшняя жизнь — постоянные разъезды — к семейной жизни совершенно не располагает. Если заводить семью, то настоящую, не на год и не на два.

— Считаешь ли ты себя счастливым человеком?

— Может, стану счастливым, если удастся купить в Москве стадион и организовать свой частный теннисный клуб.

Но прихожу я к нашим бюрократам, говорю, что хочу купить стадион «Труд», который сейчас пребывает в отвратительном состоянии и не сегодня завтра обрушится, и сделать из него современный теннисный центр. В ответ — отказ. А сами палец о палец не ударили, чтобы его отремонтировать. Ни себе, ни людям.

На «Чайке», к примеру, в надувном зале ковер плохо лежит, на тренировке я несколько раз споткнулся. Чувствуется, что государственный корт, не частный. Отсутствует у людей заинтересованность сделать его лучше.

— Ты собираешься стать бизнесменом?

— А почему бы и нет? Хочу зарабатывать деньги и обогащать свою страну. Согласен платить и 50-процентный налог, отдавать государству валюту, лишь бы что-нибудь реально сдвинулось с мертвой точки.

— Есть ли человек, с которым ты бы хотел познакомиться и пообщаться?

— С удовольствием попил бы чайку с Ельциным. Молча. Чтобы он отдохнул и я отдохнул в раздумье. Он внушает мне больше уважения, чем кто-либо другой из политических лидеров, хотя от самой политики я далек.

Москва. Весна 1991-го. Наши кумиры еще с нами.

Беседовала Наталья БЫКАНОВА.

ХРАНИТЬ ВЕЧНО

Ведет рубрику
Виталий ШЕНТАЛИНСКИЙ

Эмиль Кроткий. 1960 год.

Читатели старшего поколения хорошо помнят Эмиля Кроткого — автора юмористических стихов, басен, эпиграмм, пародий и «Отрывков из ненаписанного» — метких афоризмов в прозе. Некоторые из этих миниатюр передавались из уст в уста, заучивались наизусть. Друзья из «Крокодила», среди которых Кроткий был любимцем, знали его как мастера экспромта, долго вспоминали его каламбуры: «шахермахерезада», «литературная дама в мемуаровом платье», «окололитературное сопрано». Или такое посвящение «горе-юмористу»:

Ваша книжица у всех
Вызывает дружный смех,
Если этой книжкой
Щекотать под мышкой...

Более пятидесяти лет проработал в литературе Эмиль Кроткий (Э. Я. Герман) (1892—1963). Был замечен Горьким, печатался в его «Новой жизни», «Летописи», в «Сатириконе», выпустил несколько ярких книг. Одна из них, сборник лирических стихов, называлась «Растопленный полюс» — ответ на слова Тютчева, что Россию пробудить так же невозможно, как растопить Северный полюс.

«Краткая литературная энциклопедия» (1929 г.) так характеризует Кроткого: «Совмещает формалистически-акмеистические элементы с сильной общественно-идейной струей...» Горький в одном из писем поэту дал свою оценку: «Я полагаю, что Вам не нужно, не следует конкурировать с Блоком, Белым, Есениным и др. Я полагаю это потому, что И. А. Бунин говорил мне о Вас, как о человеке со своим содержанием».

Имелось в виду несомненное сатирическое дарование Кроткого. Острый его язык сулил многое... Однако в советское время власти решили выдернуть зубы его сатире.

В 1933 году он одновременно с блистательно начинавшими Николаем Эрдманом и Владимиром Массом был арестован. «Имущества не имею, кроме обстановки комнаты и книг»,— эти слова в анкете арестованного звучат почти весело. Но было уже не до шуток. Эмиль Кроткий (он же Герман) «достаточно» изобличался в том, что «проводил антисоветскую агитацию, направленную к подрыву и ослаблению Советской власти путем нелегального распространения написанных им произведений — басен антисоветского содержания...»

Следствие вел знаменитый и неутомимый Христофорыч с Лубянки — оперуполномоченный Шиваров, спец по писателям, уже известный нам по делам Клюева и Мандельштама. И подследственный счел за лучшее разоружиться. «Я являюсь автором недопущенной к печати басни «Ворона и сыр» и отклоненной редакцией «Крокодила» — «Мертвое дело». Мною написаны также басня о «Гиене» и о «Хеопсовой пирамиде» — которые к печати и не предназначались». Особое Совещание при Коллегии ОГПУ сравнительно милостиво наказало баснописца: всего тремя годами ссылки в Сибирь, в город Камень.

Теперь, прослеживая литературный путь Эмиля Кроткого, сравнивая старт и финиш его творчества, приходится с горечью признать: операция ОГПУ удалась! Э. Я. Герман уцелел. Но Эмиль Кроткий был напуган до конца жизни. Сатирик навсегда превратился в юмориста. Немудрено. И другие, более именитые его современники, даже не подвергавшиеся арестам,— Н. Тихонов, А. Прокофьев, К. Федин — испытали под жестоким давлением власти ту же метаморфозу — ярко начав, к концу жизни заметно потускнели. Заплатили талантом за право жить.

В следственном деле Э. Кроткого, хранящемся в архиве КГБ, уцелела пачка рукописей. Большой радостью стала находка среди них одной неожиданной... Это не стихи, не басни, а... воспоминания о Сергее Есенине, начало задуманной книги. (В этих воспоминаниях Есенин называет рассказчика «Мишей».) Возможно, наблюдения Кроткого покажутся кое-где слишком личными, субъективными. Или кое-где упрощенными, поверхностными: так, отношение к Пушкину и Клюеву у Есенина было, конечно, куда более сложным, чем то представлялось мемуаристу. «Лицом к лицу — лица не увидать...» Сейчас нам, «на расстоянии», «большое видится» легче.

Эммануил ГЕРМАН

ИЗ КНИГИ О ЕСЕНИНЕ

Газет он не читал. Наклонится, бывало, к уху и заговорщически, шепотком спросит меня, «осведомленного человека»:

— А какое теперь, Миша, правительство в Англии?

Об искусстве говорил взволнованно и туманно. Теоретик он был плохой, но свое поэтическое хозяйство хорошо знал.

О футуристических формальных ухищрениях:

— Мы все эти штучки тоже знаем.

И подмигивает: нам это-де только совершенно ни к чему.

Книг у него не водилось. Гоголь. Батюшков... и — обчелся. Остальное — свои стихи.

Гоголя любил, о Пушкине говорил с раздражением, как о живом. Даже в плагиате уличал:

— Наводнение-то в «Медном всаднике» у Батюшкова ведь списал! Не веришь?

И тащит том батюшковской прозы.

Совпадение действительно почти точное.

В «Стойле Пегаса». Заградил телом вход, навязывает входящим свои книги.

Коммерсант Д., завсегдатай поэтического стойла:

— Не верю я в его опьянение. Если пьян, пусть Пушкиным торгует!

Пушкиным Есенин и спьяна не стал бы торговать.

К Клюеву относился неприязненно — как к человеку, которому слишком многим обязан.

Помню, Вас. Каменский рассказывал о своей поездке по Волге Есенину:

— Клюева там совсем не знают. Тебя знают. Думают почему-то, что мужик с бородою.

Мне вежливо:

— И вас!

Усмехаюсь:

— Волга — она такая!

А Есенин сияет. Не верится, а все же приятно слышать!

Спьяна о Бабеле.

— Не смеет он о бандитах писать. Мои бандиты. Еврейских бандитов не бывает.

Родич мой, молодой парнишка, никак не мог запомнить название «Исповеди хулигана». Все говорил: «Исповедь бандита».

— Бандита, говоришь?

Есенина это очень веселило.

Познакомил его с Бяликом. Бялик:

— Мне очень приятно видеть такого молодого человека.

Есенин, обиженно:

— Мне тоже приятно видеть такого старого человека!

С крестьянскими поэтами встречался, как встречаются в городе с односельчанами. Знал, что перерастает специфически «крестьянскую» поэзию, и радовался, когда ему об этом говорили.

Кольцовым быть не хотел. Помнил, что Кольцов говорил о Пушкине — «они».

Свои стихи читал черт знает до чего хорошо! Верно потому, что волновался читая.

Пальцы в кулак сжимал при этом с такой силой, что ногти в ладонь вонзались. После чтения, бывало, на руке всегда ссадина. Помню, показывал: — Видишь?

На эстраде был косноязычен (не в стихах, конечно). В жизни разговаривал очень хорошо. Пустых мест в его разговоре не было. Образностью не кокетничал. Нет-нет да и обронит меткое словцо.

О понравившейся ему женщине, помню, сказал:

— Я о нее, Миша, поцарапался...

Царапины эти у него скоро заживали.

Певал он охотно частушки под гитару. Знал напевы нескольких губерний. Голос у него был, как говорится, «небольшой, но приятного тембра». Ласковый, задушевный.

Окинет слушателей улыбчивым взглядом и начнет своим характерным, немного в нос, говорком:

— Дорогой, куда идешь?
Дорогая, по воду.
Дорогой, не простудись
Да по такому холоду.

Посмотрит, точно спрашивая: хорошо ведь? — и дальше:

— Дорогой, куда идешь?
Дорогая, в лавочку.
Дорогой, не позабудь
Купить помады баночку.

Эти частушки он певал у меня не раз. Любил их, а может, и потому пел, что любили их мы. Целый вечер, бывало, поет.

Хорош он был в такие тихие вечера.

Чистюля был. И одеждой, и телом.

Волосы свои — золотые, цвета соломы — берег и холил. Было, помню, что-то девическое в том, как он мыл голову.

С брезгливым любопытством смотрит, бывало, как его сосед по комнате старательно помадит свой лоснящийся от бриолина пробор. На свою подушку ложиться ему не позволял. Тот и прилечь не успеет, а Есенин уже забеспокоился:

— Газету, газету не забудь подложить!

Ничего, кроме России, не видел. Не реальной, всамделишной России, а своей — той, которая требовалась для его стихов. Это была традиционно литературная Россия.

Среди грузовиков с восставшими солдатами Есенин невозмутимо правил гоголевской тройкой. Он был ее последний ямщик.

Расчетливая была эта слепота. Есенин не замечал именно того, что могло, расширяя, разрушить его поэтическое хозяйство.

Ослепленные соловьи поют лучше зрячих. Хитрый соловей Есенин это прекрасно понимал.

Нынешняя Россия выпадала из его поэтического плана. Пытался к ней приспособиться, но приспособить ее к своим стихам не смог.

Слова «электрификация» и «индустриализация» не укладывались в его лукаво архаический словарь.

Революционную современность он, впрочем, по-своему использовал. Она была для него, так сказать, контрастирующим фоном. В дни железнодорожного строительства он проклинал «погибельный рог» паровоза:

Черт бы взял тебя...

В дни антирелигиозной пропаганды завещал:

Положите меня в русской рубашке
Под иконами умирать...

Шло это в одинаковой степени и от молодого озорства, и от зрелого расчета художника.

Озорник он был не только в стихах.

В Тифлисе грузины просили что-нибудь прочитать. Согласился и... прочитал строчку из лермонтовского «Демона»:

Бежали робкие грузины...

«Выступление» едва не кончилось дракой.

Озорничал он и в московском «Стойле Пегаса».

Странное это было учреждение. На эстраде — Есенин, Брюсов. Пред эстрадой — спекулянты, проститутки и — по должности, а может, и по любви к поэзии — агенты уголовного розыска. Поэзией тогда питались многие,— благо хлеб по карточкам выдавали очень скупо.

Вспоминается разговор с проституткой в «Стойле»:

— Вам какие же поэты больше нравятся?

— Пушкин нравятся...

Подумав:

— Сергей Александрович тоже хорошо пишут, только очень уж неприлично.

Мы Есенина долго этим поддразнивали.

Полусерьезный разговор: чем бы этаким прошуметь на весь мир?

Предлагаю:

— Объяви имажинистов правительством. Европа ахнет.

— Но... ведь за это — расстреляют?

— Это уж как пить дать. Зато какая слава!

Смеется: не совсем, мол, подходит.

А в глазах — веселые огоньки.

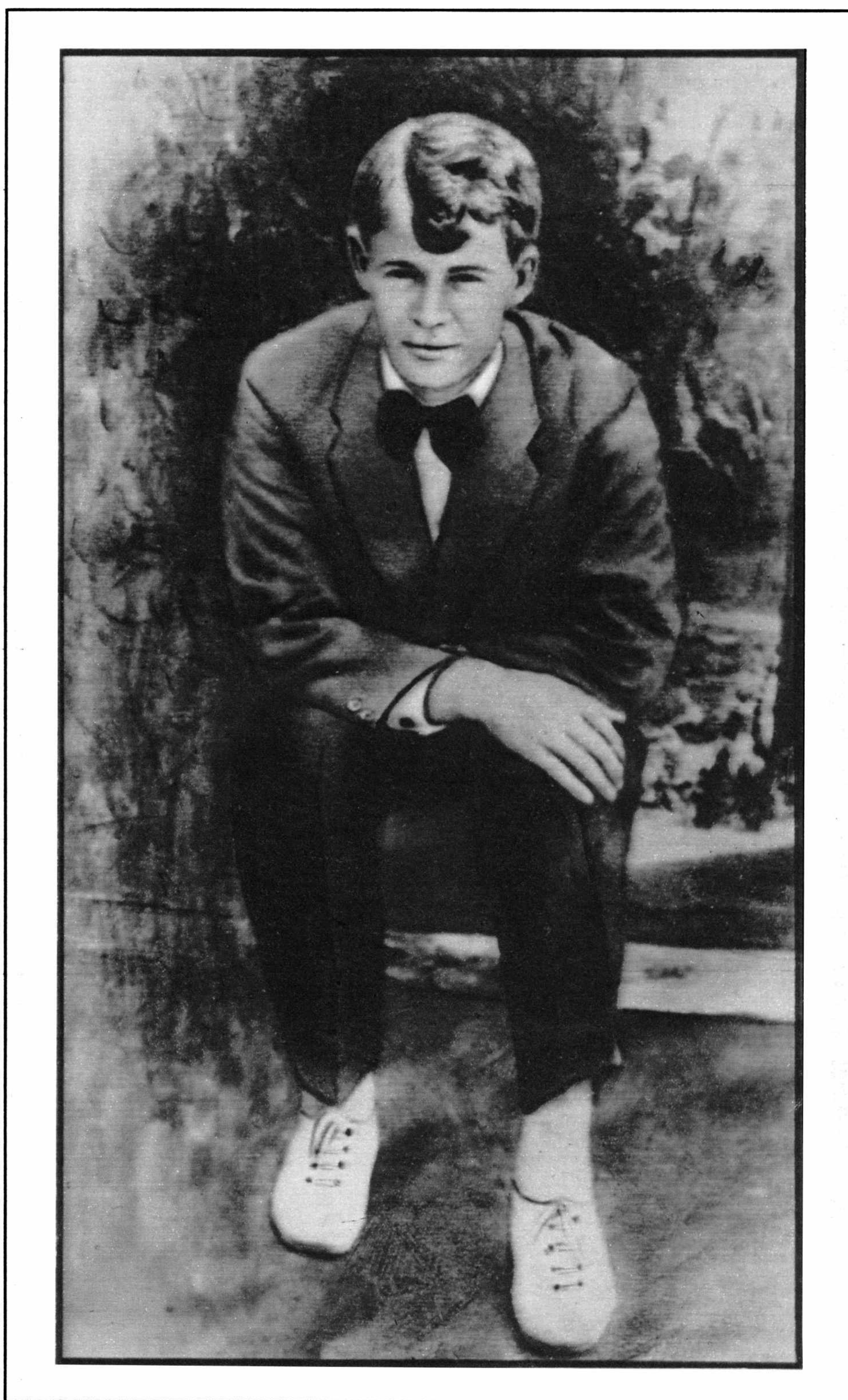
Содержал «Стойло» А. Д. Силин. Нэпом тогда еще только попахивало и торговля поэзией была наименее опасным видом торговли.

Опасался Силин самого Есенина.

— Сергей Александрович,— говорил он мне,— плохо кончат: либо кого-нибудь убьют, либо на себя руки наложат.

И владельцы кафе, выходит, иногда бывают пророками.

Европы он, путешествуя по ней, не заметил. Не нужна она была его русским стихам.

А глаза у него были зоркие.

Вернувшись из Америки, рассказывал:

— Германия, Миша, серьезней. В Америке все грандиозно, но на живую нитку. Вот — Рур...

Говорил я как-то на ту же тему с нашим крупным хозяйственником. Побывавший и в Америке, и в Германии, он выразил свои впечатления от этих двух стран теми же словами, что и Есенин.

Об Америке же говорил мне:

— Это, Миша, большая Марьина Роща.

За московской Марьиной Рощей, как известно, установилась репутация района фальшивомонетчиков и вообще всякого рода грязных дельцов.

О пьянстве его сложились легенды. Ничего необычного в нем не было. Так пьют на Руси и литераторы, и мастеровые.

Аккуратная берлинская квартирохозяйка с ужасом говорила о моей русской приятельнице:

— Когда эта дама умывается, вода из крана хлещет, как фонтан перед дворцом кайзера.

Воображаю, как ужаснулась бы эта (или подобная ей) немка манерам Есенина!

В самолюбиво-чистую немецкую комнату вместе с ним вошла Россия. Окурки на полу. Пустые бутылки на подоконниках и... ведро под кроватью, на которой валялся Сергей.

— Пей,— приглашал он писателя А. Т., указывая на это ведро.— Не подумай чего-нибудь... Пиво!..

Пил он и в Америке, стране «сухого закона». С этим законом он, конечно, сразу же вступил в конфликт.

— Понимаешь,— рассказал он мне с полусерьезным возмущением,— привязался ко мне ихний шпик: зачем спирт в номере держу? Взятки требовал.

— Так ведь он по-английски требовал. Как же ты понял?

Улыбается.

— Как не понять. «Мани»,— говорит, и пальцами показывает. Пришлось дать!

На Кавказ его влекли личные связи и... литературная традиция.

От нее, пожалуй, и шли его кавказские бесчинства. Крестьянскому сыну Есенину импонировало дворянское озорство Лермонтова.

N. встретил его в тифлисском ресторане. Одинодинешенек. Левой рукой обнял чучело медведя, в правой — бокал.

— Вот до чего дошел: с медведем пью!

Любил я поить его... чаем.

Чай пил он очень неуверенно, редкими маленькими глотками. Так не привыкшие к пьянству люди пьют водку.

Пьет и улыбается: вот, мол, до какой трезвой жизни дошел! Сам, бывало, говорит:

— Это я только у тебя, Миша, чай пью.
Пил нехотя, из желания сделать приятное хозяевам.
В трезвые дни был он человеком большой и грациозной деликатности.

Писали о нем с первых же его литературных выступлений, а привыкнуть к этому он все не мог. Увидит свое имя в газете — насторожится: уж не подвох ли?
Так актеры читают рецензии о себе.

Радовался он иногда по-детски — самому малому пустяку.
Подарили мы ему к именинам цветной шарж на него: голый, верхом на лошади и — подпись:
«Новый на кобыле
Едет миру Спас».
Наглядеться на него не мог:
— Ведь вот здорово. А?
А шарж был плохой.

Шумом драк его полнился Батум.
Гриша Н., батумский журналист, рассказывал мне о тамошних похождениях Есенина:
— Мы, грузины, поэтов уважаем. Живи, пожалуйста, пиши стихи. Но ведь он сам в драку лез! Одного ударил — смолчали: Бог с тобой, думаем, ты поэт; другого ударил — смолчали. Так ведь он стал после этого всех бить! Мы его, конечно, побили. А поэтов мы, грузины, уважаем: пиши стихи — пожалуйста!

На общественном суде над ним, отвечая Л. С. Сосновскому, сказал:
— Вы, Сосновский, себя жалеете, а мне вот себя не жалко.
Русская безжалостность к себе в нем действительно была, но и жалел он себя иногда очень сентиментально.
Пьяный, провалился в застекленный люк перед обувным магазином, жестоко порезал руку. Выйдя из больницы, показывал багровый рубец:
— Вот ведь какая рана! Руку отрезать хотели. Не позволил. Теперь не действует.
И жалостливо смотрит на свою якобы недействующую руку. А лицо — как у ребенка, который хочет, чтоб поцеловали ушибленное место.
А через минуту — задорно:
— Рука-то ведь эта действует! В «Стойле» на меня вчера трое навалились,— так я их...
И это не совсем точно. Дрался-то он действительно с тремя, но, рассказывали, отнюдь не победоносно.

Озорничать на эстраде было тогда модно. Эпатировали публику и недостаточно понятными стихами, и слишком понятными ругательствами. Не знаю, что ее больше оскорбляло.
Гражданин в фуражке «спеца» возмущался в «Стойле Пегаса»:
— Я, черт возьми, два факультета окончил. Почему ж я этого не понимаю?
В Политехническом Есенину свистали. Какой-то отец семейства, возмущенный теми самыми строчками, которые даже скромный Гиз печатает теперь без пропусков, громогласно протестовал:
— Безобразие! Я ведь с дочерью сюда пришел.
Есенин был не мастер пикироваться — конферансье он был ненаходчивый. Он окинул зал голубым взглядом и сказал бесхитростно крепкое мужицкое слово.
— Веришь ли,— рассказывал он мне на другой день,— девушки лицо руками закрывали. Плакали!

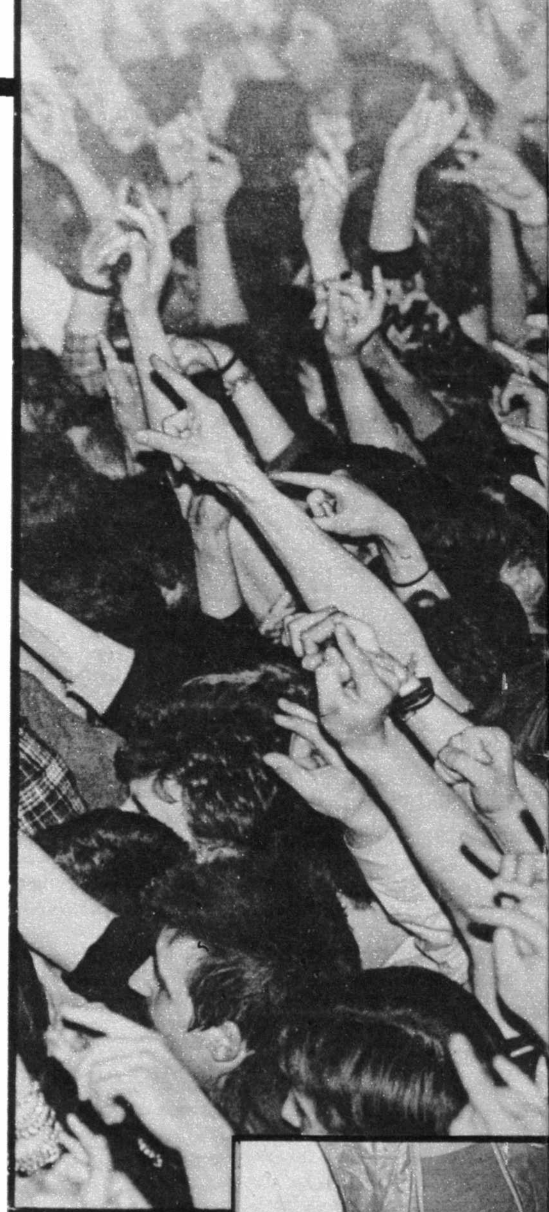
А человек он был все-таки застенчивый.
Горький жил в ту пору в Москве. Времена были сердитые, строгие, и я иногда захаживал в Машков переулок — послушать добрый бас Алексея Максимовича.
Есенин не раз собирался пойти со мной — «за компанию». Все, бывало, спрашивает:
— А удобно? А как он ко мне относится?
Так и не пошел.

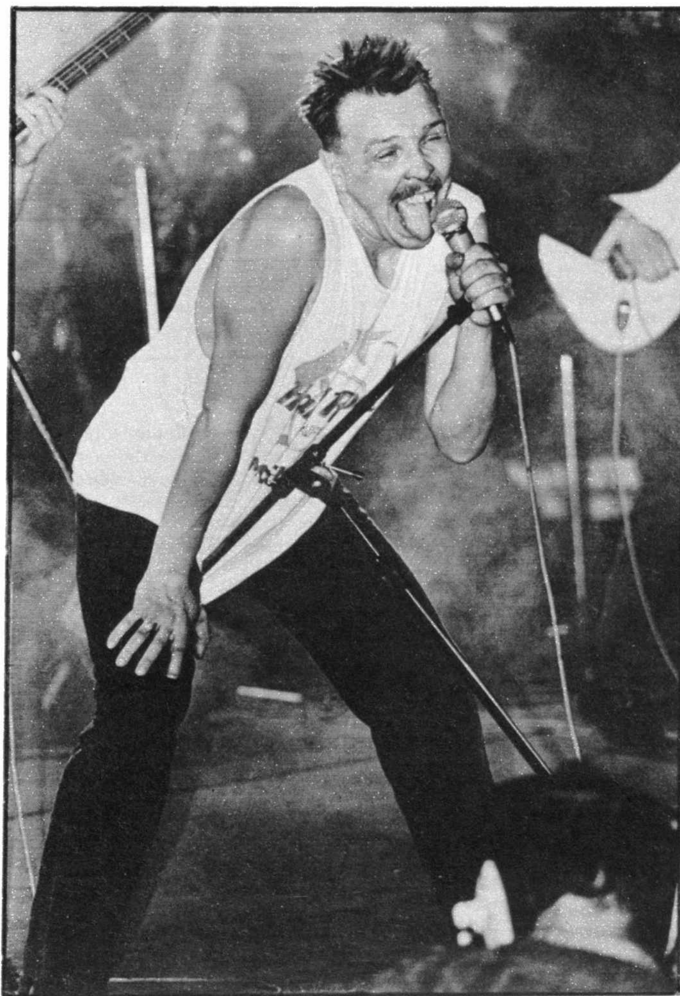
Актеры, я заметил, питали к нему особенную нежность. Может быть, потому, что он так эффектно «играл» свою жизнь.
Играл по старинке, нутром, как играли во времена Мочалова.

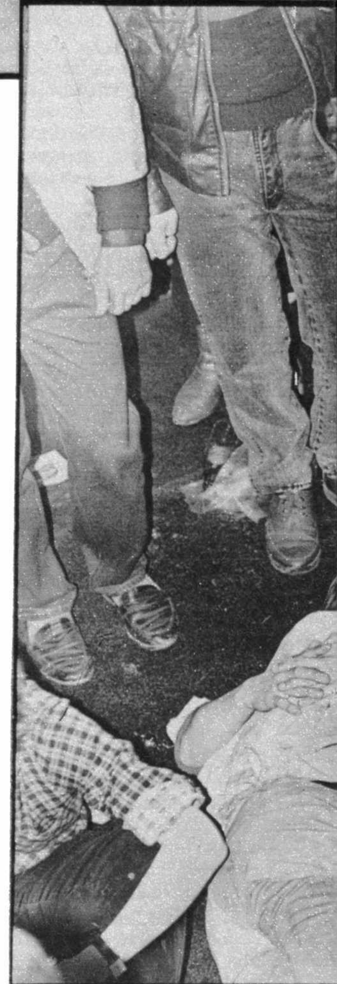
С людьми сходился легко, за стаканом «Напареули», за беседой по душам. С кем он только не водился в годы своих скитаний по России! С актерами. Коммерсантами. Террористами... Просто — с людьми.
Он не льнул к людям «с положением», не искал общества знаменитостей. Но всегда в его пестром окружении были один-два выбитых из колеи, малость опустившихся, но, в сущности, душевно хороших, преданных ему человека.

КОНЕЦ ВЕКА, ТУСОВКА

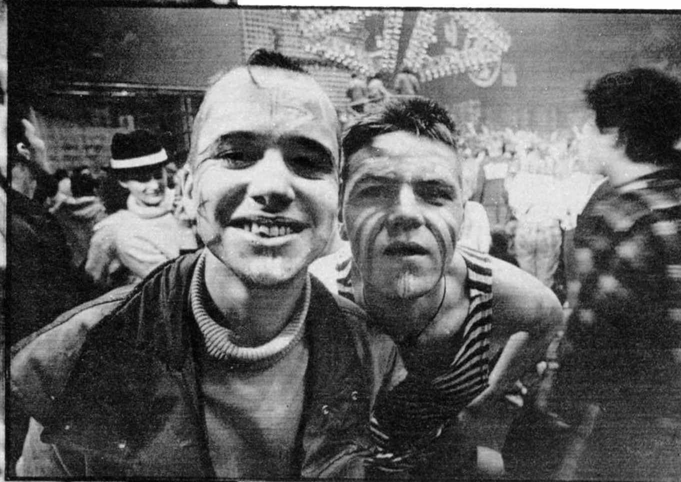
Был просто рок-концерт. И музыканты просто играли свою музыку. Кто хотел визжать — визжал, кто хотел целоваться — целовался, а кто-то просто лег, прислонившись к бортику, и думал о своем...
Участникам, видно, привычнее было срывать свою порцию восторженного воя и свиста больше за счет междометий и восклицаний: «Нормально, ребята? Как дела, ништяк?» «Ну что, мои хорошие, а? Как жить дальше будем, а?» И зал глохнет от собственного рева, и девочки в восторге размахивают над головами колготками...
Солиста уже не слышно, слов не разобрать, но ясно — о Родине что-то поет. Слова публика наизусть знает.
Все остальное — на фотографиях. Чтоб не забылось, поставим в конце дату: Москва, конец века, тусовка...
Светлана БАВЫКИНА
Фото Марка ШТЕЙНБОКА

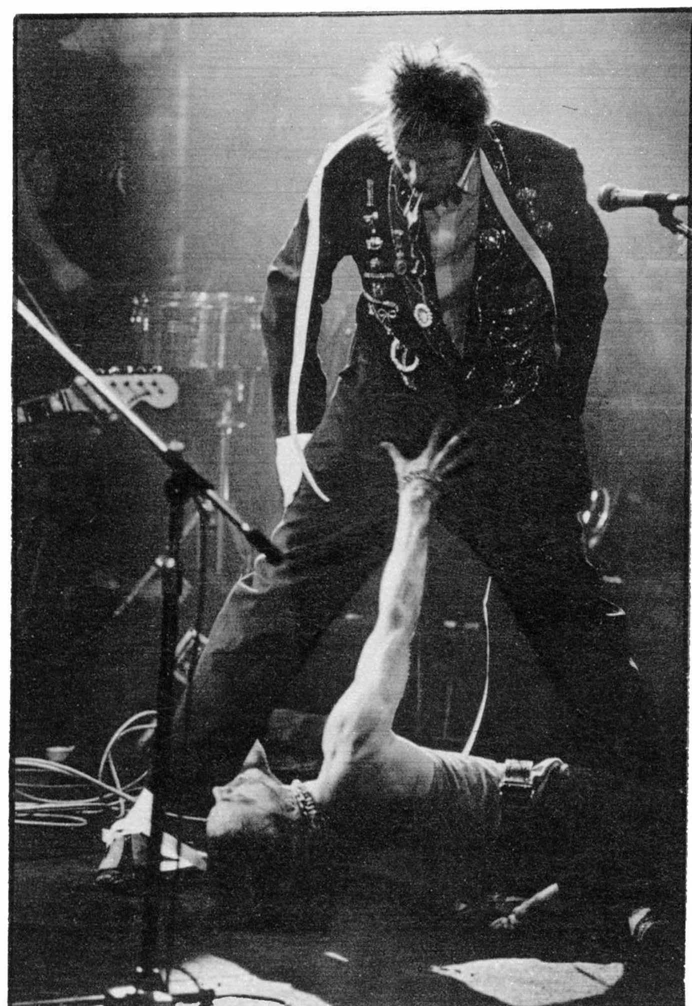

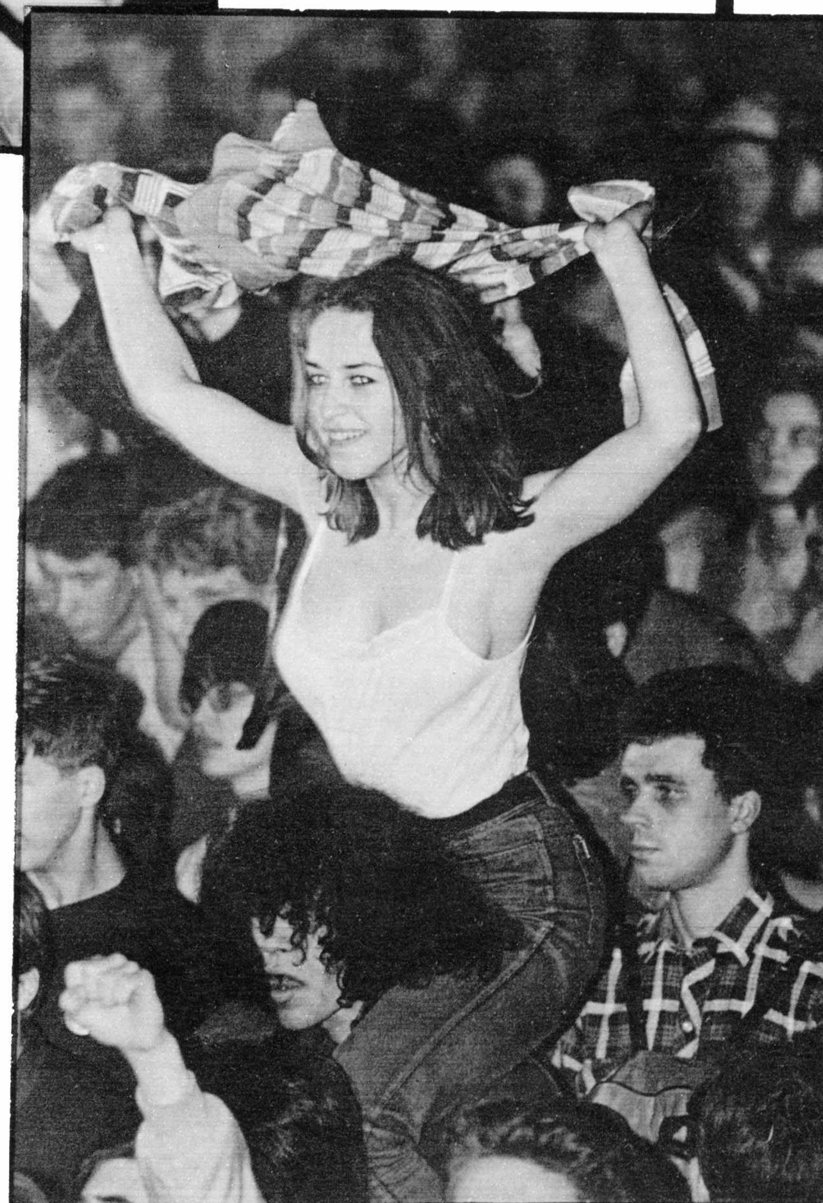

«АНЕКДОТЫ» ОТ ТИТОВА

А что если экранизировать анекдот? Такой, например, старинный, почти классический:

Василий Иванович с Петькой, спасаясь от белых, плывут через Урал. Петька:

— Василь Иваныч, убьют же, бросай чемодан, греби обеими!

— Не могу, Петька, в чемодане стратегический материал!

Доплыли, выбрались, лежат на песке. Петька:

— Василь Иваныч? Покажь материал!

Василь Иваныч открывает чемодан, вываливает картошку. Расставляет:

— Вот здесь мы, Петька, здесь белые, а тут я, на боевом коне!

Всех опередил режиссер Виктор Титов, поставивший на студии «Нева» при «Ленфильме» картину, которая просто так вот и называется — «Анекдоты».

Фильм начинается очень трогательно: на экране появляется огромная материнская грудь, к которой припадает только что родившийся человек. Вот он наелся, и сестра в белом халате унесла его навстречу дружному крику соседей по палате № 6, где они тут же начинают ухахатываться над первым в жизни анекдотом, разумеется, политическим. Анекдотом, всосанным с молоком матери. Это, конечно, гипербола, метафора, кинематографический ход, но не слишком далекий от реальности. Вспомните, разве вы услышали свой первый анекдот не в глубоком детстве? А уж в детском-то саду пошли вообще довольно рискованные. Тогда же услышали вы и проект наказания, пока нечто загадочное: «Посадят...» Что такое? А это когда не ремнем, не в угол, а далеко и надолго. И не тебя, а папу. И вот уже процесс рассказывания превратился в рискованное предприятие.

Взаимоотношения кино с анекдотом давние. Многих своих героев кино подарило анекдоту. Любознательный Петька и на все готовый дать свой решительный ответ Василь Иваныч, их изобретательная подружка Анка, неотразимый в своей приверженности к сентенциям Штирлиц, непробиваемый бюрократ Мюллер, наконец, «малый жанр» — крокодил Гена, Чебурашка, поросенок Пятачок (он же кабан Пятак), медвежонок Винни-Пух (он же медведь Вениамин) и даже Хрюша — телезвезда из «Спокойной ночи!». Все они как герои анекдотов прошли строгий «худсовет» народа.

И вот наконец кино решило потребовать у анекдота вернуть долги. Человеку, который первый рискнул выступить в роли требовательного кредитора, режиссеру ВИКТОРУ ТИТОВУ мы и решили задать несколько вопросов.

— Ходят упорные слухи, что вашу картину запретили или вот-вот запретят. Это правда?

— Вообще оснований достаточно. Фильм-то ведь о том, как в соответствующем заведении содержатся психи с манией величия. Карл Маркс, В. И. Ленин, В. И. Чапаев, Л. И. Брежнев, Н. С. Хрущев и так далее. В конце картины к ним присоединяется какой-то тип, явный самозванец, утверждающий, что он — Михаил Сергеевич Горбачев. Лично я такой фильм запретил бы с ходу. Но, к счастью, решаю не я, поэтому пока фильм жив.

Так вот, среди психов появляется еще один (его играет Александр Абдулов), который занят тем, что сочиняет и рассказывает анекдоты. Эдакий Сочинитель — тоже, стало быть, легендарный персонаж. Он-то вместе с авторами фильма и манипулирует бредовыми идеями своих товарищей по несчастью, отчего у него самого постепенно начинает «съезжать крыша». Еще бы. От такого лечения у кого хочешь «съедет».

Сидят на скамейке две бабки.

— Нет, Устинья, говорю я тебе, Ельцин будет после Горбачева править.

— А чегой-то?

— Ну, смотри. Ленин лысый был?

— Лысый.

— Сталин — волосатый. Хрущев — опять лысый. Брежнев — волосатый. Андропов — почти лысый. Черненко — волосатый. Говорю тебе — Ельцин будет править.

Вообще-то, прочитав сценарий, Саша Абдулов сильно сомневался, будут ли «работать» старые анекдоты.

— Ну, компания ваших героев еще долго протянет. Как и герои анекдотов, конечно.

— Дай Бог. Но, боюсь, не скоро исчезнет и подозрительность в адрес любителей вольно манипулировать этими выдающимися образами. Отсюда и слухи о закрытии картины. В нынешней ситуации эти слухи вполне могут стать реальностью. Великие тени могут отомстить...

Грузинское застолье. Тамада:

— Выпьем за среднего сына дяди Вано. Он дрался в ущелье и отомстил за старшего брата.

Выпили. Тамада:

— А теперь выпьем за младшего сына дяди Вано. Он дрался в ущелье и отомстил за старшего брата.

Выпили. Встает дядя Вано:

— Эх! Давайте выпьем за Ленина. Как он отомстил за старшего брата! Вах!

Я не сомневаюсь, что фильм вызовет протест у многих. Во всяком случае, кое-кто уже сейчас забеспокоился. «Заинтересованные организации» украли с «Ленфильма» одну копию для просмотров среди своих.

Кстати, еще одна причина возникновения слухов: у «Анекдотов» был замечательный редактор по фамилии Кузнецов. Ему фильм не понравился. Однако он решил его все равно показать и первой инстанцией для проката выбрал КГБ, надеясь, возможно, упрочить связи с этой организацией. Ну а люди, которые об этом узнали, Бог знает что подумали! Отсюда и слухи. Анекдот!..

— В самом деле, при чем тут безопасность, даже и государственная?.. Но сейчас вот существует закон о защите чести и достоинства Президента СССР, есть, кроме того, так называемая комиссия по охране нравственности, во главе которой встал министр культуры СССР Николай Губенко. Не страшно вам?

— А что лукавить — страшно. Особенность наших комиссий «по охране» в том, что нельзя догадаться заранее, что они сочтут нападением и от чего будут защищать.

А о том, какие ребята сидят в наших учреждениях культуры, есть очень правдивый анекдот.

Человек звонит по телефону:

— Алло, прачечная?

— Херачечная! Это Министерство культуры!

Так что, если уж совсем серьезно, не за себя боюсь. Страшно, что в который уж раз все опять сведется к реанимации такого лживого и ханжеского по-

нятия, как совнравственность.

— В вашем фильме вы собрали анекдоты разных эпох. Как же вы решились рассказывать анекдоты «с бородой»?

— Ну, ставят же тысячи раз «Гамлета»! Почему же не рассказать старую байку, если в ней есть и здравый смысл, и «соленый» юмор. Русский анекдот, по-моему, и отличается от английского или французского именно крепостью и сочностью выражений. Любители изящной словесности будут, естественно, шокированы некоторыми вещами...

Рабочий Путиловского завода пришел в баню. В одной шайке моется, в другой — ноги парит. Тут подходит к нему какой-то гнилой интеллигент:

— Това'ищ, уступите шаечку!

— Пошел ты на...

Тот отошел, побродил, шайки не нашел, снова подходит:

— Това'ищ, это не по-коммунистически — у вас две шайки, а у меня ни одной!

— Пошел ты на..., а не то как е... шайкой по лысине! — И спрашивает банщика: «Кто это тут у тебя рабочему человеку мыться мешает?» «Да Ленин это...»

Через пятьдесят лет. Председатель собрания:

— А сейчас перед вами выступит с воспоминаниями старый рабочий, который два раза беседовал с Лениным!

...Такова уж традиция. Недавно Ролан Быков где-то рассказывал, как он готовился к роли скомороха в «Андрее Рублеве» и с огромным трудом, дав какие-то подписки о неразглашении, получил из спецхрана древние записи скоморошьих текстов. И растерялся — они почти сплошь состояли из мата. То, что мы слышали в фильме Андрея Тарковского,— адаптированный вариант, сочиненный Роланом Быковым.

— Еще недавно анекдот воспринимался как глоток свежего воздуха. Это была ниточка, связывающая здравомыслящих людей, помогающая не задохнуться во лжи. Как сегодня воссоздать то же ощущение от анекдота?

— Очень трудно. Тем более что из множества миниатюр мы создавали целостную картину с простой, но очень жесткой сюжетной линией. Приходилось от каких-то очень хороших анекдотов отказываться, чтобы сохранить конструкцию... Еще одна сложность, касающаяся больше формы, чем содержания. Пришла пора снимать то, что называю «открытое кино». Откровенное.

Если это комедия — то уж парад юмора, острых ситуаций. И полная режиссерская свобода от внутренней и внешней цензуры. Мы к такому кино не привыкли. Нашему зрителю привычнее намеки, манки, подтекст, недосказанность, и даже там, где ее нет, он все равно ее ищет.

Мне кажется, драматургия картины должна постепенно приводить зрителя к финалу, который отнюдь не смешон, а скорее трагичен. На Руси казнили скоморохов, позже из-за анекдота стрелялись на дуэли. Потом перестали церемониться, и пошли пополняться ряды лагерников и смертников за рассказанный «не в той» компании анекдот, а компании почти всегда были «не те».

У разных людей наш финал вызывает разные ассоциации и мысли. Чета пожилых эмигрантов вышла из зала в слезах, но допускаю, что кому-то в фильме покажутся интересными только анекдоты.

— Что будет, если Брежнева по голове стукнуть?

— БАМ!!!

— Ну, и напоследок расскажите какой-нибудь, лучше политический.

Встретились два человека. Один предлагает:

— Хочешь политический анекдот?

— Давай...

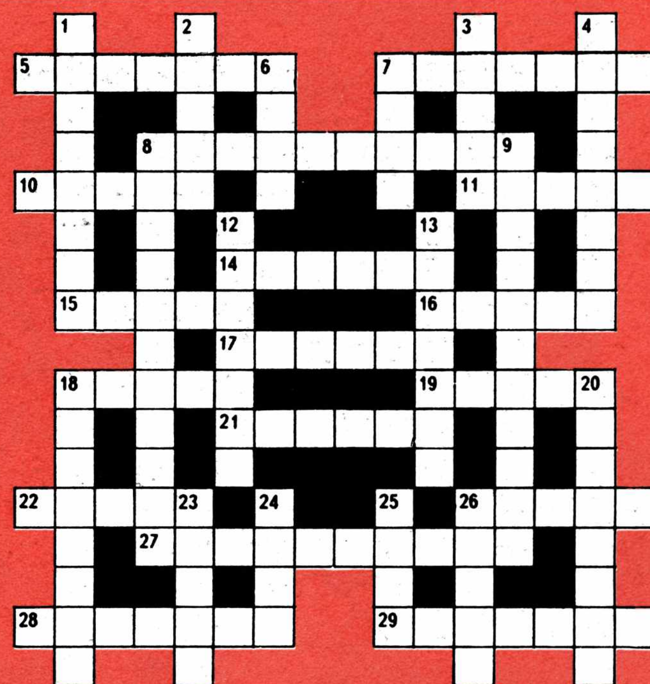
Рассказал, а тот ему красную книжечку в нос:

— Пошли!

Второй тут же лезет во внутренний карман:

— Нет, это ты пошли. За то, что слушал.

Интервью вел И. ФИЛИНКОВ.
Фото Александра ТИТОВА

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Азбука. 7. Прицеп для перевозки тяжеловесных грузов. 8. Метательное устройство, применявшееся до XV века при осаде крепостей. 10. Полярная лисица. 11. Приток Тобола. 14. Часть света. 15. Симфоническая сюита Н. А. Римского-Корсакова. 16. Фигура пилотажа. 17. Нарицательная стоимость бумажных денег, облигаций. 18. Раздел книги, статьи. 19. Итальянский поэт XIII—XIV веков. 21. Столица государства в Центральной Африке. 22. Вид сценического искусства. 26. Награда за заслуги. 27. Форма государственного правления. 28. Декоративное растение с душистыми цветками. 29. Живописец, народный художник СССР.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Одноклеточная зеленая водоросль. 2. Минерал, двуокись кремния. 3. Игра, в которой деревянные столбики сбиваются катящимся шаром. 4. Наука о законах наследственности и изменчивости организмов. 6. Приток Вилюя. 7. Духовой музыкальный инструмент. 8. Немецкий писатель, автор романа «Братья Лаутензак». 9. Форма подготовки научных и педагогических кадров. 12. Тонкая хлопчатобумажная техническая ткань из некрученой пряжи. 13. Областной центр в РСФСР. 18. Древнегреческий философ, основатель античной диалектики. 20. Воинское звание. 23. Народный артист СССР, игравший в Московском театре имени Маяковского, киноактер. 24. Спутник Сатурна. 25. Трехмачтовое парусное судно. 26. Установленный размер заработной платы.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 18

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 4. «Соловей». 9. Борозда. 10. Тройник. 12. Кроль. 13. Актиния. 14. Ромашка. 15. Бутон. 17. Легато. 18. Каолин. 19. Содружество. 24. Бузони. 26. «Лисица». 27. Тьете. 28. Вьетнам. 29. Колчина. 30. Сиена. 32. Зрелище. 33. Бригада. 34. Солярий.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Ропак. 2. Бодрость. 3. «Месть». 5. Ординар. 6. Взаимопонимание. 7. Коротковолновик. 8. Инсаров. 9. Буклет. 11. Кетлик. 15. Буерист. 16. Невское. 20. Курьез. 21. Портрет. 22. Ясачная. 23. Сценка. 25. Перепляс. 30. Сезон. 31. Аброс

ЛИЗИНГ

1 руб. Индекс 70663

Рубль теряет свою силу
с каждым днем!
Торопитесь реализовать
свои желания!
Наши товары за рубли — ваш шанс
не проиграть борьбу с инфляцией:
— телефонные аппараты
известнейшей
марки «Панасоник»
— калькуляторы
с рассчитывающим
устройством фирм «Шарп»
и «Кэнон» — для вашего бухгалтера
автоответчики с программой,
никогда не ошибающиеся
и хранящие
для вас всю информацию
на магнитной ленте.

ДЛЯ ТЕХ, КТО ОБЛАДАЕТ СВОБОДНО КОНВЕРТИРУЕМОЙ
ВАЛЮТОЙ, ДИАПАЗОН ТОВАРОВ ЗНАЧИТЕЛЬНО ШИРЕ. ЭТО:
мебель для офисов (Италия, США)
оргтехника и средства связи
теле- и видеотехника
бытовая аудиоаппаратура
И МНОГОЕ ДРУГОЕ ИЗ МИРА ОТЛИЧНО СРАБОТАННЫХ ВЕЩЕЙ!

Ждем ваших предложений
по телефонам
в Москве:
963-24-22 и 963-33-13
Факс: 963-27-66.
Адрес: 107061, Москва,
Преображенский вал, 24, корп. 1,
5-й подъезд.

НАША ФИРМА ПРЕДЛАГАЕТ ВАМ ТАКЖЕ СКЛАДСКИЕ ПОМЕЩЕНИЯ
НЕДАЛЕКО ОТ ЦЕНТРА МОСКВЫ, ОТВЕТСТВЕННОЕ ХРАНЕНИЕ
ВАШИХ ГРУЗОВ, ИХ ДОСТАВКУ И ПОГРУЗКУ.
ОПЛАТА В СКВ И В РУБЛЯХ.

ЭСКАРТ